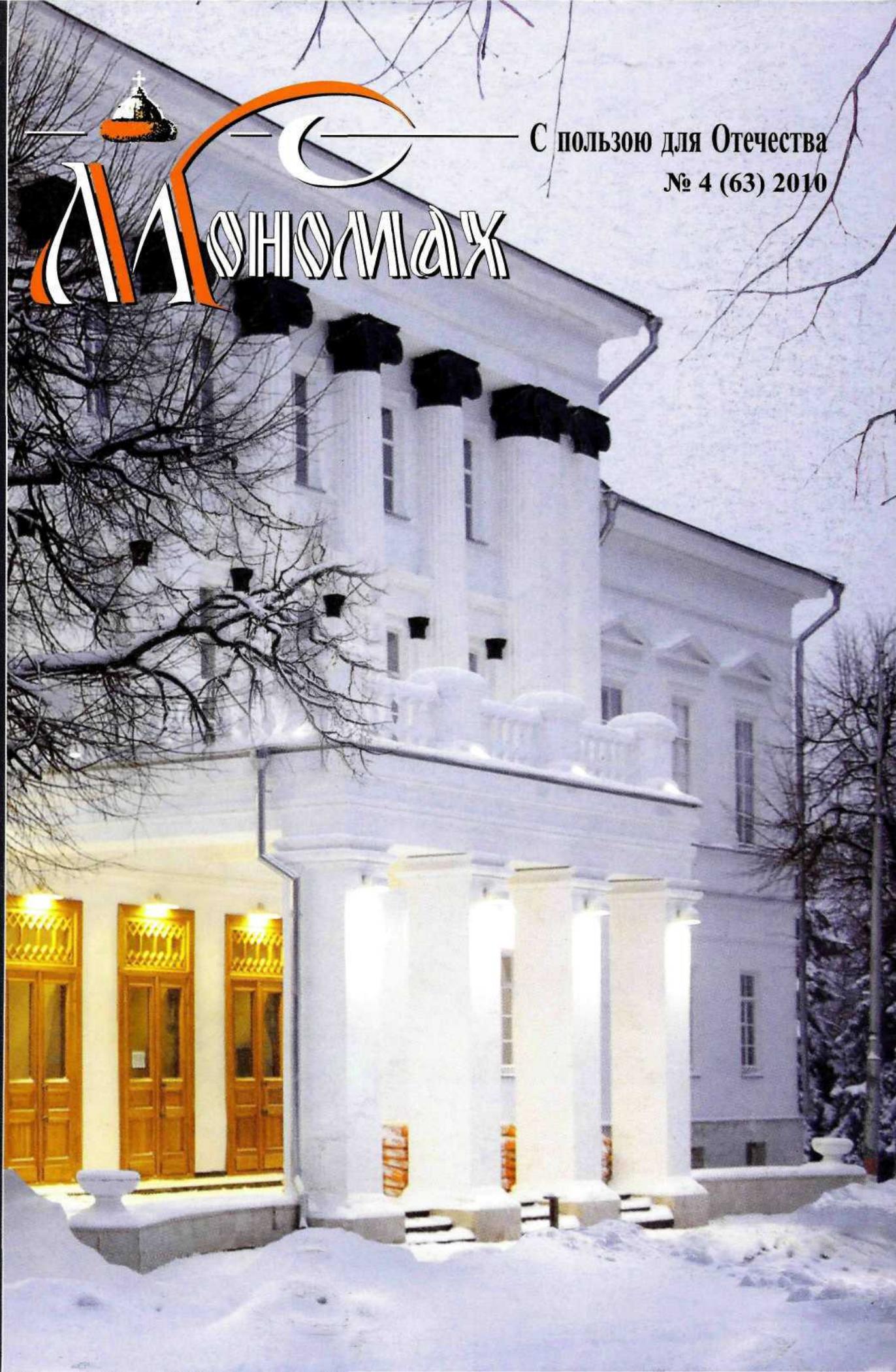

МОНОМАХ

С пользою для Отечества
№ 4 (63) 2010

Дорогие читатели!

Завершая тему «Год учителя», «Мономах» обращает внимание читателей на проблему воспитания здоровой личности – личности духовно-нравственной, творческой, свободной.

Но как её воспитать, если огромное число россиян выпало из своей тысячелетней религии и культуры и, лишившись духовной опоры, поддавшись искушениям псевдокультуры? Уязвимость нравственная открыла путь в секты, в сети наркоторговцев, к депрессии и алкоголю. Уклониться от этой проблемы нельзя, так как зло стало таким открытым, дерзким и безнаказанным, что проникло даже в души детей.

Общество остро ощущает дефицит нравственных качеств, совести, милосердия. Владимир Иванович Даль, юбилей которого мы будем отмечать в следующем году, так определил значение слова «милосердие»: сурдоболие, сочувствие, готовность делать добро всякому, любовь на деле. Но, увы, любви на деле как раз и не хватает.

Мы обязаны обеспечить детям духовную безопасность, побудить их к подвижнической активности и развитию свободы.

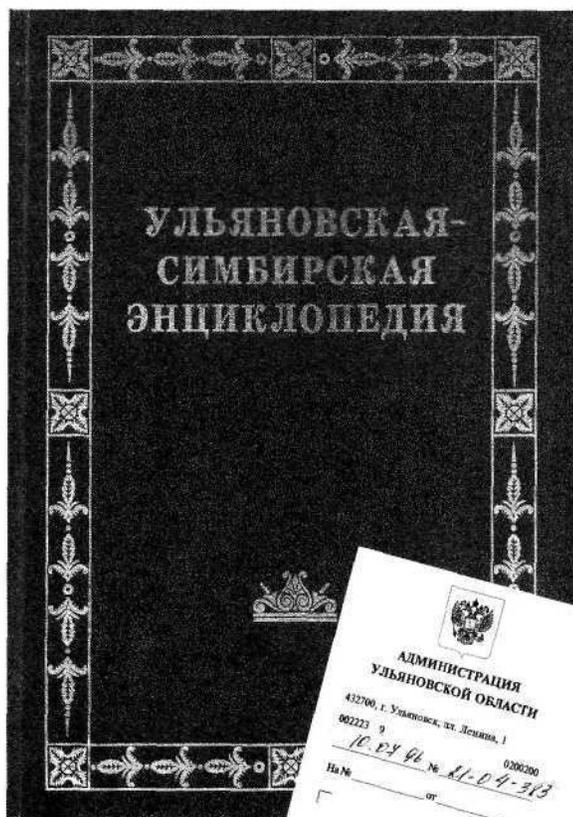
Свобода – дар великий, но опасный. Чтобы научиться им пользоваться, нужно совершенствовать душу. Вне развития свободы нет воспитания – об этом говорил наш великий земляк Н.М. Карамзин, на это обращает внимание читателей «Мономаха» и гость номера И.П. Золотусский.

Приглашаем всех к непростому разговору о добре и зле, о служении Отечеству, об ответственности каждого из нас перед предками и потомками.

Ольга Шейнак

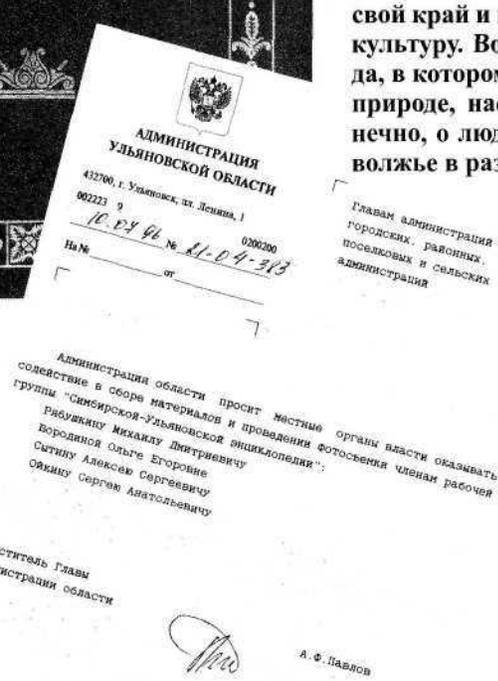

Ульяновская библиотека
научно-технической информации
им. В.И.

Куплю Ульяновскую- Симбирскую ЭНЦИКЛОПЕДИЮ...

1990-е годы вошли в историю нашей страны как сложные, переходные, смутные. Но именно в это время в Ульяновске возникла идея, которая на многие годы объединила людей (до этого мало знакомых и совсем незнакомых), любящих свой край и мечтающих донести до потомков его историю и культуру. Возникла идея создания фундаментального труда, в котором были бы обобщены наши знания по истории, природе, населённым пунктам, памятниках, реках, и, конечно, о людях, живших и работавших в Симбирском Поволжье в разные эпохи.

В 2000 году, 10 лет назад, вышел в свет первый том Ульяновской-Симбирской энциклопедии. Работа над ним продолжалась несколько лет, в списке авторского коллектива 255 человек, редакционной коллегии – 8. Некоторые являются авторами десятков статей, другие – одной-двух, но без каждого из них энциклопедия была бы неполной.

Редколлегия II тома
Ульяновской-Симбирской
энциклопедии:
Т.Ф. Верещагина,
М.Г. Казанцева,
А.Ф. Гарина,
В.А. Ойкина,
В.Н. Егоров,
Н.И. Никитина,
О.Е. Бородина,
А.С. Сытин

Началось всё с поиска оптимального состава редколлегии, тех людей, которые согласились бы не только писать в энциклопедию статьи, но и подолгу возиться с «разношёрстными» материалами других авторов, чтобы добиться информационной и стилистической однотипности, совершенно необходимой в данном случае. Это далеко не всех устраивало, поэтому состав редколлегии в процессе работы неоднократно менялся. К тому же работа в основном предполагала энтузиазм, так как финансирования фактически не было.

Инициатором идеи создания Ульяновской-Симбирской энциклопедии выступил Вячеслав Николаевич Егоров, который взвалил на себя тяжёлый груз по организации работы, сбора и систематизации материала. Создавались рабочие группы, обсуждались тематика и перечни статей (словники), искали специалистов по отдельным вопросам. Кстати, именно тогда чётко выявились так называемые «белые пятна» в краеведении. Для привлечения как можно более широкого круга ульяновцев к созданию энциклопедии в отделе краеведения Дворца книги оставлялись словники и тексты, и каждый желающий мог посмотреть их и оставить свои предложения и замечания.

Каркас энциклопедии составляла история населённых пунктов области. От буквы к букве её писали Михаил Рябушкин и Алексей Сытин, которые в начале 1990-х годов объездили всю Ульяновскую область, выявляя и обследуя памятники истории и культуры на территории региона. Именно они добились включения в энциклопедию статей о всех населённых пунктах (пусть даже самых кратких). В то же время они настояли на сохранении ряда обстоятельных статей таких уважаемых авторов как Н.А. Кузминский, В.К. Воробьёв, С.М. Кончев и другие, хотя подписи под множеством своих материалов они сняли. Со свойственной им обим педантичностью и обстоятельностью была выработана структура статей, когда в небольшом объёме вмещается огромная информация.

Читая скудные строки, не каждый осознаёт, как мучительно создавались статьи. Стояла задача не утонуть в мелочах, в интересных фактах, ко-

торых у этих авторов было предостаточно, ведь иначе это была бы уже не энциклопедия...

Выверялись даты, фамилии. Были споры, обсуждения. Например, нужно ли писать о сёлах, которые исчезли? Как узнать об уровне развития села, его экономике, изменениях во времени? Для сравнительного анализа и ответа на эти вопросы были выбраны два временных среза: 1913 год как пик развития предвоенной экономики дореволюционной России, чаще всего используемый в исторической литературе, и 1996 год, характеризующий современное состояние. Решили писать и об исчезнувших сёлах, ведь они – место рождения многих поколений людей, и было бы странно оставить их без родины.

Постепенно определился круг людей, которые естественным образом составили редакционную коллегию I тома: В.Н. Егоров (редактор-составитель), О.Е. Бородина, А.Ф. Гарина, С.А. Ойкин, М.Г. Казанцева, М.Д. Рябушкин, А.С. Сытин и Т.Б. Табарданова.

Распорядок работы был достаточно жёстким. В памяти остались еженедельные совещания, когда надо было сдать статьи на отдельную букву. Приходилось сидеть до трёх-четырёх часов утра, чтобы написать или выправить имеющиеся статьи и сдать их В.Н. Егорову, обсудить возникшие вопросы.

Сразу выяснилось: со статьями природного раздела легче. Костяк авторов – преподаватели естественно-географического факультета педагогического института, прекрасные специалисты и знатоки природных особенностей края, флоры, фауны. Работа над энциклопедией была на общественных началах, но настолько все были заражены желанием издать энциклопедию, что использовались и выходные, и отпуска. Геолог В.Ф. Ерхов, отправляясь в санаторий в Ундоры, захватил с собой увесистую стопку справочников, чтобы поработать над статьями.

Энциклопедия предполагает краткость, но краеведческая энциклопедия – особое издание. Как для самих жителей Ульяновской области, так и для гостей в ней нужно было собрать материалы о наиболее значительном и примечательном, отличающим регион от других, что составляет

её гордость. Так появились статьи о наших знаменитых симбирянах Н.М. Карамзине и И.А. Гончарове, памятниках истории и культуры, памятниках природы, ульяновском Венце и Волге, поделочных камнях симбирците и сенгилите, ульяновских «ящерах» и другие.

Благодаря энергии и оптимизму Альбины Фёдоровны Гариной собирались статьи по истории. Она искала авторов, договаривалась с ними, ходила в типографию, раздавала материал на вычитывание. Уже болея, работала над указателями, вычитывала гранки второго тома. Её уход из жизни тяжело ранил сердца всех, кто с ней работал.

Специально для фотосъёмки Ульяновский региональный общественный фонд культуры, которым тогда руководили Т.Л. Ильёсова и В.А. Иванов, предоставил машину. Небольшая группа в составе С.А. Ойкина, М.Д. Рябушкина, А.С. Сытина и О.Е. Бородиной методично объезжали сёла, реки, родники, памятные места. После таких поездок ноги порой еле передвигались. Сотни отснятых кадров иллюстрируют энциклопедию, а впечатлений от увиденного хватит на всю жизнь. Удивительная деревянная резьба, сохранившаяся в сёлах, бывшие дворянские усадьбы, храмы; разнообразие ландшафтов, от ковыльных степных участков до таёжных уголков, множество родников с удивительно вкусной водой.

Несмотря на все усилия авторского коллектива, изданный труд далеко не свободен от разного рода неточностей и даже ошибок. Составители энциклопедии после её выхода в свет тщательно фиксировали все замечания.

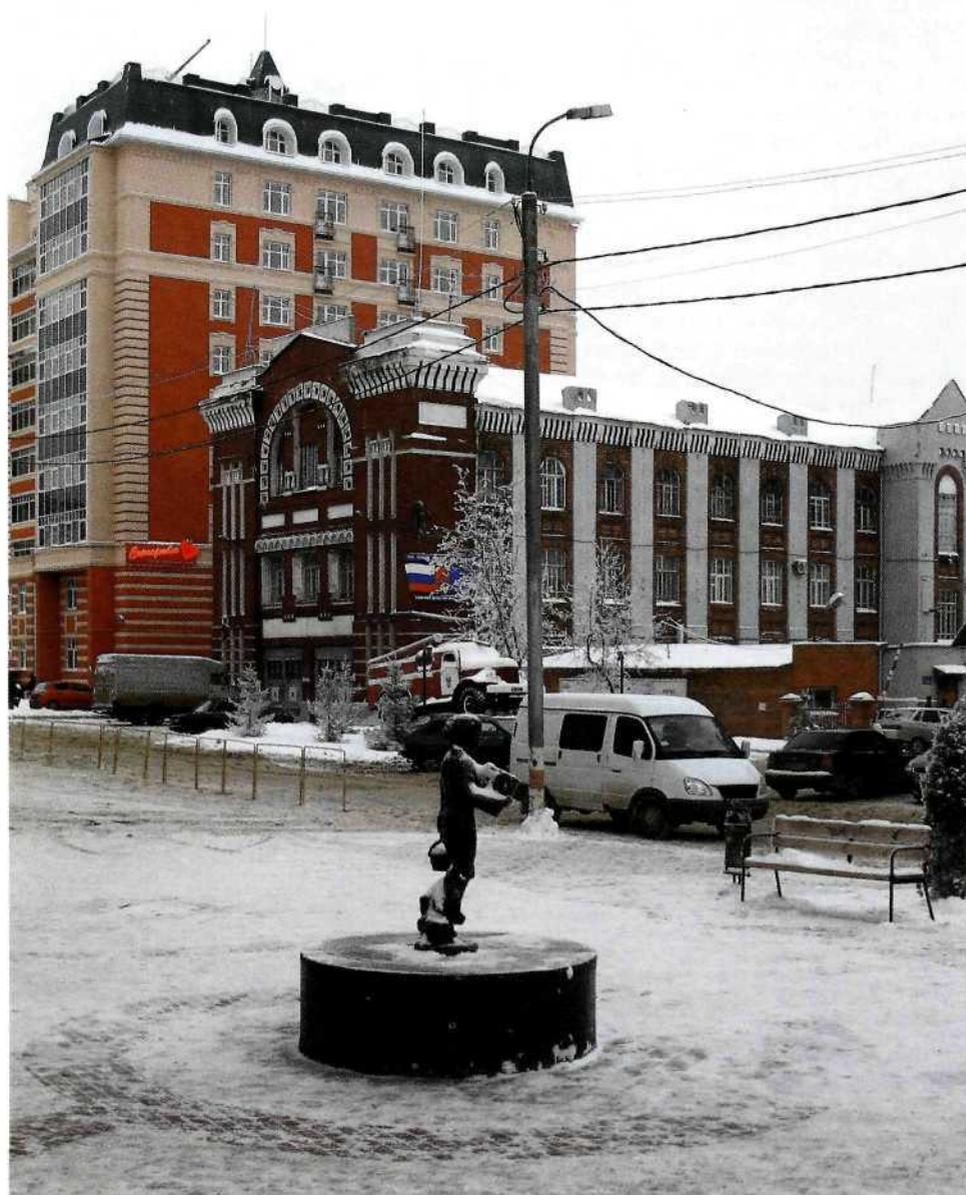
За 10 прошедших лет появились новые исследования. Этот материал в настоящее время позволяет приступить к работе по подготовке нового исправленного и дополненного издания. Тем более что первоначальный тираж уже давно разошёлся, электронная версия была выпущена малым тиражом, и в последнее время мы всё чаще встречаемся с объявлениями разных лиц, желающих приобрести Ульяновскую-Симбирскую энциклопедию.

Ольга Бородина

Станет ли Ульяновск культурной столицей Европы?

Ульяновск будет бороться за право первым из российских городов стать культурной столицей Европы. Такую амбициозную задачу поставил перед ульяновцами Губернатор Ульяновской области. Первым шагом должна стать, как выразился Сергей Иванович Морозов, «активная интеграция культуры Ульяновской области в международное культурное пространство».

Вид на Пожарный переулок

Культурная столица Европы – инициатива Евросоюза, состоящая в ежегодном избрании того или иного города центром культурной жизни континента с целью привлечения внимания к его культурному развитию. Первой культурной столицей Европы стал город Афины в 1985 году. Что же касается российских регионов, только Ульяновск и Пермь рискнули претендовать на статус культурной столицы Европы. Порыв, действительно, амбициозный, и он вызвал много споров. Всех волнует вопрос: достаточно ли развита культура нашего города, чтобы представлять её на обозрение Европы?

Ульяновск уже имел статус «культурной столицы» в 2001 году, но не Европы, а только Поволжья. Тогда всего лишь за один год в городе состоялось около 70 крупных культурных событий и акций. Стоит напомнить, что и в 2001 году было немало разнотолков по поводу того, культурная ли столица наш город, но многие увидели в этой акции возможность изменить имидж Ульяновска, и они не ошиблись. Фестиваль «Ульяновск – культурная столица 2001» наметил перспективы развития культурного бизнеса, инфраструктуры города и положил начало развитию проектно-грантовой деятельности в Ульяновской области и даже в глубинке.

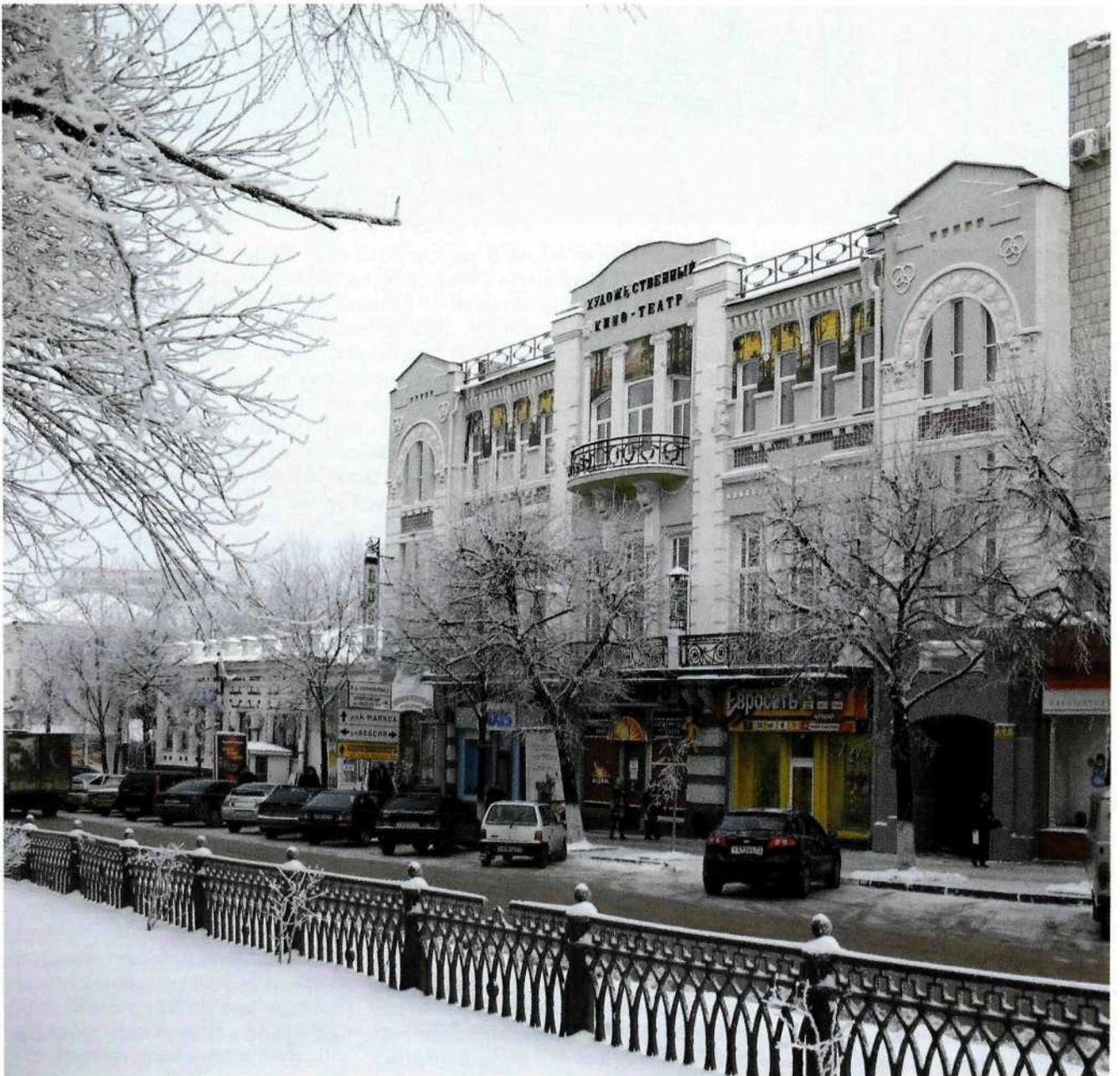
Программа культурных мероприятий на 2011–2016 годы обширна и многопланова. Она потребует от общественности и чиновников очень больших усилий. И если всё-таки Ульяновск станет культурной столицей Европы, это, несомненно, даст серьёзный толчок для развития культуры нашего региона.

Фото Алексея Сытина

Фрагмент декора на фасаде здания бывшего к/т «Модерн»
Фрагмент декора на фасаде дома архитектора Ф. Ливчака

Вид на к/т «Художественный» с улицы Гончарова

Фотографии Нафанаила

Все самые важные события в жизни архиепископа Симбирского и Мелекесского Прокла происходили в октябре: 10 октября 1943 года архипастырь родился, 18 октября 1987 года была совершена хиротония архимандрита Прокла в епископа Тихвинского, а 30 октября 1989 года он прибыл на вновь открывшуюся Симбирскую кафедру и с тех пор является Преосвященным Симбирским и Мелекесским. Срок его служения здесь не очень большой, а вот величина трудов, которые понёс архипастырь ради возрождения епархии, удивительна.

В самый разгар жары, 6 августа 2010 года, архиепископ Прокл совершил облёт града Симбирска с молитвою ко Господу о защите губернии от огня и пожара и молитвою о дожде. Владыка распорядился не брать даже журналистов и представителей администрации области, чтобы никто не нарушал соборность молитвы. И она неслась сквозь время и пространство, и было ощущение, что история Симбирской епархии делает новый виток, правильный и единственно оправданный сегодня. По всей необозримой, раскалённой от нестерпимой жары территории России пылали леса, горели деревни, гибли люди, и родственники оплакивали погибших близких, а симбирское священство молило Царицу Небесную Неопалимую Купину не допустить огонь пожариш на нашей земле...

Святейшее служение

Уже в первые годы существования наш город имел 18 церквей и часовен. Однако Симбирская губерния очень долго добивалась самостоятельности своей епархии, и только через полтора века, в 1832 году, была образована, наконец, Симбирская епархия.росло количество храмов и монастырей. В 1840 году в Симбирске была открыта духовная семинария, чуть позже — училище для девиц духовного звания

при Спасском монастыре. При владыке Феофисте (1874–1882) начали работать миссионерский комитет, Николаевское противораскольническое братство, братство Трёх Святителей. В это же время стали издаваться «Симбирские Епархиальные Ведомости» и было организовано женское епархиальное училище. При епископе Никандре (1895–1904) в епархии было открыто свыше 150 церковных школ, организовано

Кирилло-Мефодиевское братство при Симбирском мужском духовном училище.

1917 год положил начало большим экономическим потрясениям и духовной смуте. В 1930-х годах шло уничтожение церковной жизни светскими властями, которое особо проявлялось в преследовании духовенства и закрытии храмов. В 1935–1937 годах управление епархией производилось из города Мелекесс, а затем кафедра пресеклась. Многие священники встретили тогда насильственную смерть или заточение.

В ноябре 1941 года в Ульяновск была эвакуирована из Москвы Патриархия. Её возглавлял Патриарший местоблюститель митрополит Сергей. Патриархии было передано помещение бывшего польского костёла. Отсюда митрополит Сергей продолжал осуществлять церковное руководство, решая основной вопрос того времени – участие Церкви во всенародном подвиге защиты Отечества. В июле 1943 года перед отъездом Патриархии в Москву в здании бывшей Ильинской церкви состоялось предсоборное совещание, на котором митрополит Сергей был рекомендован к избранию Патриархом Московским и Всея Руси.

Переезд Московской Патриархии в Ульяновск поспособствовал тому, что в ноябре 1941 года в Ульяновской епархии вновь была открыта архиерейская кафедра. Её возглавил архиепископ Иоанн (Соколов). Руководил епархией владыка недолго: в феврале 1943 года он был возведён в сан митрополита и назначен Св. Синодом митрополитом Киевским и Галицким, экзархом Украины.

В 1959 года в стране начался новый виток антицерковных гонений, и архиерейская кафедра была надолго закрыта. Восстановили епархию 13 сентября 1989 года. А 30 октября в Ульяновск прибыл первый после 30-летнего перерыва архипастырь. Он вырос в простой семье. Матушка воспитывала его смиренным и послушным христианином, и он выбрал служение Богу. Окончив Ленинградскую духовную семинарию и академию, получил степень кандидата богословия и не помышлял об архиерейском сане, но был наречён епископом Тихвинским, и вскоре Господь привёл его в Симбирск.

Напомним, что перед революцией в Симбирской епархии было 774 церкви, 192 часовни; 11 монастырей. А к моменту приезда владыки Прокла – только девять действующих храмов, из них два – в Ульяновске. Всё было разорено. Епархиальное управление занимало подвальное помещение Неопалимовского собора. Пройдёт всего лишь пять лет, и в епархии будет зарегистрировано 72 прихода, а ещё через пять лет – сто приходов.

В 1993 году была возрождена Жадовская обитель и открыт новый женский Комаровский Михайло-Архангельский монастырь. Горячими молитвами и большими трудами владыка Прокл сумел вернуть епархии историческое название: в 2001 году она стала называться Симбирская и Мелекесская и буквально воскресла.

В 1997 году вновь была обретена Чудотворная Жадовская икона Казанской Божией Матери, и вскоре ожила старинная традиция крестного хода с иконой Казанской Богоматери по всей губернии.

В 1998 году состоялось прославление в лике местночтимых святых Ульяновской епархии Святого блаженного Андрея, Симбирского Христа ради юродивого, Чудотворца.

А в 2000 году – канонизация Святого преподобноисповедника Гавриила Мелекесского. Так Симбирская губерния приобрела святых небесных покровителей.

Немало трудов и духовных сил приложил архипастырь к делу возрождения веры православной в «красной» губернии, но одна мечта владыки Прокла долго не осуществлялась: 17 лет он добивался от власти, чтобы епархии передали Воскресенский (Германовский) храм. Наконец, несмотря на экономический кризис, Правительство Ульяновской области приняло нелёгкое решение: госархив был вывезен из собора, и храмовое сооружение передано церкви. На благо восстановления Германовского храма была объявлена всенародная подписка, в которой приняли участие предприятия и организации, простые жители области. Уже весной 2010 года, на Пасху, при огромном стечении народа здесь состоялась праздничная Божественная Литургия. А 18 октября, в день хиротонии архиепископа Прокла, праздник в Воскресенском (Германовском) храме проходил с особой торжественностью: исполнилось то, о чём столько лет мечтал архипастырь.

Архиепископ Симбирский и Мелекесский Прокл возлагает цветы к Поклонному кресту-памятнику трём разрушенным храмам Симбирска. 2010 год

Германовский храм

Второе рождение

В жизни Симбирской епархии произошло очень значимое событие. Воскресенский (Германовский) храм, который был построен в 1720-х годах, но отобран у верующих в 1931 году, возвращён церкви в 2008 году после долгих 17-летних судебных тяжб! А с этого года в храме регулярно совершается богослужение.

Фотографии Нафанаила

Св. Герман –
Чудотворец
Свияжский

Св. Герман был игуменом Свияжского Богородицкого монастыря, основанного Гурием для насаждения христианской веры среди магометан. После смерти Гурия в 1564 году Герман был избран архиепископом Казанским и Свияжским. В 1566 году Герман по требованию царя Ивана Грозного, помимо своей воли, должен был быть назначен в митрополиты московские. Но святитель потребовал от царя отмены опричнины и стал обличать его, призывая к покаянию. Царь велел передать Герману: «Ты ещё не возведён на митрополию, а уже отнимаешь у меня свободу». И изгнал его с митрополичьего двора, приказав держать в Москве под надзором. Святитель Герман умер в Москве 6 ноября 1567 года во время моровой язвы. В 1595 году, по просьбе жителей Свияжска, мощи Святого Германа, оказавшиеся нетленными, перенесены были из Москвы в их город, где и почивают доселе.

Воскресенская (Германовская) церковь построена на месте ранее существовавшей часовни у верховья озера Маришка. Дата постройки ориентировочно относится к 1722 году. В церкви было три престола: в память обновления Храма Христова Воскресения; во имя Гурия и Варсонофия – Казанских Чудотворцев; во имя Германа – Свияжского Чудотворца. В 1854 году престолы были переименованы: престол Христова Воскресения оставлен без изменения; правый придельный престол был посвящён трём святителям Казанским: Гурию, Варсонофию и Герману; левый – апостолам Петру и Павлу.

В 1877–1879 годах церковь была перестроена, а престолы дополнены ещё двумя, всего их стало пять. В 1890–1894 годах пристроена колокольня с трапезной по проекту инженера путей М.Г. Алякринского, известного по таким зданиям, как земская уездная управа (ныне Дом офицеров), духовное училище (ныне один из корпусов УлГУ).

Архитектурно-художественная композиция церкви своеобразна и никогда ни в одной ранее существовавшей церкви города не повторялась. Фигурный красный кирпич в сочетании с декоративными вставками из белого вятского камня широко использован в декоративном убранстве фасадов. Арочный навес с колоннами-бочками и каменной лестницей оформляет вход в храм с южной стороны. Многоярусная стройная колокольня разобрана в 1930-е годы.

В средней части на четырёх столбах и подпружных арках покоится сферический свод. Алтарная часть с восточной стороны выступает полукружиями трёх апсид. Вес большого колокола церкви достигал 703 пуда 21 фунт при весе языка 26 пудов. Он был отлит на средства симбирского купца Фёдора Чекалина.

Архитектурно-градостроительное значение церкви определялось её ведущей ролью в высотном силуэте города северо-восточного направления, образованного двумя соборами и тремя церквями.

В 1931 году уникальная колокольня была уничтожена, а на её месте возвели уродливого вида пристрой из силикатного кирпича, умаляющий достоинства архитектуры исторического памятника.

13 апреля 2009 года симбиряне стали свидетелями второго рождения Воскресенской (Германовской) церкви. В Великий понедельник Великого поста архиепископ Прокл совершил молебен с освящением куполов и крестов, поднятых в этот день на храм. По его окончании владыка обратился к собравшимся: «Мы имеем святую возможность возрождать этот храм. Он будет воссоздаваться, переходить из силы в силу, приобретать своё величие правды Божией! Для этого необходимо прежде всего молиться и просить помощи Божией, чтобы Господь помог нам осуществить это доброе, важное, нужное дело!»

И красавец храм поднялся! И стало понятно каждому, почему архипастырь столько лет добивался передачи сооружения Симбирской епархии.

Стоит напомнить нашим читателям, что здание Воскресенской (Германовской) церкви имеет историко-мемориальную, архитектурно-градостроительную ценность как своеобразный памятник культового зодчества старого Симбирска, сохранившийся с XIX века.

Нафанаил

В конце августа 2010 года Ульяновск посетил Игорь Петрович Золотусский – первый литературный критик, удостоенный премии Александра Солженицына (2005).

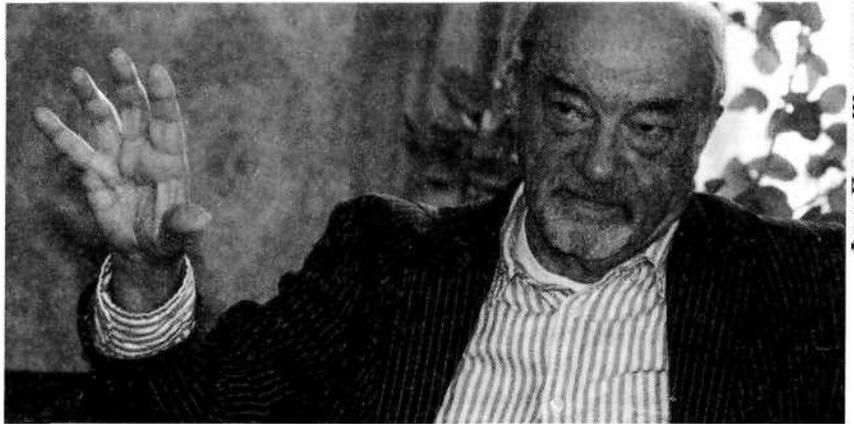

Фото Павла Шалагина

В 1946 году Игорь Петрович окончил с медалью Ульяновскую 1-ю мужскую школу и получил «путёвку в жизнь». Нынешний приезд в город юности – не любопытства ради, а в связи со съёмками документального фильма «Несть лести в языке моем...» о великом нашем соотечественнике Н.М. Карамзине.

«За деньги не делается»

Первая школа

На встречу с Игорем Петровичем в каминный зал Дворца книги пришли литераторы и журналисты, а также те, кто был знаком с Игорем Золотусским с юности. Пока писатель был занят на съёмках фильма, одноклассник учёного Виктор Аполлонович Каторгин рассказал собравшимся о школьной жизни, о любимых учителях. И сам Золотусский, не слышавший этого выступления и продолживший рассказ о 1-й мужской школе, с благодарностью назвал те же имена учителей, что и Каторгин, и добавил значительно: «Концентрация ума, благородства и капитальных знаний – такой была Первая школа».

«Путёвку в жизнь» дал Игорю Золотусскому учитель литературы Михаил Петрович Черненко. Это был человек удивительной судьбы. В 1915 году он окончил Петербургский университет, в советское время был лётчиком. В 1930-е годы в Воронеже ему посчастливилось встретиться с Сент-Экзюпери. А вскоре Черненко был арестован по доносу. Знания, которые Михаил Петрович вложил в интеллектуальный багаж своего талантливого ученика, перевесили скромные старания преподавателей Казанского университета, куда Золотусский поступил после школы.

«Такой насыщенности образованной интеллигенции, как в Симбирске,

в Казани я не встретил», – признался учёный.

«Нас было трое»

«Я не хочу ругать советское время, хотя жизнь была тяжёлая. Время для меня было тяжёлое», – сказал Золотусский. Отец Игоря Петровича, крупный советский разведчик, много сделавший для становления советского государства, был репрессирован в 1937 году, объявлен «врагом народа». В 1941 году арестована мама. Отец, лишённый всех прав, после войны жил в селе Артюшкино, но ему удалось (видимо, через друзей) устроить сына в привилегированную ульяновскую школу № 1. «Я рос советским юношей, – поведал далее Игорь Петрович, – не пылал ненавистью к власти, не пытался обновить эту жизнь; был искренний комсомолец, редактировал школьную газету».

В 1951 году отца арестовали во второй раз. Игорь Золотусский был уже студентом КГУ, он тут же приехал в Ульяновск, пришёл в МГБ на ул. Л. Толстого и заявил, что его отец честный человек, он ни в чём не виноват. В лицо бил яркий свет настольной лампы, в тени которой прятались следователи, задававшие каверзные вопросы, но юноша уверенно отвечал, что не верит обвинениям в адрес отца. Так закалялся его характер. Когда архивы КГБ были рассекречены,

Игорь Петрович узнал, что его отец не подписал ни одного протокола, не подставил ни одного из знакомых, не сломался, выстоял, несмотря на допросы.

«Если бы не отец, не знаю, кем бы я стал», – признался И.П. Золотусский. Он отдал долг памяти родителям – написал о них книгу «Нас было трое».

«Гоголь – святой человек»

Жизнь в Казани была голодной. Даже в приёмнике-распределителе после ареста матери жилось куда более сытно. Книги отошли на второй план. После университета Игорь Золотусский уехал на Дальний Восток, два года преподавал литературу в Хабаровском крае. Работал в газете, на радио, стал писать критические статьи. Начинающего литератора заметил Корней Чуковский...

«И я понял, что ничего не знаю, – неожиданно повернул свой рассказ Игорь Петрович. – Начались долгие годы самообразования. Я стал ходить в историческую библиотеку. Прочитал все тома «Истории государства Российского» и задумался: что такое Россия, каковы её корни, каков её путь. Карамзин был подступом к книге о Гоголе...»

На книгу о Н.В. Гоголе в серии ЖЗЛ ушло 16 лет. Кроме того, Золотусскому удалось создать музей Н.В. Гоголя на Полтавщине.

Игорь Золотусский (справа) перед выпускными школьными экзаменами. Ульяновск. Апрель 1949 г.

Школа закончена. Крайний справа в нижнем ряду Игорь Золотусский. Ульяновск. Июнь 1949 г.

НИЧЕГО ВЕЛИКОГО»

Н.М. Карамзин

«Гоголь – святой человек. Чем больше я погружался в Гоголя, тем ближе и понятнее становился народ, которого я не знал. Я приник к Гоголю, как к чистому источнику, и погрузился с головой в XIX век, там и живу – с 1968 года – до сих пор».

Карамзин и его идея «развития свободы»

Прощаясь со школой № 1, выпускники весело фотографировались возле памятника Н.М. Карамзину.

Пройдёт много лет, и Игорь Золотусский поймёт: «Мы ничего о нём не знали. С увлечением читали «Кюхлю» Тынянова, где Александр I изображён трусливым человеком, и не задумывались над тем, что гений Карамзина расцвёл во время его царствования. Все русские писатели родились при Александре I. Не было бы Александра, не было бы и Карамзина».

Кто же он такой, Карамзин? Задайте этот вопрос первому встречному и услышите в ответ «певец самодержавия». Нет и нет! Главная идея Н.М. Карамзина – «идея свободы, развития свободы».

«Мы пережили эпоху преждевременной свободы, которая нас чуть не сломала, а многих и сломала, – сказал Игорь Петрович. – Свобода – это всё-таки самоограничение. Это власть человека над собой».

Карамзин оказался во Франции, когда эта страна переживала последствия Великой революции, он понял её разрушительную силу. Предвидел историк и декабрьское восстание в Санкт-Петербурге, и оно свершилось: «идеи разрушения превозмогли идеи созидания». Идея же «Истории государства Российского» – созидательная. «Наша история будет строиться не по европейской энциклопедии, а по энциклопедии России – по Библии», – утверждал Карамзин. От старого – к новому, но в запасе должно оставаться старое. Есть традиции предков, на которые надо опираться.

Позиция Н.М. Карамзина – ответ Сперанскому, который считал, что реформирование требует «резать по живому»... Это всё актуально и сегодня!

Поэт и царь

И.П. Золотусский заставил нас по-новому взглянуть на А.С. Пушкина. По его мнению, поэт наследовал дело и думы Карамзина.

Литераторы часто цитируют пушкинскую фразу «и я бы мог...», иллюстрируя его отношение к восстанию декабристов. А Золотусский напомнил нам другое изречение поэта: «Слава Богу, Он избавил меня от Сенатской площади».

После восстания декабристов Николай I вызвал к себе А.С. Пушкина. О чём говорили поэт и царь более

часа, никому не ведомо. Зато нам известна записка о народном воспитании, которую можно считать итогом той беседы. «Историю русскую должно будет преподавать по Карамзину, – писал Пушкин. – «История государства Российского» есть не только произведение великого писателя, но и подвиг честного человека». Раньше поэт смеялся: «Вы рабство предпочитаете свободе», но Александр Сергеевич 1826 года – совсем другой, и он пришёл к выводу, что насильственно свободу завоевать нельзя.

В полемике с декабристами Пушкин защитил Карамзина и вместе с ним – православный взгляд на русскую историю, в которой Крещение Руси – исходный пункт для понимания всей нашей цивилизации и культуры. Ведь Н.М. Карамзин утверждал, что не меч варягов-язычников, а Слово Божие объединило племена Руси, в том числе и нерусские по происхождению. Все эти положения историка изучены и приняты Пушкиным как основа мировоззрения, они вошли в его поэзию и прозу.

Завершая встречу с симбирянами, Игорь Петрович Золотусский напомнил ещё один важный вывод Карамзина: «Историк считал, что за деньги не делается ничего великого. А мы обольстились деньгами сегодня». Не это ли – главная беда нынешнего поколения?

Недавно с удовольствием прочла воспоминания Фаддея Булгарина о Николае Михайловиче Карамзине, как ещё одно откровение о знаменитом земляке. После этого личность Карамзина для меня стала ещё более интересной, привлекательной и содержательной. Из воспоминаний Булгарина стало понятно, как воспринимала Николая Михайловича большая часть передового общества, как оценивались его труды, какую степень полезности имела его просветительская деятельность.

В ряду других известных земляков Н.М. Карамзин занимает особое место. И в XIX веке и сейчас его личность может служить примером того, как сделать выбор своего пути. Мне всегда хотелось больше узнать о его жизни, понять те условия, факторы, которые сформировали в нём чувство долга. Сейчас такая возможность есть у каждого: закончился период замалчивания значения его трудов для истории, журналистики, художественной литературы, для развития русского литературного языка. Большинство жителей нашего города и области знают о земляке благодаря скульптурному шедевру – памятнику в Карамзинском сквере, а также больнице, носящей имя историографа и построенной на средства, пожертвованные его сыном Владимиром Николаевичем.

Н.М. Карамзин.
Портрет работы
Г.Ф. Гиппиуса. 1822

Создатель «общежительной прозы»

В общественно-популярной и мемуарной литературе до обидного мало можно узнать о детстве и юности историка и писателя. Что интересовало Николая Карамзина, чем он увлекался, с кем дружил. Поэтому всё то малое, что удаётся узнать об авторе «Истории государства Российского», особенно ценно. Известно, что детство и ранняя юность Николая Михайловича Карамзина прошли в имени отца, расположенном севернее села Винновка на высоком берегу Волги. Но как формировалась его личность, какие корни его питали, что развивало воображение, как воспитывались те чувства, которые послужили основой глубокой любви ко всему российскому, государственному, общественному, какие встречи, картины, споры и впечатления раскрыли перед ним всю сложность и простоту природы и человеческой натуры?

Невольно сравнивая его детство с тем же периодом жизни других писателей и поэтов его времени, убеждаешься, что здесь, в Симбирске, оно проходило в очень простой обстановке. И, конечно, уровень интеллектуального окружения будущего историка был не тот, что у А.С. Грибоедова, А.С. Пушкина, И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого. Однако был «жёлтый шапчик» умершей маменьки с кни-

гами западных просветителей, романистов и российские произведения авторов времени просвещённой монархии. Всё было прочитано юным Карамзиным; перед ним раздвинулись горизонты жизни, расширились границы дерзкой мечты, сердце наполнилось стремлением к счастью и справедливости, и навсегда поселились в сердце сострадание, доброта, любовь к Родине. По мере взросления он уже по-другому воспринимал загадочный левый берег, с его красноватыми обрывами и уходящими в бесконечную даль дремучими лесами. Утром именно оттуда вставало огромное солнце, которое, как ему казалось, хранило тайну непроходимого чёрного леса. В ясные дни, раздвинув высокую траву руками, он подолгу вглядывался в левобережье: оттуда когда-то пришла беда чёрным полчищем, и даже широкая Волга не смогла её остановить. И эти часы чтения в тишине на высоком берегу великой реки под сенью деревьев и кустов рождали восторг узнавания ранее неизвестного ему мира. Так и видишь, как Николенька, откинувшись на траву, устремлял в небо широко распахнутые глаза. Волга и левобережье постоянно надолго останавливали его взгляд, помогали рассуждать, мечтать, воображать картины чудной жизни и жестоких сражений. Это состояние открытий, трепетное

проникновение в чужую жизнь стало жизненной потребностью юноши: чтение, размышления вырабатывали энергию, необходимую для большего узнавания и стремления определить главное в жизни своей Родины и всего мира. Эта черта характера молодого человека – стремиться сделать выбор, увидеть главное – была очень важной.

Так с берегов Волги вошёл в большую жизнь человек, полностью сформировавший себя, и встал в ряд замечательных просветителей первой половины XIX века. Возвращаясь к воспоминаниям о Карамзине Фаддея Булгарина, нельзя не заметить искренность, наблюдательность автора, его живой интерес к личности нашего земляка. Фаддеем Венедиктовичу, на мой взгляд, удалось заметить и передать богатство натуры Николая Михайловича, его нескончаемый интерес ко всему новому в науке, общественной жизни, культуре. В воспоминаниях тонко подмечены глубокое уважение писателя к любому человеку, независимо от его социального положения, простота в общении, умение ненавязчиво выдвинуть свою точку зрения, подвести собеседника к размышлению над сутью обсуждаемого предмета и его доводами.

Эмма Ибрагимова

Из «Воспоминаний Фаддея Булгарина»

«В 1819 году, в зимние вечера собирались к одному содержателю пансиона в Петербурге (французскому дворянину) любителю словесности... Хозяин объявил нам, что в будущем заседание один известный русский чтец будет декламировать сцены из Мольеровой комедии и что несколько отличных русских литераторов посетят нашу беседу. С нетерпением ожидал я дня собрания и первый туда явился. По мере появления новых лиц в зале я спрашивал об именах и, к удивлению моему, я не встретил ни одного известного в литературе. В досаде я уселся в углу комнаты и погрузился в размышления... Между тем началось чтение пьесы. Вдруг дверь в зале потихоньку отворяется и входит человек высокого роста, немолодых лет и прекрасной наружности. Он так тихо вошёл, что нимало не расстроил чтение и, пробираясь за рядом кресел, присел в самом конце полукруга. Орденовая звезда блестела на тёмном фраке и ещё более возвышала его скромность. Другой вошёл бы с шумом и шарканьем, чтобы обратить на себя внимание и получить почётное место. Незнакомец никого не беспокоил. Я смотрел на него с любопытством и участием. Черты его лица казались мне знакомыми, но я не мог вспомнить, где и когда видел его. Лицо его было продолговатое, чело высокое, открытое, нос правильный, римский. Рот и уста имели какую-то особенную приятность и, так сказать, дышали великодушием. Глаза небольшие, несколько сжатые, но прекрасного разреза, блестели умом и живостью. Вполовину поседлые волосы зачёсаны были с боков на верх головы. Физиономия его выражала явственную душевную простоту и глубокую проницательность ума... Я по невольному влечению искал его взгляда, который, казалось, говорил душе что-то сладостное, утешительное. На его одушевлённой физиономии живо отражались все впечатления, производимые чтением. Ни одно острое слово, ни одна счастливая мысль, ни одна удачная черта характера не ускользнули от его внимания... Я не сводил с незнакомца глаз и измерял по его ощущениям свои собственные.

Кончилось чтение, — слушатели встали с мест своих, и начался разговор. С нетерпением подбежал я к хозяину, чтобы спросить об имени занимательного незнакомца. «Это Карамзин», — отвечал хозяин и поспешил к нему поблагодарить за посещение. «Карамзин!» — воскликнул я так громко, что он обернулся и посмотрел на меня. Вся нервическая моя система потряслась при сём магическом имени и все усыплённые воспоминания моей юности вспорхнули в одно время. Есть ли один грамотный человек в России, в хижине, в чертогах от берегов Камчатки до Вислы, который бы не знал имени Карамзина? Есть ли один образованный иностранец, который бы не соединил имени Карамзина с воспоминаниями о просвещённой России? Я видал гравированный его портрет и теперь поверял давно знакомые черты писателя, которого каждая печатная строка прочитана мною по несколько раз. С юности моей я был свидетелем его успехов, его славы. Я член того поколения, в котором он сделал литературный переворот. Он заставил нас считать русские журналы своими, он своими «Аонидами» и «Аглаей» ввёл в обычай альманахи; он «Письмами русского путешественника» научил нас описывать легко и приятно наши странствия; он своими несравненными повестями привязал светских людей и прекрасный пол к русскому чтению; он сотворил лёгкую, так сказать, общежительную прозу; он первый возжёг светильник грамматической точности и правильности в слоге, представил образцы во всех родах; он познакомил все состояния россиян с отечественною историею, очистив её от архивной пыли. Так вот Карамзин! Вот исполин русской словесности! Различия во мнениях насчёт изложения «Истории» нимало не ослабляло во мне чувства уважения к великому мужу и не затемняло его великих заслуг и дарований. Я смотрел на него с таким же благоговением, как древние взирали на изображение олицетворённой Славы и Заслуги. Я попросил господина Сен-Мора представить меня великому писателю, что и было тотчас исполнено. Карамзин сделал мне несколько вопросов на

счёт моего пребывания за границею, но как ни время, ни место не позволяли распространяться в разговорах — то я должен был с горестью отстать от Карамзина и уступить своё место другим. Я просил у него позволения посетить его. Он пожал мне руку и сказал: «В 9 часов вечера я пью чай в кругу моего семейства. Это время моего отдыха. Милости просим: я всегда буду рад Вам. Прошу запросто — без предварительных визитов». Я не преминул воспользоваться этим позволением и через несколько дней отправился к Карамзину. Он жил тогда на Фонтанке, близ Аничкова моста, в доме госпожи Муравьёвой, в верхнем этаже. Меня впустили без доклада. В первой комнате, за круглым чайным столиком, на котором стоял самовар, помещалось целое семейство Карамзина; сам он сидел в некотором отдалении, в полукруге посетителей. Карамзин встретил меня в половине комнаты, дружески пожал руку, громко произнёс мою фамилию, представляя другим собеседникам, и просил садиться. В его приёмах, обращении и во всех движениях соединялось глубокое познание светских приличий с каким-то необыкновенным добродушием и простотою патриархальных времён. Каждое его слово, каждое движение шло прямо от сердца; находясь в обществе незнакомых людей, в первый раз в доме, я не чувствовал ни малейшего смущения и принуждения. Общество было составлено из людей разного звания и происхождения, русских первоклассных чиновников, литераторов и иностранцев; но все сии разнородные части спаивались в одно целое умом и душою хозяина... Люди сближались между собою Карамзиным... В то время, когда я познакомился с Карамзиным, весьма в немногих домах в Петербурге принимали литераторов и вообще всех гостей по их внутреннему достоинству. Я говорю теперь о Карамзине. Сей великий писатель был любезнейшим человеком в обществе. Он знал в совершенстве искусство беседовать, которое вовсе различно с искусством рассказывать... Карамзин охотно говорил по-русски, и говорил прекрасно. Иностранные языки он употреблял только с иностранцами.

В его речах не было иностранных выражений и ссылок на авторов,

столь утомительных в разговоре; но речения его сами по себе имели полноту и округлость; он никогда не изъяснялся отрывисто. Соблюдая вообще хладнокровие в разговорах, он воспламенялся только, когда речь заходила о Родине, об истории и о его старинных друзьях.

В этот вечер разговор начался о сравнительном состоянии простого народа в России и во Франции. Я сказал: «Францию вообще можно сравнить с галантерейной вещью, лучшей филигранной работы, с финифтью, а Россию можно уподобить слитку золота. На вид Франция имеет преимущество, на вес – Россия. Карамзин улыбнулся. «Правда, – сказал он, – что Россия тяжела на политических весах Европы и что массивное состояние надолго предохранит её от ломки и измятия. Но, извините, – промолвил он, – в сравнении своём вы позабыли сказать, какой формы слиток?» «Каждая форма приятна для глаз, – отвечал я, – если в ней соблюдена гармония». «Если так, согласен», – сказал Карамзин. Один из собеседников распространился в похвалах весёлости и уму французского народа. Карамзин сказал: «Вы правы, но в русском народе весёлость и ум – также врождённые качества. Немудрено веселиться под светлым небом Франции, под тенью каштанов, среди виноградников, поблизости больших городов; но у нас, среди трескучих морозов, в дымных избах или в тяжком труде краткого лета, крестьянин всегда весел, всегда поёт и шутит. Разговор обратился на русские песни и сказки, и Карамзин, объясняя красоты некоторых из песен и занимательность сказок, промолвил: «Я давно уж имел намерение собрать и издать лучшие русские, если возможно, расположив хронологическим порядком, и присоединить к ним исторические и эстетические замечания. Другие занятия отвлекли меня от сего предприятия. Само по себе разумеется, что все мы искренно пожелали Карамзину исполнить своё предприятие. Первое моё посещение продолжалось два часа. Я не мог решиться оставить беседу. Мне так было хорошо и весело. Ум и сердце беспрестанно имели новые, лёгкие, приятные занятия. Я хотел, по модному обычаю, выйти из комнаты, не простясь с хозяином, но Карамзин не

допустил меня до этого. Он встал со своего места, подошёл ко мне, пожал руку (по-английски) и просил посещать его.

Я видел почти всех знаменитых учёных и литераторов на твёрдой земле Европы во время моего странствия, но, признаюсь, что весьма немногие люди имеют такое добродушие в обращении, такую простоту в приёмах, какие имел Карамзин. Несколько дней спустя после первого моего посещения, я встретил Карамзина в одной из отдалённых улиц, пешком, поутру, в 8 часов. Погода была самая несносная: мокрый снег падал комками и ударял в лицо. Оттепель испортила зимний путь. Один только процесс или другая какая беда могла выгнать человека из дома в эту пору. Я думал, что Карамзин меня не узнает, ибо он два раза только видел меня, и то вечером. Он узнал: «Но должно сознаться, – возразил я, – что вы выбираете не лучшие улицы в городе для своей прогулки».

Фаддей Венедиктович Булгарин

От редакции:

Однако не будем забывать и о том, что с 1822 года Булгарин издавал журнал истории, статистики и путешествий – «Северный архив». Самым крупным «историческим» проектом этого издания была критика «Истории государства Российского» Карамзина. По рекомендации попечителя Казанского учебного округа, а ранее гражданского губернатора Симбирска М.Л. Магницкого, в «Казанском вестнике» с мая 1822 по февраль 1823 года вышла серия критических статей, направленных против «Истории». После этого Карамзин не без некоторого удивления написал И.И. Дмитрию: «Всего забавнее, что и Фаддей Булгарин, издатель «Северного архива», считает за должность бранить меня и перестал ко мне ездить».

«Необыкновенный случай завёл меня сюда, – отвечал Карамзин. – Чтобы не показаться Вам слишком скрытным, я должен сказать, что отыскиваю одного бедного человека, который часто останавливает меня на улице, называет себя чиновником и просит подавания именем голодных детей. Я взял его адрес и хочу посмотреть, что могу для него сделать. Я взялся сопроводовать Карамзину. Мы отыскивали квартиру бедного человека, но не застали его дома. Семейство его в самом деле было в жалком положении. Карамзин дал денег старухе и расспросил её о некоторых обстоятельствах жизни отца семейства. Выходя из ворот, мы встретили его, но в таком виде, который тотчас объяснил нам загадку его бедности. Карамзин не хотел обременять его упрёками: он покачал только головой и прошёл мимо. «Досадно, что мои деньги не попадали туда, куда я назначал их, но я сам виноват; мне надлежало бы прежде осведомиться об его положении. Теперь буду умнее и не дам денег ему в руки, а в дом.

Благородный человек! Вот как он услаждал свои прогулки перед утреннею работою. Мудрено ли после этого, что каждая его строка дышит любовью к человечеству, ко Все-му доброму и полезному».

«Он в свете был министр, а у себя поэт»

И.И. Дмитриев.
Портрет работы
неизвестного художника.
1810–1814

Иван Иванович Дмитриев (1760–1837) – русский поэт, баснописец, государственный деятель; представитель сентиментализма – уроженец Симбирской губернии. В 1796 выйдя в отставку с военной службы в чине полковника, сделал оглушительную карьеру. Сначала получил место в сенате. Вскоре был назначен товарищем министра в департаменте уделов и обер-прокурором сената. В 1806 году Дмитриев – сенатор, в 1810 – министр юстиции, активно выступавший против злоупотреблений при чиновничестве. Это привело к конфликту с управляющим канцелярией и другими чиновниками министерства. Последние годы жизни Иван Иванович прожил в Москве, окружённый уважением общества, как один из лучших писателей своего времени и как заслуженный государственный деятель.

Вопросы наследования

В начале лета 1838 года в Москве в доме И.И. Дмитриева на Спиридоновке собрались наследники, чтобы разделить полагавшееся им имущество недавно умершего знаменитого поэта. Среди них были его племянник М.А. Дмитриев и доверенные лица Матюнин и Нефедьев, мужа сестёр-наследниц.

И.И. Дмитриев скоропостижно скончался 3 октября 1837 года на 77 году жизни – после обеда пошёл в любимый им садик «садить акацию», там и потерял сознание. Родные, узнав о неожиданной смерти, скорбели по поводу утраты близкого человека. Свои чувства они выражали искренне и сердечно, за исключением Матюнина и Нефедьева. «Мне сделалось вдвое горше, – вспоминал М.А. Дмитриев, – видя, как бесстыдно радуются люди смерти близкого человека – и какого человека!». Основному разделу подлежали такие ценности: домашняя серебряная утварь, произведения искусства, бумаги, «относящиеся к литературе», библиотека и собственный дом с садом. Прежний дом Ивана Ивановича сгорел во время пожара Москвы 1812 года. С выходом в отставку и возвращением в Москву ему был заново выстроен дом по проекту архитектора А.Л. Витберга вблизи Патриарших прудов, в котором Дмитриев и поселился в 1814 году.

Мужья наследниц, отличавшиеся жадностью и наглостью, предложили свои условия. Относительно легко и быстро было разделено серебро: все вещи были поделены по весу на равные доли. А вот при дележе произведений искусства инициаторы встали в тупик – в основу деления они положили... их размеры. Наибольшую ценность, по их мнению, должны были иметь картины в «золочёных рамах». Благодаря такому распределению М.А. Дмитриев смог получить хорошую коллекцию дорогих эстампов.

Архив поэта, бумаги «относящиеся к литературе», полностью перешли к М.А. Дмитриеву, так как зятя увидели в них лишь бумажный хлам и на них не претендовали. Хотя, как впоследствии вспоминал М.А. Дмитриев, в их числе

были четыре тома писем Н.М. Карамзина и подлинный экземпляр записок И.И. Дмитриева «Взгляд на мою жизнь». Продать дом и затем поделить вырученные за него деньги было поручено М.А. Дмитриеву. Особняк был куплен советником московского губернского правления А.Н. Васильчиковым. Впоследствии долгое время его владельцем был брат Сергея Тимофеевича Аксакова Николай.

При жизни И.И. Дмитриева самой ценной в доме была библиотека, которую он с большим желанием и старанием собирал всю свою жизнь. Каждую книгу, как и своих лучших друзей, Иван Иванович тщательно отбирал, трепетно к ним относился, с удовольствием держал подле себя и «допускал в круг своего общения». Тяга и любовь к книге, чтению, литературе не ослабевала в течение всей жизни. Это особая страница в жизни крупнейшего поэта конца XVIII и первой половины XIX веков. После смерти баснописца судьба его личной библиотеки была в руках его племянника, известного литератора М.А. Дмитриева. Наследники поручили ему продать собрание. Но продать библиотеку можно было разве за бесценок. Несколько лет книги пролежали в ящиках, а затем Михаил Александрович решил часть книг оставить у себя, а остальные переслал своей двоюродной сестре Е.Н. Пазухиной, жене племянника Н.М. Карамзина – Петра Сергеевича Пазухина. Дальнейшая судьба этих книг неизвестна.

«...состоялся под шумом отечественной славы»

Иван Иванович Дмитриев родился в старинной дворянской семье, «культурной и богатой», в селе Богородское Сызранского уезда Казанской (позднее Симбирской) губернии. Отец его, Иван Гаврилович женился в 18 лет на дочери армейского полковника Екатерине Афанасьевне Бекетовой. После смерти отца Иван Гаврилович остался «полным властелином имения, состоявшего из 1500 душ», затем получил место сызранского городничего, был строг, но

справедлив и уважаем в городе. После отставки жил в селе Богородское с детьми и внуками. Он был неукротимого нрава и, как вспоминал внук его М.А. Дмитриев, «был тяжек всему семейству». Не лишён он был, как и многие богатые, страстной забавы: конный завод «стоил ему овсом и содержанием конюхов 40000 ассигнациями ежегодно». В то же время он стремился к пополнению своих знаний, учил своих детей и внуков, был знаком с Сумароковым, Суворовым. В его библиотеке были книги исторические, много «романов и сочинений русских авторов, но в ней не было ни одной духовной книги». Когда подросток внук Михаил, он хорошо изучил библиотеку и по приказанию деда мог мгновенно отыскать нужную книгу, карабкаясь как белка по полкам библиотеки до самого потолка.

Будущий поэт и баснописец Иван Дмитриев обучение проходил в частных пансионах Казани и Симбирска. Правда, учителями этих заведений, в которых он обучался с «осьмого» года, были люди с посредственным образованием: мещанин, отставной поручик, гарнизонный сержант. Особой прилежности у мальчика к наукам, особенно к математике, не было и явных успехов тоже. «На одиннадцатом году моей жизни, – писал Дмитриев, – прекратился курс моего обучения...». Роль домашнего учителя взял на себя отец. И под его руководством учение наводило на его сына «грусть и отвращение».

Однако чтение для Ивана стало такой же необходимостью и потребностью, как «пересаженным растениям нужны тепло и солнце». Всё, что читалось в детские и юношеские годы, читалось без разбора. Издания западноевропейских писателей и поэтов XVII–XVIII веков были тогда известны в России, были они и в Богородском. Попадающиеся в книгах непонятные слова искал он в тогдашних словарях и лексиконах. Чтение романов «от доски до доски не имело вредного влияния на мою нравственность, – вспоминал Иван Иванович, – смею даже сказать, что они были для меня антидотом против всего низкого и порочного».

Дмитриев проявлял большой интерес и к русской литературе, особенно к поэзии. В своих воспоминаниях он отмечал, что начало это было положе-

но «матушкой». Живя в Петербурге, она была лично знакома с А.П. Сумароковым, знала много стихов наизусть и нередко декламировала их своим детям. Вечера, проводимые за чтением в отчем доме, вспоминались ему с особенной теплотой.

«С гордостью могу сказать, что я вырос и состоялся под шумом отечественной славы», – писал Дмитриев. С началом восстания Пугачёва, многие дворянские семьи спасались бегством из своих поместий в Москву, туда же последовала и семья Дмитриевых. Там «...я и брат мой ещё более пристали к чтению русских книг всякого рода... посещение книжных лавок было любимую моей прогулкую... А в выборе книг, отмечал Дмитриев, «руководствовал нас крепостной слугитель... Дорофей Серебряков, обучавшийся на иждивении господина своего в Славяно-греко-латинской Академии».

Поступив на воинскую службу в Семёновский полк, Дмитриев продолжал изучение творчества русских писателей и поэтов, а также начал «первые опыты рифмования».

Из всех русских поэтических талантов Дмитриев тогда выделял Сумарокова и Хераскова.

Став известным, И.И. Дмитриев, вместо посещения театров, балов и многолюдных собраний, предпочитал и любил прогулки пешком «по загородным полям, по городским улицам, на площадях, где толпится народ; любил везде быть свободным, невидимкою или сидеть за книгою, иногда же проводить время в кругу двух-трёх приятелей по мыслям и сердцу».

В свои редкие визиты на родину в Симбирскую губернию в с. Богородское Иван Иванович отдыхал в кругу своих родственников. Он был всеми уважаем, его ждали, знали его стихи, декламировали их наизусть. Отец поэта находил стихи и басни своего сына прекрасными, но «никак не равнял их с Державиным, которого считал лучшим». В каждый свой приезд Дмитриев всегда привозил на радость своим племянникам детские книжки с картинками для раскрашивания. Дома упивался красотой Волги, наслаждался живописными видами.

Бывало, что Иван Иванович совершал плаванья вниз по Волге «в Царицын для свидания с родным

моим дядею Никитой Афанасьевичем Бекетовым». С восходом солнца он выходил с книгой на палубу, читал и восторгался родной русской природой. А с наступлением вечера спускался в каюту и «ожидая вдохновения музыки». И она давала то оду «К Волге», то сказку «Искатели фортуны».

«... и чаще быть с пером и книгой»

К своему творчеству, как и ко всему другому в жизни, Дмитриев относился в высшей мере ответственно, осторожно и добросовестно. Во всём проявлялись чувство меры и «строгость вкуса». Как поэт, Дмитриев имел привычку при сочинении стихотворения тщательно обдумывать все его части и подробности, а потом задавался вопросом: мог ли бы их изобразить на полотне живописец? Если да, то и своё творение он считал достойным кисти поэта. По воспоминаниям Ф.Ф. Вигеля, И.И. Дмитриев, как стихотворец, «будет всегда занимать на русском Парнасе замечательное место. До него светские люди и женщины не читали русских стихов или, читая, не понимали их».

Современники отмечали, что Дмитриев первый начал у нас писать басни «с правильностью, красотой и поэзией в слог», начал говорить в них языком светского общества и первый проложил путь языку «Онегина».

Каждый человек, по мнению Дмитриева, преодолевает все сложности жизни самостоятельно, опираясь на собственный разум. Поэтому главное богатство человека – разум и сравнивает он его с книгой, библиотекой.

Очень хорошее наставление и совет молодым дал И.И. Дмитриев в басне 1805 года «Отец с сыном»:

*«Скажите, батюшка,
как счастья добиться?»
Сын спрашивал отца.
А тот ему в ответ:
«Дороги лучше нет,
Как телом и умом трудиться,
Служа отечеству,
согражданам своим,
И чаще быть с пером и книгой,
Когда быть дельными хотим».*

Таков путь к счастью, предложенный баснописцем. Он тернист, не ле-

жок, нужна настойчивость, она залог успеха.

При этом, считал Дмитриев, не следует забывать, что для читателей и писателей нужна и полезная критика объективная и правильная. Иначе «кто предостережёт меня от тех ошибок, в которые впадают иногда и знаменитые авторы? Кто как не благородная критика?» – писал поэт.

Поэтическое окружение

После отставки И.И. Дмитриев вокруг московского дома рассадил и благоустроил небольшой сад с зелёным лугом. Всё это было гордостью Ивана Ивановича, служило местом отдыха. «В этом саду беседовали Карамзин и Жуковский, – писал М.А. Дмитриев, – по его аллеям ходил Батюшков, в этой беседке зачитывал наизусть свои стихи добродушный Василий Львович Пушкин и смешил князь Шаликов...».

После переезда в Москву Дмитриев был назначен председателем комиссии для рассмотрения просьб, подаваемых на высочайшее имя, от людей, разорённых неприятелем в войну 1812 года. За эту службу он получил две награды.

Много времени Дмитриев уделял переписке. В числе его адресатов и собеседников были такие известные люди, как Н.М. Карамзин (его сводный двоюродный брат), В.А. Жуковский, П.А. Вяземский, А.И. Тургенев, А.С. Пушкин, А.Ф. Воейков, Ф.Н. Глинка и многие другие.

Дружба и тёплые отношения связывали И.И. Дмитриева с Н.М. Карамзиным на протяжении всей жизни. В семействе Дмитриевых имя Карамзина, как вспоминал М.А. Дмитриев, было «чем-то избранным, чем-то веющим жизнью и красою».

В юности оба писателя занимались переводами. Дмитриеву запомнился случай, когда Карамзин вбежал к нему в комнату «сияющий и торжественный», держа в руках два тома романа Г. Филдинга «История Тома Джонса, Найдёнша» – это был первый его гонорар за перевод с немецкого небольшой брошюры.

Иван Иванович большую часть времени посвящал переводам с французского. «Этот труд, – писал И.И. Дмитриев, – был для меня прибылен: я отдавал переводы мои книгопродавцам, они печатали их своим

изданием, а мне платили за них по условию книгами. Таким образом, я завёл порядочную русскую библиотеку». И тот и другой усердно и с увлечением занимались своим самообразованием. «Мы давали взаимный отчёт в нашем чтении», – вспоминал Дмитриев.

Более 40 лет баснописец поддерживал дружбу с В.А. Жуковским. Подготавливая к печати свой первый сборник стихотворений, Василий Андреевич «прежде давал на рассмотрение свою рукопись» И.И. Дмитриеву.

Многолетние отношения связывали поэта с А.С. Пушкиным. Он был в тесной дружбе с отцом и дядей Александра Сергеевича. Сергей Львович, добиваясь для сына дворянского звания, в 1811 году подал прошение на имя императора, к которому было приложено свидетельство министра юстиции И.И. Дмитриева, подтверждающее, что «недоросль Александр Пушкин есть действительный законный сын служащего в Комиссариатском штате 7-го класса С.Л. Пушкина». Дмитриев постоянно следил за творчеством Пушкина и радовался его таланту и успехам.

В свою очередь, юный Пушкин знал наизусть и декламировал некоторые басни и стихи И.И. Дмитриева. В первых юношеских стихах Пушкин, цени и восхищаясь поэтами старого поколения, упоминает Державина, Ломоносова, Дмитриева и называет их «певцы бессмертные, и честь, и слава россос»...

Однако Пушкин не всегда объективно относился к творчеству «старосты». Были периоды, когда Александр Сергеевич критиковал басни и стихи Дмитриева, особенно после того, как Иван Иванович выразил своё критическое мнение о поэме «Руслан и Людмила», что Пушкину не понравилось. Неровность отношений в отдельные периоды, резкие суждения о творчестве и характере Дмитриева не влияли на их искреннюю привязанность друг к другу.

Своими вольнолюбивыми стихами и дерзкими эпиграммами на властителей Пушкин обратил на себя внимание полиции и над ним стали «сгущаться тучи». Н.М. Карамзин, отвечая на письмо Дмитриева, в котором Иван Иванович восторженно отзывался о «Кавказском пленнике», писал: «Талант действительно пре-

красный: жаль, что нет устройства и мира в душе, а в голове ни малейшего благоразумия».

Когда в 1832 году в Российскую академию поступило предложение избрать в её члены А.С. Пушкина, то И.И. Дмитриев, не колеблясь, проголосовал за это.

Собирая материал о Пугачёвском бунте, Пушкин обратился за помощью к И.И. Дмитриеву. В своих исторических воспоминаниях «Взгляд на мою жизнь» Дмитриев намеревался поместить сведения очевидца о казни Пугачёва. По этому поводу у поэтов состоялась встреча. В письме к Дмитриеву весной 1833 года Пушкин писал: «Случай доставил в мои руки некоторые важные бумаги, касающиеся Пугачёва... Я привёл их в порядок и надеюсь их издать. В исторических записках (которые дай бог нам прочесть, возможно, позже) говорите о Пугачёве – и, как очевидец, опишите его смерть. Могу ли надеяться, что Вы, милостивый государь, не откажетесь занять место между знаменитыми людьми, коих имена и свидетельства дадут цену моему труду, и позволите поместить собственные Ваши строки в одном из любопытнейших эпизодов царствования Великой Екатерины?» Фрагменты своих воспоминаний, посвящённые этому эпизоду, Дмитриев доверил Пушкину.

Пушкин погиб во цвете лет, творчества и новых замыслов. Иван Иванович Дмитриев пережил своего младшего друга-поэта всего лишь на девять месяцев.

Патриот Симбирского края

В конце жизни И.И. Дмитриев изложил свою биографию в воспоминаниях «Взгляд на мою жизнь», которые начал словами «Отчизна моя Симбирская губерния». В них выражена вся любовь, всё уважение к своей малой родине.

Дмитриев, как и многие другие известные симбиряне, не остался в стороне от идеи увековечения памяти Н.М. Карамзина в Симбирске. Инициатором сбора средств по подготовке были симбирские дворяне П.Н. Ивашев, братья Языковы и другие дворяне. Эта весть дошла и до обеих столиц. В июле 1833 года Иван Иванович выехал из Москвы в Дерпт, чтобы навестить Е.А. Карамзину,

находившуюся в трауре по случаю кончины сына. Сделав остановку в Петербурге, Дмитриев встретился с литераторами. На званом обеде, организованном ими в честь патриарха русской литературы, было озвучено предложение симбирян об увековечении памяти Н.М. Карамзина на его родине.

В письме к А.И. Тургеневу в Рим, П.А. Вяземский писал об этих подробностях: «Знаешь ли, что вы, симбиряки, просили позволения соорудить памятник Карамзину в Симбирске, и что государь очень одобрил сей проект?». Блудов предложил тост за благополучное окончание предприятия, задуманного симбирскими дворянами и, заметив, что никто не имеет столь права начать открывающуюся по сему предмету подписку, как Дмитриев, который начал вместе с бессмертным другом своим великое дело преобразования нашего языка, подал лист бумаги Дмитриеву, который подписал 500 рублей, Кушников 1000 рублей, Уваров, Блудов по 500, так что от двадцати человек, бывших на обеде сём, собрана 4525 рублей... Ай да, симбиряки! Спасибо!» Свой взнос тогда сделали П.А. Вяземский – 100 руб., А.С. Пушкин, И.А. Крылов, В.А. Плетнёв, Д.В. Давыдов – по 25 рублей.

Вернувшись из поездки, Иван Иванович просил Вяземского поблагодарить всех участников обеда: «Этот день, право, один из счастливых дней в моей жизни, и тем более, для меня заметный и приятный, что задумали

подарить меня им не ровесники мои, а бодрые сыны нового поколения».

Первоначально в память о Н.М. Карамзине планировалось построить архитектурное сооружение, состоявшее из трёх зданий, среди которых предусматривался памятник-библиотека в честь Н.М. Карамзина. Но этот проект не был осуществлён, а собранные средства по подписке были использованы на установление скульптурного памятника историографу, который и сегодня украшает сквер, именуемый горожанами Карамзинский сад. Однако позже, в 1848 году, библиотека всё-таки была открыта. Для неё было отведено два зала первого этажа здания Дворянского собрания и назвали её Карамзинской библиотекой. Первоначальный фонд её собирался и комплектовался в буквальном смысле «всем миром» и в последующие годы он пополнялся, главным образом, за счёт пожертвований книгами и деньгами. Отрадно отметить, что в фонд этой замечательной библиотеки поступили книги И.И. Дмитриева.

М.А. Дмитриев в 40-х годах XIX века пожертвовал в фонд создающейся библиотеки «произведения своего дяди-баснописца вместе с собственными сочинениями». Кроме того, им же был пожертвован бюст И.И. Дмитриева.

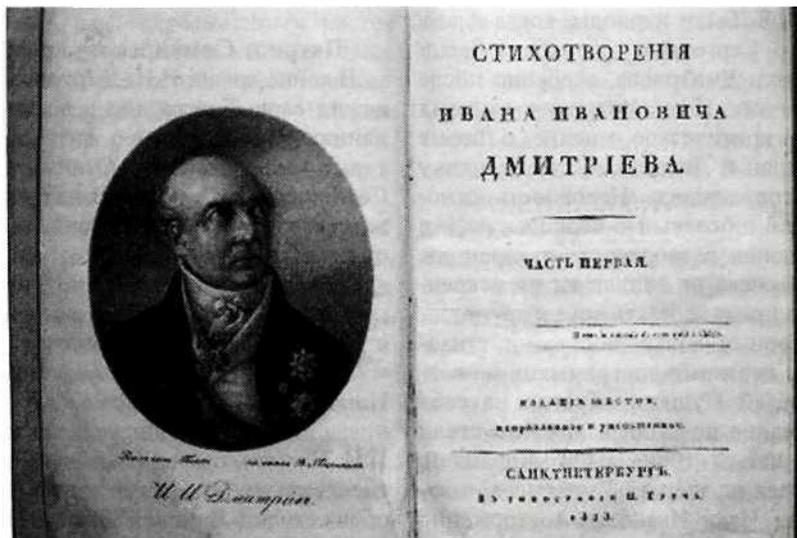
В 1990 году во Дворце книги имени В.И. Ленина состоялось торжественное открытие музея «Карамзинская общественная библиотека», а в ней в портретной галерее среди портретов известных симбирян, внесших свой

неоценимый вклад в становление библиотеки, прославивших своими трудами родину, есть и подлинный портрет И.И. Дмитриева.

Поэт был похоронен в Донском монастыре. Ещё при жизни он распорядился, чтобы над могилой его был поставлен точно такой же памятник, как над могилой Н.М. Карамзина. И тот и другой стали преобразователями русского литературного языка: один – в прозе, другой – в поэзии. В предисловии к изданию сочинений И.И. Дмитриева, вышедшего в 1823 году, П.А. Вяземский писал: «Карамзин и Дмитриев, как великие полководцы, которые, преобразовав искусство военное, кончают тем, что самых врагов своих научат сражаться по системе, ими вновь введённой, научили неприметным образом и противников своих писать с большим или меньшим успехом по-своему».

С каким отчаянием И.И. Дмитриев вставал на защиту русского языка! В письме 1835 года к В.А. Жуковскому он призывал русских писателей и поэтов: «Остановите порчу отечественного языка... Франция убила благородный наш язык в домашнем быту высшего сословия». Дмитриев осуждал молодых писателей и поэтов, которые бесцеремонно искажали и засоряли русский язык, пренебрегали опытом писателей-классиков...

Не менее вопросов сохранения языка, его волновали и вопросы патриотизма. В «Письме к издателю журнала «Московский зритель» И.И. Дмитриев так писал о новых русских эмигрантах: «Я говорю о тех, которые отъезжают на жильё в чужие края под предлогом, что там жить дешевле; напомните им, что отцы наши до такой степени себя не унижали, что они живали соответственно своему роду, умели сберечь для детей и содрогнулись бы от одной мысли «бежать от праха отцов своих». Так искренне мог говорить только настоящий патриот России, каким являлся И.И. Дмитриев: государственный деятель, поэт, баснописец, умело и талантливо сочетавший в себе все эти роли. За всю свою жизнь он не запятнал своей репутации и авторитета, до конца дней оставался верен своим жизненным принципам, чем и снискал большое уважение и память у соотечественников.

Фронтиспис и титульный лист последнего прижизненного издания стихотворений И.И. Дмитриева. Санкт-Петербург, 1823

Геннадий Челноков

А.О. Закревский (1744–1804).
Портрет работы неизвестного
художника XVIII века

Ни один биограф Михаила Лермонтова, характеризую его как поэта и гражданина, не оставил без внимания его друзей. Ведь именно им Лермонтов читал свои первые произведения и посвящал свои стихи. Одним из близких друзей поэта был Андрей Дмитриевич Закревский. Мнения исследователей творчества Лермонтова единодушны: Андрей Закревский является прототипом образа Заруцкого – одного из героев драмы «Странный человек», а его дядька, воспитывавший Андрея Дмитриевича, подтолкнул великого поэта к созданию образа крепостного слуги в той же пьесе. Интересно, что Лермонтов предваряет произведение ремаркой: «Я решился изложить драматически происшествие истинное... Лица, изображённые мною, все взяты с природы, и я желал бы, чтобы они были узнаны».

Краеведу из Радищева Марии Качалиной отчасти удалось выполнить пожелание поэта. Она расскажет читателям всё, что узнала в архивах, собирая по крупицам сведения о нашем земляке А.Д. Закревском, родившемся в селе Одоевщина Хвалынского уезда Саратовской губернии (ныне село Одоевщина Радищевского района Ульяновской области).

Славный род Закревских

Земли, на которых в настоящее время находится село Одоевщина (в разное время – Знаменское, Одоевщина), Радищевского района были куплены в 1705 году прадедом Андрея Дмитриевича Закревского А.Ю. Одоевским. В 1764 году их в приданое получила Мария Ивановна Одоевская, вышедшая замуж за Андрея Осиповича Закревского, директора императорской Академии художеств, и родившая ему сына и трёх дочерей.

Их единственный сын Дмитрий Андреевич Закревский, следующий владелец имения, родился в 1769 году. Четырёх лет от роду был записан в Кавказский мушкетёрский полк, в 1787 году произведён в поручики, а в следующем 1788 году переведён в корпус егерей и назначен старшим адъютантом в штаб генерал-поручика П.С. Потёмкина. В этом же и следующем году он принимал участие во второй турецкой войне, был при осаде Очакова, а также при взятии Аккермана и Бендер. В 1790–1791 годах состоял адъютантом в штабе князя Г.А. Потёмкина, «был им употреблён по службе во все места, где нужда требовалась». Уже в чине полковника Закревский в составе Ревельского мушкетёрского полка участвовал в польских походах, за мужество в боях под Вильно 15 сентября 1794 года был награждён орденом Владимира 4-й степени.

Д.А. Закревский вышел в отставку в чине генерал-майора и поселился в Одоевщине. Он полюбил эти места, завёл себе друзей из местных помещиков, женился. Всего Закревские имели более 900 душ мужского пола, несколько имений в разных губерниях и считались одними из самых богатых помещиков в Саратовской губернии. Зимой выезжали в Москву, где у них был свой дом. Современникам Дмитрий Андреевич запомнился как любитель остроумной шутки, душа любой компании и... писатель. Было издано несколько

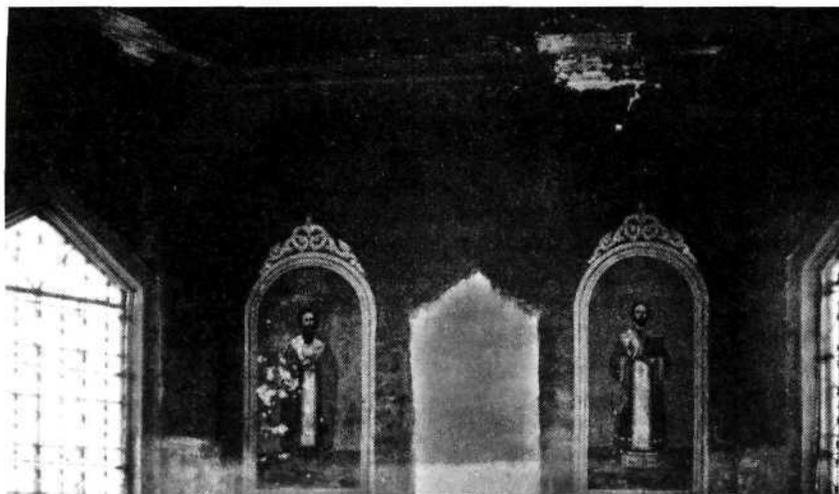
его произведений, которые читались с удовольствием, так как скорее были развлечением и не являлись собой предмет глубоких размышлений. Стены одоевщинской усадьбы и московского дома украшали картины Дмитрия Андреевича, которые, по отзывам современников, были «написаны довольно прилично».

Похоронены Закревские в семейном склепе под алтарём их домово́й церкви. Её нижняя часть сохранилась до наших дней.

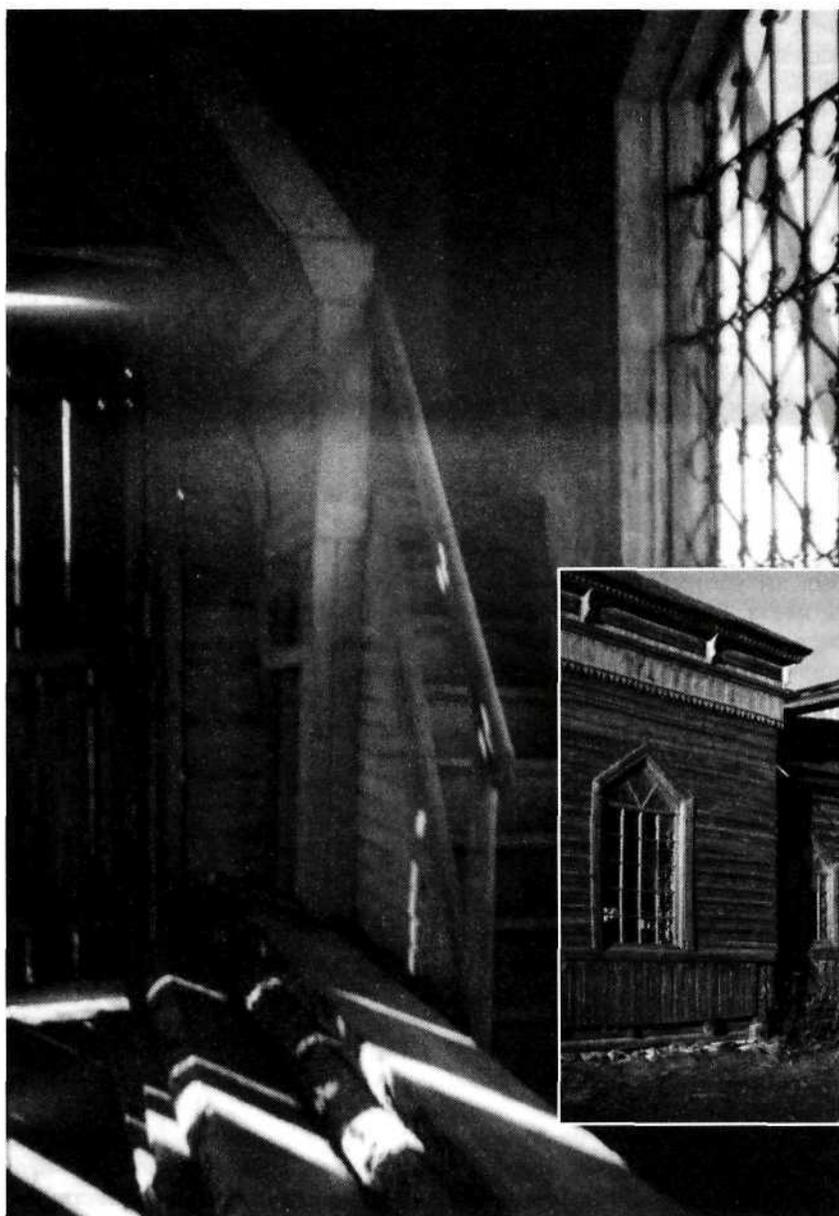
Представитель лучшей части молодёжи

Андрей Дмитриевич Закревский родился 12 сентября 1813 года. Получил прекрасное домашнее образование, о чём свидетельствуют результаты вступительных экзаменов в Московский университет от 24 августа 1828 года. По итогам строгих испытаний, устраиваемых при приёме в это учебное заведение профессорами, он стал вторым, чем очень обрадовал родителей. Не зря Андрея дома обучали закону божию, всеобщей и российской истории, всеобщей географии, риторике, математике, физике, латинскому, французскому, немецкому и греческому языкам! При поступлении на учёбу Андрей Закревский, как и было положено в то время, написал заявление о непринадлежности к тайным обществам, об обязательном ношении форменной одежды и известил администрацию университета, что проживает в собственном доме № 288 в арбатской части в третьем квартале. Через четыре года он окончил словесное отделение Московского университета вместе со своими товарищами – М. Чистяковым, Я. Неверовым, И. Ключниковым, В. Межевичем, К. Лебедевым и др.

Сохранились некоторые студенческие работы Андрея Закревского, например, сочинение на тему «Показание главных обстоятельств, побудивших римлян к восстановлению

Сохранившаяся настенная роспись в Адоевщинской церкви

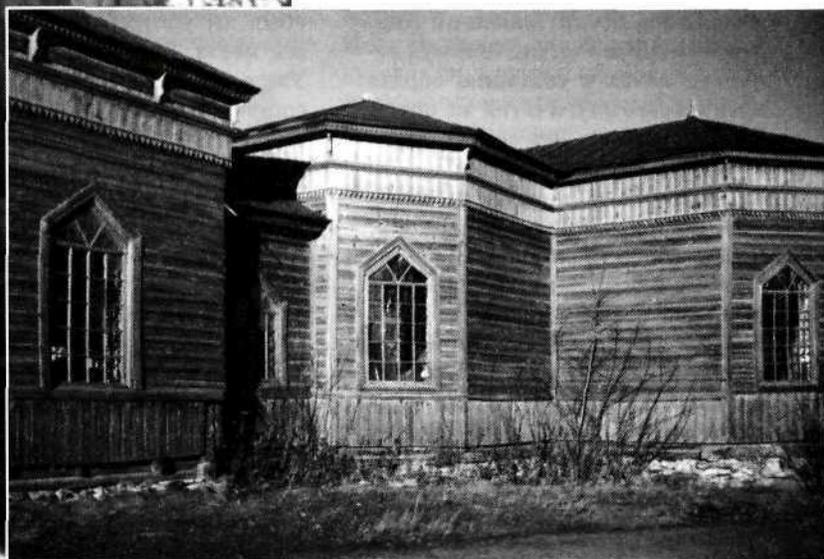

Интерьер Адоевщинской церкви

Фотографии С. Качалиной 2009 года

монархического правления». Большой резонанс не только в университете, но и в самом Санкт-Петербурге получило его произведение «Царь-горох». В нём студент Закревский обнаружил незаурядный талант памфлетиста, острую наблюдательность, способность едко посмеяться над недостатками современников. Профессор Московского университета, цензор И. Снегирёв 26 января 1834 года записал в своём дневнике: «Вечером был у меня А. Закревский, прочёл со мною свой роман «Идеалист», в коем много есть хорошего в неровных позовах духа, видны ум тонкий и проицательность, сила души и глубокая чувствительность сердца, прикрытых в нём юмором. Он обещает в себе автора оригинального, если не будет раболепствовать иностранным писателям и если станет работать над собою и заниматься изучением ума и сердца в книгах, в себе и в других. Его слог есть живое выражение его духа...».

Неизвестно, был ли напечатан этот роман, сохранилась ли рукопись. По мнению критика Н.Л. Бродского, «роман, видимо, был посвящён переживаниям героя из разряда «лишних людей», судьбе романтически настроенной личности среди светской черни и по форме относился к новому типу психологического романа французской школы беллетристики».

Адоевщинская церковь

Саратовский губернатор
А.М. Фадеев

Биографы М.Ю. Лермонтова уделяют большое внимание влиянию А.Д. Закревского на мировоззрение Лермонтова, утверждают, что именно через него поэт оказывался в курсе политических настроений в среде студенческой молодёжи. Действительно, по воспоминаниям студента Я. Костенецкого, Закревский входил в триумvirат вместе с Герценом и Огарёвым. Вероятно, молодой Андрей рассказывал юному Михаилу о рассуждениях товарищей.

Литературовед Н.Л. Бродский характеризует Андрея Дмитриевича Закревского как остроумного собеседника, страстного почитателя поэзии Лермонтова. Он отмечает также, что Закревский «живо интересовался историей и свои общественные идеалы выразил с наибольшей полнотой в статье «Взгляд на русскую историю», опубликованную на страницах «Телескопа». В этой статье он защищал мысль о национальной самобытности России, её высокой исторической миссии. Особенное значение в русской истории он придавал Отечественной войне. В 1833 году А.Д. Закревский писал: «1812 год есть начало самобытной, национальной жизни России».

После окончания университета Андрей Дмитриевич Закревский стал работать старшим переводчиком в Министерстве иностранных дел. Писал, особенно первое время, много, но не печатался, так как то, что он

хотел выразить в своих произведениях, цензура вряд ли разрешила бы опубликовать, да и подвергать испытаниям себя и своих близких ему не хотелось. Останавливала его и трагическая судьба троюродного брата А.И. Одоевского. Другой его троюродный брат В.Ф. Одоевский, рано осиротевший и воспитывавшийся в их семье, бросил писать и посвятил свою жизнь музыке. В.Ф. Одоевский был другом Пушкина и хорошим знакомым М.Ю. Лермонтова.

Андрей Дмитриевич в феврале 1836 года, через два года после смерти отца, уволился со службы и уехал в Париж. Писатель С.А. Бойко пытался проследить дальнейшую судьбу друга Лермонтова, но многого ему обнаружить не удалось.

Остроумный весельчак с талантом актёра

По воспоминаниям современников, известно, что А.Д. Закревский обладал незаурядным талантом актёра, выступал в домашних спектаклях и оставил в памяти видевших его на сцене глубокое впечатление. Широко известен такой факт его биографии. Игра А.Д. Закревского так пленила директора одного из парижских театров, что тот немедленно предложил ему поступить к нему на сцену с жалованием 30 тысяч франков в год. Узнав, что Закревский – богатый человек, директор взял с него слово, что в случае, если он когда-нибудь разорится и будет нуждаться в деньгах, то непременно воспользуется его предложением. Случай этот заставил Андрея Дмитриевича серьёзно задуматься. Его состояние за годы, проведённые в Париже, значительно «поистрепалось». Нужно было срочно возвращаться, чтобы не разориться вконец.

Одно из сохранившихся воспоминаний об Андрее Дмитриевиче Закревском принадлежит А.М. Фадееву, саратовскому губернатору, часто навещавшему нашего земляка в Одоевщине. «Андрей Дмитриевич Закревский, – писал губернатор в 1844 году, – совершенно светский, остроумный весельчак, одарённый необыкновенным, редким сценическим талантом. Он приводил в восхищение всех своей игрой в домашних спектаклях, особенно в комических ролях, к которым очень шла его шарообразная,

немного неуклюжая, но чрезвычайно подвижная фигура. Возвратясь в отечество, он засел в своей саратовской деревне уже навсегда. Изредка он приезжал в Саратов по делам. Раз, в день именин моей жены 21 мая, он приготовил ей сюрприз, составив у нас в доме маленький семейный театр. Он выбрал старую комедию князя Шаховского «Не люблю, не слушай, лгать не мешай», себе взял роль старой тётюшки Хандриной и, переодевшись в женское платье, представил комическую старуху с таким неподражаемым совершенством, что, наверно, такая Хандрина никогда не являлась и на столичных сценах. Потом он играл ещё с таким же успехом в благородном спектакле, устроенном Еленой Павловной в пользу детского приюта, основанного ею в Саратове... и кажется этим закончил свою сценическую деятельность, занявшись исключительно своим хозяйством и мистицизмом, к которому, в разрез своей живой, весёлой натуре, питал большое влечение».

По сведениям Саратовского областного государственного архива, в 1860 году у Андрея Дмитриевича Закревского было 557 душ мужского пола, 2 тысячи десятин пахотной земли, 38 дворовых. Крестьянских дворов – 208. В этом же архиве хранится «Дело по прошению титулярного советника Андрея Дмитриевича Закревского о внесении его в дворянскую родословную книгу Саратовской губернии».

Последнее упоминание о нём я нашла в «Указателе Санкт-Петербургской выставки русских мануфактурных произведений», изданном в 1861 году, где среди участников фигурирует и «коллежский асессор Саратовской губернии Хвалынского уезда в селе Одоевщина». Он представил на этой выставке крупную ману и муку крупчатку. Это было последнее упоминание о нашем герое, найденное мною, потому как он вскоре умер и был похоронен в семейной усыпальнице рядом с матерью и отцом в Одоевщине предположительно в том же, 1861-м, году.

Род Закревских, по данным столичных архивов, прекращается на Андрее Дмитриевиче Закревском.

Мария Качалина
Фото из архива автора

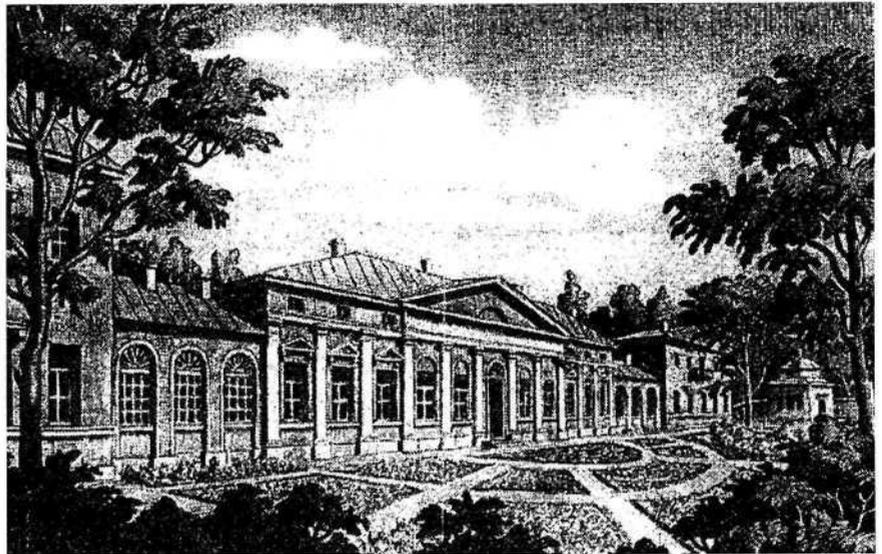
*И песнь моя пройдёт
сквозь все ряды времён,
Как песнь благодарения!*
Д.П. Ознобишин

Тёплый кавказский сентябрь... Три месяца пролетели, словно ветер, набросавший в копилку творческой жизни новые стихи, прозу, переводы. Захотелось вдруг домой, в Симбирск и родное поместье Троицкое...

Два дня на прощальные визиты, сутки на сборы и – домой! Душа его уже летела в родной край. Возможно, поэтому Ознобишин и не обратил внимания, что кучер пьян. На повороте коляска опрокинулась, барина выбросило из неё, и он ударился боком о камни. Доктор говорил слова утешения. Больной всё понял... Перед ним проходила его жизнь с великими радостями и роковыми ударами. Отчётливо виделись высокие колокольни Симбирска, блестящая глава кафедрального собора, сады, спускавшиеся до самой Волги... Голова кружилась, словно в первом вальсе с Лизонькой... А боль становилась всё сильнее... Картинки жизни менялись и менялись. Он увидел красивое, но искажённое страданиями лицо второй жены – Терезы... Вот его последнее стихотворение:

*Наш Кисловодск
как раз услужит,
Заманит изобильем вод,
Нарзана газами задушит
И экипажем вас убьёт.*

Чернила ещё не высохли, а сердце уже не билось. Это случилось второго сентября 1877 года. В «Московских ведомостях» от 14 сентября 1877 года князь Баюшев в некрологе в память о поэте сообщил, что тело Д.П. Ознобишина перевезено в родовое имение поэта. Его последний путь до боли схож с прощальной дорогой А.С. Пушкина...

Родовое имение Ознобишиных в селе Троицкое. Гравюра Белобородова

Песнь благодарения

Корни

Отец поэта, Пётр Никанорович Ознобишин, директор Астраханского коммерческого банка, семьёй обзавёлся в Астрахани, страстно влюбившись в смуглую дочь грека-эмигранта Варваца. Венчание Петра и Александры проходило в семейной церкви Варваца – Тихвинской Божией Матери, затем молодожёны переехали в Троицкое. Зимой супруги гостили в Астрахани. Здесь, на базаре, их пятилетний сын Митя впервые увидел «азиятов». Их книги, написанные кружевной вязью, захватили воображение мальчика. Дед Варваца пробудил в нём интерес к изучению восточных языков и любовь к Востоку. В Троицком, кроме учителя французского языка барона А.К. Бодэ, был нанят мулла, чтобы учить мальчика восточным языкам.

Дети Ознобишины любили гостить у деда в Астрахани. Заветным местом в огромном доме был его рабочий кабинет, где на пушистом персидском ковре стоял большой макет военного корабля Варваца! При всей своей занятости Иван Андреевич находил время и для внуков. Со стен снимались шашки, и бросался

жребий, кто будет воевать за Грецию, Турцию и Россию. Дед ставил условие, что игра состоится, если «турком он не будет». И начинался бой. Остановить его могла только няня Денисьевна. Она неслышно «влиывала» в кабинет, вставала на бархатный красный диван, и, размахивая Андреевским флагом, который вынимала из флагштока, кричала грудным голосом: «Победа русского флота! Ура! Славных моряков просят отобедать».

К 1813 году пятеро детей Ознобишиных остались сиротами. После внезапной смерти обоих родителей опеку над внуками взял на себя Иван Андреевич Варваца. Уже в 17 лет Иоаннис Андреас Леонтидис (такое было его греческое имя), храбрый до отчаяния, возглавлял небольшую эскадру греческих повстанцев. К началу русско-турецкой войны (1769–1774) турки объявили на него настоящую охоту: султан назначил за его голову награду в 1000 пиастров. Тогда Иоаннис продал всё своё имущество и купил небольшой военный корабль – двадцатипушечную шебеку, собрал команду и присоединился к русской эскадре Г.А. Спиридова. Знавший все проходы в бухтах и заливах

греческих островов, он оказал огромную услугу графу Орлову, командуяшему флотом, и всей России во время страшного боя между русским и турецким флотами в Хиосском проливе: в ночь с 25 на 26 июня 1770 года весь турецкий флот в Чесменской гавани был сожжён. 21 октября 1772 года российской императрицей был подписан высочайший Указ о принятии греческого капитана на русскую службу в чине поручика.

По пути в Россию Варваца попал в турецкую тюрьму, бежал и с помощью русского консула Н.В. Репнина перебрался из Константинополя в Россию, пешком добрался до Петербурга, где был представлен Потёмкину, открывшему Варваца двери царского дворца. От Екатерины он получил в подарок тысячу червонцев и разрешение на беспошлинную торговлю в Каспийском море.

В Астрахани дела его шли столь успешно, что скоро составил солидный капитал, который позволял осуществлять крупные благотворительные проекты. Иван Андреевич первым делом построил церковь в честь Тихвинской Божией Матери, в которой позднее венчался сам и крестил своих детей – Марию и Александру. Мария Ивановна Варваца вышла замуж за представителя древнего рода Комнино, основателем которого был византийский император Алексей I. Таким образом, два древних рода оказались в родстве.

В 1810 году Иван Варваца получил диплом на потомственное дворянство, герб и чин надворного советника. Памятью о нём в Астрахани долго оставались построенные на его средства канал, несколько мостов, красивая соборная колокольня, а в Таганроге – греческий монастырь. Сумма его пожертвований на «общественную пользу» в России была фантастической – около трёх с половиной миллионов рублей.

В год смерти дочери Александры Иван Андреевич вступил в члены тайной революционной организации «Филики этерия», созданной в Одессе греческими переселенцами. Иван Андреевич должен был принять решение: пятеро осиротевших внуков, за которых он был в ответе – на одной чаше весов, на другой – судьба его родины Греции. Пересилило второе. Иван Андреевич переехал в Таган-

рог – так было удобнее из-за частых поездок в Грецию. Но прежде позаботился о воспитании и образовании десятилетнего Мити Ознобишина. Варваца отвёз его в Петербург, в семью дальнего родственника Ознобишиных – сенатора А.В. Казадаева.

Образование

До четырнадцати лет Дмитрий жил у Казадаевых. Были книги, были прогулки по Петербургу. Уроки лучших петербургских учителей – Арсеньева и Сосницкого, первое юношеское увлечение и первые рифмованные строки. У Софьи Казадаевой, бывшей замужем за Г.П. Галаганом, постоянно собирались жившие в северной столице Н.В. Гоголь, братья Кукольники, Н.А. Марцевич, К.М. Базили и другие выходцы из Малороссии. Здесь, вероятно, состоялось светское знакомство Дмитрия Ознобишина с Николаем Гоголем.

Митю определили в Благородный пансион при Московском университете. Самый любимый его предмет – русская литература. Её блестяще преподавал С.Е. Раич – поэт и домашний учитель Ф.И. Тютчева. Осенью 1819 года, в Москве, пятнадцатилетний Ознобишин познакомился с шестнадцатилетним Тютчевым.

Первый перевод с французского – стихотворение «Трубадур». Тогда же в журнале «Вестник Европы» было опубликовано его первое стихотворение «Старец».

При пансионе существовало литературное общество, на собраниях которого пансионеры читали и обсуждали свои сочинения и переводы. С 1822 года Дмитрий Ознобишин – член «Общества друзей» С.Е. Раича. Он исполняет в нём обязанности секретаря. Тогда же начинает изучать восточные языки, для чего посещает лекции профессора А.В. Болдырева в университете. Такие же лекции у Болдырева слушал и юный М. Лермонтов.

В апреле 1823 года Д. Ознобишин окончил курс в Московском университетском Благородном пансионе с серебряной медалью.

В 1821 году дед поэта, Иван Андреевич Варваца, составил завещание в пользу своих внуков: прапорщика Ивана, недоросля Дмитрия (17 лет), девиц Елизаветы, Варвары и Александры Ознобишиных. Один миллион рублей завещал в пользу

родной Греции. По завещанию деда имение в Троицком перешло в наследство Дмитрию Ивановичу Ознобишину. Сам Варваца решил навсегда покинуть Россию. В январе 1825 года он отправился на встречу с русским вице-консулом, но в пути умер. Его похоронили на острове Занте. Позже прах Варваца был перенесён в Афины. Беломраморный памятник на его могиле стоит до сих пор.

Троицкое

С волнением подъезжал Дмитрий Петрович к Троицкому. Ему предстояло быть почётным смотрителем в Карсунском уездном училище. Извилистая, дорогая с детства река Сюксюмка вроде бы обмелела, и дом показался Дмитрию Петровичу грустным.

Старушка Денисьевна припала к его плечу, а к другому прижалась сестра Сашенька, которая жила здесь.

Он обошёл большой дом с открытой террасой, спустился в парк. Он был молод, известен, признан, и теперь вдыхал воздух Родины, воздух детства!

Утром поехал в Китовку, зашёл в церковь, поставил свечи, прошёл от креста к кресту в ограде церкви, стоял около каждого и пошёл к часовне. Под ней он задумал сделать фамильный склеп. Всю ночь он чертил план переустройства дома и всей усадьбы. Поэт оказался хорошим хозяином. Площадку у дома выложили цветной плиткой. Сад принял ухоженный вид, были привезены и установлены скульптуры, пруды очищены, в них запустили мальков. Были построены беседка на берегу пруда, оранжерея и господская купальня. Заработали фонтаны.

Его распорядок дня был жёсткий: утром прогулка, осмотр парка. Два-три раза в неделю поездка в Карсун. Другие дни недели Ознобишин использовал для занятий персидским и арабским языками. И путешествия... Он хотел видеть и знать больше! Научился писать в бричке, не чурался общаться с чувашами, мордвой, собирал изюминки их устной речи. Глубоко страдал, видя бедность народа. Он жертвовал на приюты и больницы, мечтал о строительстве учебных заведений.

В 1845 году Указом Сената Ознобишины были внесены в шестую

часть родословной книги Симбирской губернии.

Ознобишин был дружен с семьями симбирян Аксаковых, Ахматовых, Астраханцевых, Блюм, фон Вик, Киндяковых, Языковых, Морозовых. Переписывался с П. Вяземским, Ф. Глинкой, историком М. Погодиным, писателем В. Соллогубом, с литераторами С. Соболевским и Н. Путятой.

С марта 1833 года по 1838 год дом Языковых стал местом расцвета поэзии. Здесь встречались поэт Д.В. Давыдов, поэт А.С. Хомяков, собиратель народных песен П.В. Киреевский, редактор и издатель «Симбирского вестника» Д.А. Валувев и, конечно же, Дмитрий Петрович Ознобишин.

Первый брак

Первая поездка Дмитрия Ознобишина в Кисловодск выпала на 1835 год. Сколько хороших стихов было подарено этому благодатному краю! После отдыха он заехал в Ковров к своим родственникам. В честь его был дан званый ужин. В залу вошли мать и дочь Батурины, красивые, изысканно одетые дамы. «Божественно прекрасна!» – отметил про себя Дмитрий Петрович относительно младшей – Лизы. Без жеманства и смущения села она за рояль, открыла ноты, и вместе с музыкой полился, заполняя залу, необыкновенный, чарующий голос... Читались стихи, и Дмитрий Петрович с изумлением отметил, что Лиза прекрасно декламирует. Объявили вальс. Дмитрий Петрович подошёл к девушке, она, не глядя на него, протянула ручку, затянутую перчаткой. «Что это? Что такое, господин Ознобишин?» – говорил себе Дмитрий Петрович, не в силах оторваться от бездонных глаз.

В собрании Ознобишинных 22 книги календарей и месяцесловов за 1835–1866 годы. В месяцеслове 1835 года, июль: «8 – моя помолвка с Лисанькою Александровной Батуриной, 29 – моя свадьба в Лазареве Владимирской губернии». Эти записи сделаны Дмитрием Петровичем.

Супруги чувствовали и понимали друг друга без слов. Их любовь крепла день ото дня. Елизавета Александровна занималась переводами, вела дневник и путевой журнал. А Дмитрий Петрович с благоговением слушал её музыку и пение. В мае 1837 года

жена подарила Дмитрию Петровичу сына Ивана.

В 1838–1841 годах и с 1844-го по 1847 годы Дмитрий Петрович состоял почётным попечителем Симбирской классической гимназии. Он близко сошёлся с Николаем Александровичем Гончаровым, познакомился с Иваном Александровичем Гончаровым, и это знакомство переросло в дружбу. К этому времени был построен двухэтажный кирпичный дом в Симбирске в переулке Овражном (ныне пер. Комсомольский, 3).

Семейное счастье омрачалось лишь болезнью Елизаветы Александровны. Дмитрий Петрович часто замечал бледность лица своей Лизы. «Душа моя, Лизонька, оставим дела, пойдём погуляем, – говорил он жене, – твоя любимая акация зацвела!» Они спустились в парк. Блеск увлажнённых глаз Елизаветы скрывал белый кружевной зонтик. Дмитрий Петрович старался гнать от себя дурные мысли...

23 августа 1845 года в Симбирске состоялось торжественное открытие памятника Карамзину в присутствии академика Погодина и сыновей историка – Андрея и Александра Карамзинных, специально прибывших на это торжество. Дмитрий Петрович прочитал своё стихотворение «Памяти Карамзина».

Здоровье Елизаветы Александровны ухудшилось. Дмитрий Петрович отправил её с сыном в Петербург на лечение. Ему было тяжело оттого, что её нет рядом, и он ревновал, пенил ей, что она мало ему пишет.

26 февраля Дмитрий Петрович получил долгожданное письмо от Лизы и ответил стихами: «Письмо! Её ручкой начертанные строки! Сто раз целую их...»

Весной 1847 года Елизаветы Александровны не стало. Дмитрий Петрович был безутешен. Впервые он не был рад пришедшей весне. Он изнурял себя работой, но жить в Троицком не мог и принял решение уехать за границу.

Путешествия

21 июня 1847 года Дмитрий Петрович с сыном Ваней сели на паром. Берлин, Лейпциг и Веймар, курорт Крейцнаг. Здесь они провели несколько месяцев, потом переехали на курорт Веве; через Лозанну, Лион

и Марсель прибыли в Ниццу. Путь домой лежал через Геную, остров Мальту, Смирну, Константинополь, Одессу, а 1 августа 1848 года они вернулись в Троицкое.

Ознобишин – внимательный и любознательный путешественник. Пейзажные зарисовки поэта великолепны. Автор дневника любит восхождением утренней зари, горами, берлинскими улицами, музеями. Поэта заботила судьба родной природы: песчаные отмели на Волге – «печальный знак, что и поительница русских городов Волга стареется», и многое другое.

Заслуживает внимания рассказ Ознобишина о встречах с Тютчевым и рассуждения последнего о железных дорогах и их значении: «Мы с ним о многом побеседовали. Действительно, замечание его справедливо; железная дорога уничтожила и постепенно будет уничтожать существование маленьких городов, находящихся на тракте, мелкая промышленность их уничтожится, и всё это перейдёт в большие города, которые через это будут жить двойной жизнью. Будет ли от этого польза целому государству и не будет ли мешать развитию общественного благосостояния – вопрос этот разрешит время».

Жизнь продолжается

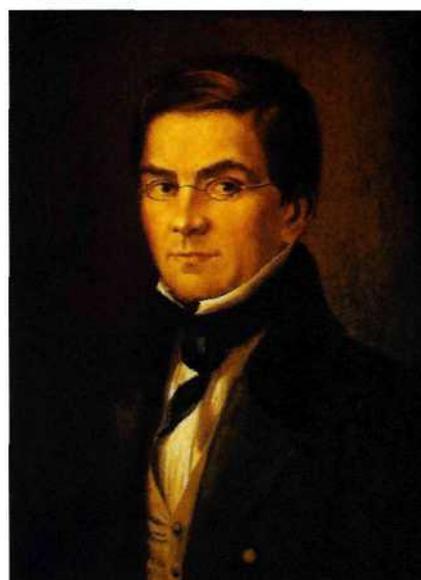
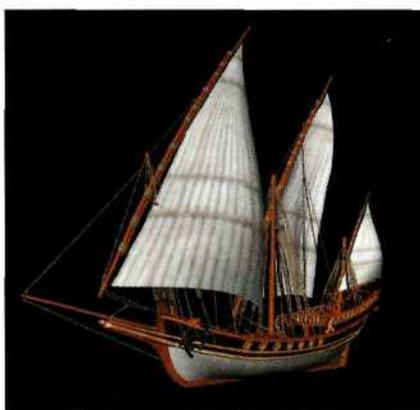
В 1851–1852 годах Дмитрий Петрович жил в своей петербургской квартире, затем переселился в Смоленск, занимаясь финансовыми операциями по винным откупам. В 1853–1854 годы он стал почётным членом Смоленского попечительства и детских приютов. На события Крымской войны 1853–1856 гг. он откликнулся стихами, напечатанными в журнале «Москвитянин». В свою статью «Смоленская святыня» поэт анонимно поместил прекрасное стихотворение «Есть икона чудотворная» о святой иконе Божией Матери Одигитрии, спасавшей Отечество от врага в 1812 году.

Ознобишин был ещё не стар и решил вновь жениться. Его избранницей стала внучка адмирала Дмитрия Сеньявина Таисия Кадомцева. Она училась вместе с племянницами Дмитрия Петровича в училище Святой Екатерины в С.-Петербурге, а после окончания осталась в нём

Подобный макет шебеки XVIII века стоял в кабинете И.А. Варваши

И.А. Варваши, дед Д.П. Ознобишина.
Портрет работы В. Боровиковского

И. Айвазовский. Чесменский бой

Пловец

В час тихий светлого заката,
На синеве зеркальных вод,
Корабль, облитый морем злата,
В дыханьи ветра жизни ждёт.
Его не радует денница,
Заря, сменённая зарёй:
Ему грустна его темница,
Свод неба душен голубой.
Всё тихо, пусто и уныло...
Лишь ветерок, едва слетая,
Шепнёт во флаг, как над могилой,
Легко баюкая дитя.
Порою чайка зыбко реет
Крылом усталым над кормой
Или, как снег, у волн белеет,
Печальный крик роняя свой.
Но ветер дохнул – и, жизнью полный,
Мгновенно парус округлён,
Корабль очнулся, вспенил волны,
Отвоял с крыл могучих сон.
Летит... Как лебедь встрепенулся,
Летит пернатый, – и кругом
Вал синий с плеском развернулся,
Кипя, клокоча серебром.
Минувшее забыто горе,
Пловец блаженствует, как Крез;
Под ним лазурь – бунтует море,
Над ним горит лазурь небес!
В твои холодные объятья,
Стихия влажная, спешу!
Глас бурь твоих люблю внимать я,
Свободней грудью в них дышу.
Очам не льстят земные розы:
Они для сердца не цвели!
Пошли ж скорей мне встречу грозы,
Умчи далече от земли!

Дмитрий Ознобишин
1830 год

пепиньеркой (чтицей) императрицы. Разница в возрасте супругов составляла тридцать лет.

Многое в Таисии восхищало Дмитрия Петровича: ровный характер, начитанность. Жизнь поэта снова обрела смысл. В голове зрели новые планы: за околицей Китовки, на горе, он начал строить школу для своих крестьян, да к тому же готовился снова стать отцом. Однако судьба нанесла ему новый удар. Запись в месящеслове за 1863 год: «22 августа, в 10 часов полудни, после 8-ми часовых мук родилась моя дочь Елизавета, но Тереза моя (так Ознобишин называл вторую супругу. – *Ред.*) после этого страдала». Трое суток он метался из комнаты в комнату, от новорождённой дочери Лизоньки до двери Терезы. Глухо и надрывно рыдал, прося у Господа не отбирать у него невинное создание, его последнее счастье.

Хрупкая юная женщина металась в горячке. Теперь она была похожа на маленького измученного ребёнка. Тонкие прозрачные руки её лежали поверх одеяла. Супруг брал их в ладони, целовал, старался утешить. Красивый, искривлённый в муках рот её и беззвучные крупные слёзы – Ознобишин запомнил их на всю оставшуюся жизнь...

26 августа 1863 года крестили Лизоньку, а днём позже в родовом склепе, в Китовке, схоронили Таисию Константиновну. Вскоре после этого тёща поэта, Елизавета Андреевна Кодомцева, вместе с кормилицей увезли малышку в Петербург. После их отъезда Дмитрий Петрович уехал в Симбирск. 16 мая 1864 года он писал Елизавете Андреевне: «Чудное дело! Не стало одной только особы, а как всё изменилось! Куда девались и веселья, и радости, предложения в будущее! Всё унесло порывом бурного вихря, унесло безвозвратно! Я же писал Вам о новом постигшем меня несчастье – душевной болезни сына».

После смерти Терезы он начал искать утешение в религии. Много беседовал с митрополитами Московским и Киевским. Дмитрий Петрович начал переводить псалмы, попросив благословения у митрополита Московского Филарета. Деятельный по натуре, неутомимый, он начал выезжать в Москву, С.-Петербург, Казань, Чебоксары, на Урал. Часто бывал в Симбирске.

Из письма Ознобишина к тёще, 29 декабря 1864 года: «Здоровье моё поправляется, чувствую себя гораздо покойнее душевно. Я обязан много религии, чтение и изучение псалмов заняли мои грустные досуги... Величайшее наслаждение доставляет мне, когда пишете о моей милой крошке... но я не желал бы, чтобы она походила на меня лицом своим, я желал бы видеть в ней черты её незабвенной матери, которые так глубоко врезаны в моём сердце».

Сын поэта Иван Дмитриевич излечился от своего недуга, окончил Императорский Александровский лицей и в конце января 1868 года женился на дочери мещанина-помещика – Софье Дмитриевне Толбузиной. У них было трое детей: дочь Наталья и два сына, Николай и Дмитрий. Ни у кого из них детей не было, и мужская ветвь Симбирского рода Ознобишиных прекратилась.

Дочь Елизавета Дмитриевна замужем была дважды: за графом И.К. Шуленбергом и за Д.Я. Малевинским. Скончалась в 1899 году. Сведений о её детях нет.

Наследие

Имя Ознобишина ставилось в один ряд с великими русскими поэтами. Сам Державин считал, что «поэзия Дмитрия Петровича представляет прямой отголосок лиры А.С. Пушкина. ...внешняя сторона её – стих, полный гармонии, силы, музыки и образности, не уступает пушкинскому стиху».

Ознобишин в числе первых проложил мостик между культурным наследием России и Востока. Первый перевёл с оригинала произведения классиков персидско-таджикской, арабской, индийской и сербской поэзии. Переводил Шекспира, Беранже, Гюго, Гейне, Мицкевича, Байрона, Лонгфелло, Данте, Барбье и многих других. Перелагал новогреческие песни, собирал русский, татарский, мордовский и чувашский фольклор. Его душа была открыта восприятию художественных сокровищ всех культур.

П.М. Языков, председатель комитета библиотеки, в письме от 3 ноября 1848 года обратился к Дмитрию Петровичу с просьбой поддержать первую публичную библиотеку в Симбирске. Поэт быстро откликнул-

ся присылкой книг. Все последующие годы поэт присылал небольшие суммы на поддержание Карамзинской библиотеки и передавал в неё свои собственные книги. Библиотека самого Ознобишина насчитывала более ста тысяч томов и была лучшей в Симбирской губернии. Она собиралась шестью поколениями семьи. Сейчас из неё в фондах Ульяновской областной научной библиотеки включены в каталог описания 3214 томов книг и периодических изданий.

Дмитрий Петрович вёл большую общественную работу на благо Симбирского края и своего народа. Принимал участие в работе уездной и губернской земских управ, губернского Дворянского собрания. В 1867 году он обратился к местному дворянству с призывом безотлагательно заняться постройкой удобных школьных помещений, чтобы вывести детей из холодных и смрадных караулов.

Поэт дорожил дружбой с декабристами. До конца своей жизни он хранил у себя стихи К.Ф. Рыльева и А.И. Одоевского, список «Горе от ума» А.С. Грибоедова. На свои средства издал тайно присланную из Сибири поэму Бестужева-Марлинского «Андрей, князь Переславский».

Необыкновенно скромный, глубоко религиозный, Дмитрий Петрович не стремился к популярности и не видел в отсутствии собрания своих сочинений «для отечественной литературы никакой существенной потери». Сам поэт так и не выпустил книгу своих стихов. Первый сборник его вышел только в 1992 году! Вступительная статья и примечание принадлежат составителю этой книги – незаурядному учёному-востоковеду Татьяне Гольц.

Нина Дубовик

Школа для крестьянских детей, построенная на средства А.П. Ознобишина в 1861 году

1 июня 2010 года ушёл из жизни Александр Сергеевич Бутурлин. Предки его принадлежали к одному из древнейших дворянских родов. Родился он в 1924 году в Москве, в семье выдающегося российского орнитолога С.А. Бутурлина. Дед его – известный революционер-народник, близкий друг Льва Толстого. Родовое поместье семьи находилось в Карсунском уезде Симбирской губернии, в сёлах Лава и Белый Ключ (ныне Сурского района).

М.Х. Валкин и А.С. Бутурлин. Ульяновск. Сентябрь 2005 года

Сын великого орнитолога

В годы Великой Отечественной войны Александр Сергеевич Бутурлин служил в должности командира огневого взвода на Восточном и Юго-Западном фронтах ПВО, был ранен. В 1957 году окончил инженерно-артиллерийскую академию и в звании подполковника работал в одном из военных научно-исследовательских институтов.

Будучи неравнодушным, прогрессивно мыслящим человеком, Александр Сергеевич внимательно следил за обстановкой в стране и в мире, остро переживал все наши беды. В 1967 году, во время «пражской весны», он пригласил выступить в клубе института Александра Солженицина. «Ни я, ни командир части, – вспомнил Бутурлин, – не могли предположить, во что выльется эта встреча. Солженицин прочитал отрывок из «Круга первого». А на следующий день в нашем институте разразилась гроза. И кончилось всё тем, что меня, мягко говоря, проводили на пенсию».

После ухода на пенсию Бутурлин вёл богатую духовную жизнь. Об эрудиции и незаурядных способностях этого человека свидетельствует такой факт. Присутствуя однажды на Учёном совете Государственного музея А.С. Пушкина, он прослушал сообщение М. Яшина. В сообщении шла речь об известном анонимном пасквиле, присланном поэту и послужившим поводом для дуэли. Яшин утверждал, что одним из авторов пасквиля был князь И.С. Гагарин. Надёжных свидетельств, подтверждающих свою версию, он не привёл.

В обсуждении сообщения принял участие и А.С. Бутурлин. Он заметил,

что Яшин фактически предъявляет тяжкое обвинение давно ушедшему из жизни человеку, естественно, не имеющему возможности себя защищать. Это обстоятельство должно было бы побудить автора сообщения быть в высшей степени доказательным, опираться на неопровержимые факты. А вместо этого одни предположения. Бутурлина поддержали известные пушкинисты Т.Г. Цявловская, К.В. Пигарев и другие.

Исходя из того, что И.С. Гагарин является предком Бутурлина по женской линии, и полагая, что честь предков дорога их потомкам, он решил ознакомиться с литературой и архивными материалами, касающимися личности князя. Проведя значительное время в московских библиотеках и архивах, А.С. Бутурлин пришёл к выводу, что Гагарин был благородным, честным человеком. Он, в частности, послал в пушкинский «Современник» стихи Ф. Тютчева и, таким образом, представил обществу нового поэта. До этого Тютчев не считал себя профессиональным поэтом, свои стихи не публиковал, а дарил их друзьям и знакомым.

И.С. Аксаков, первый биограф поэта, писал: «Русская литература обязана вечной благодарностью И.С. Гагарину: он не только первый сумел оценить поэтический дар Тютчева, но и обратить его в действительное достояние России...».

Бутурлин напомнил также, что Гагарин был первым издателем сочинений и писем Чаадаева, что он основал Славянскую библиотеку в Париже. Ясно, что такой человек не мог совершить приписываемую ему Яшиным подлость.

В 1968 году, по просьбе Бутурлина, в Центральном научно-исследовательском институте судебных экспертиз была проведена почерковедческая экспертиза. Она показала, что ни почерк Гагарина, ни его слуги не имеют ничего общего с почерком автора пасквиля.

Завершив научное исследование, Александр Сергеевич подготовил пространную статью под названием «Имел ли И.С. Гагарин отношение к пасквилю на А.С. Пушкина?». Рукопись он прислал мне. Я внимательно её прочёл, кое-что предложил улучшить, исправить и посоветовал убрать из текста слишком резкие выражения в адрес Яшина. Он согласился со мной. Статья была напечатана в авторитетнейшем издании – в «Известиях Академии Наук СССР». По выходе в свет журнала Бутурлин прислал мне отпечаток статьи с благодарностью «за большую помощь в подготовке этой статьи». Мне, конечно, было приятно получить такой подарок.

Появление статьи Бутурлина – профессионального военного, никогда ранее не занимавшегося научными исследованиями в области гуманитарных наук, в академическом журнале, безусловно, сенсация, свидетельство о его интеллекте и творческих способностях. Забегая несколько вперёд, скажем, что впоследствии он подготовил ряд крупных статей, посвящённых жизненному пути отца, а также его предкам, сыгравшим видную роль в истории России. Статьи были напечатаны в московских и ульяновских научных изданиях.

Моя первая встреча с Александром Сергеевичем состоялась в кон-

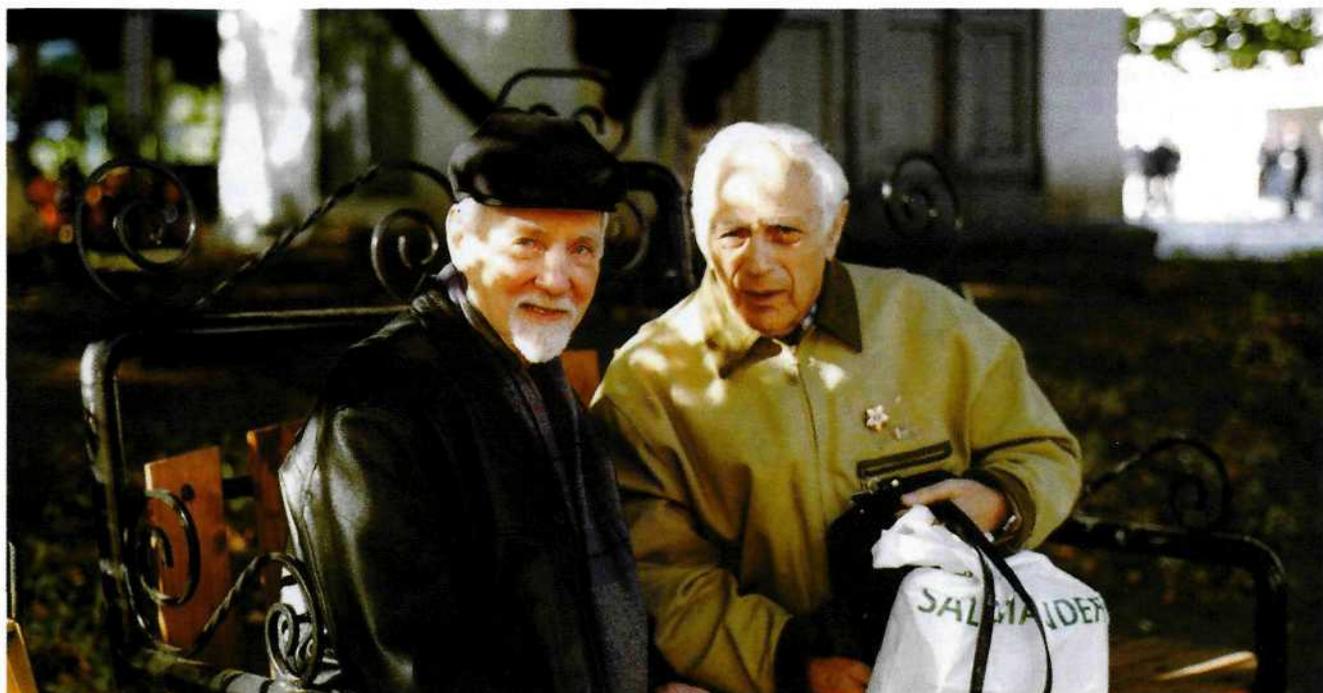

Фото Сергея Ойкена

М.Х. Валкин и А.С. Бутурлин. Ульяновск. Сентябрь 2005 года

це пятидесятих годов прошлого века. Ознакомившись с хранящимся в областном краеведческом музее архивом его отца, учёного-орнитолога, я решил выяснить, не здравствует ли кто-нибудь из Бутурлиных? Если да, то не сохранились ли у кого-либо из них вещи или архивные материалы, принадлежавшие учёному? Из литературы мне было известно, что Сергей Александрович жил в Москве и умер там же в 1938 году.

Находясь как-то в Москве, я решил навести справку в адресном столе о лицах, носящих фамилию Бутурлиных. Мне выдали справку с их адресами и номерами телефонов. Первому я решил позвонить Александру Сергеевичу, рассчитывая, что, возможно, он является сыном учёного. На мой звонок ответил доброжелательный голос. Оказалось, что я действительно разговариваю с сыном Сергея Александровича. Он сразу же пригласил приехать к нему домой. После телефонного разговора с ним я отправился на квартиру Бутурлиных (Ленинский проспект, д. 20). Жили они в двух комнатах четырёхкомнатной квартиры (две комнаты занимали другие жильцы). В этом доме Сергею Александровичу жить не довелось. До его смерти семья жила в другой коммунальной квартире. В момент моего посещения семья состояла из четырёх чело-

век: Александр Сергеевич, его мать Амалия Ивановна, супруга Галина Павловна и дочь Ирина. Встретили они меня тепло, гостеприимно. По ходу беседы выяснилось, что в семье бережно хранится всё, что связано с памятью о Сергее Александровиче. Это, прежде всего, большой, красного дерева, письменный стол, за которым долгие годы работал учёный. Затем настольная лампа, этажерка для книг, шкаф-секретер, микроскоп, морской бинокль, охотничьи ружья, часть научной библиотеки, многочисленные фотографии и личные документы.

Большую ценность представляют хранящиеся у Бутурлиных изобразительные материалы. Среди них портреты князя Сергея Ивановича Гагарина, его жены Варвары Михайловны, урождённой Пушкиной, их дочери Марии Сергеевны, упоминавшегося выше князя Ивана Сергеевича Гагарина.

Особо надо сказать, что в семье сохранилось несколько вещей, принадлежавших отцу учёного – Александру Сергеевичу Бутурлину (полный тёзка внука): старинные очки в металлической оправе, бумажник из тиснёной красной кожи и другие.

Мир вещей, окружавших учёного, доносят до нас его духовный облик, атмосферу напряжённого труда, отражают его выдающийся вклад в отечественную и мировую науку.

Мне не пришлось убеждать Александра Сергеевича, как часто бывает в аналогичных случаях, о целесообразности передачи памятных вещей его отца на вечное хранение в музей, приобщение их к имеющейся в фондах Бутурлинской коллекции. Более того, Бутурлины пожелали передать музею все вещевые, изобразительные и другие материалы учёного безвозмездно. В июле 1960 года реликвии поступили в музей. Думаю, что приобретение их через закупочную комиссию вылилось бы в несколько сот тысяч рублей в тогдашнем денежном исчислении, а в нынешнем – в миллионы. Мотивируя свой поступок, Бутурлин сказал: «Так поступил бы мой отец».

Имена отца и деда Бутурлина широко известны. Они увековечены в названии одной из улиц Ульяновска. На доме, где жили Бутурлины, установлена мемориальная доска. Имя С.А. Бутурлина носит Сурский государственный заказник. В областном краеведческом музее имеется Бутурлинская комната. Пример выдающихся предков вдохновлял Александра Сергеевича всю его жизнь. Вклад этого благородного человека в музейное дело, в отечественную культуру навсегда останется в памяти симбирян.

Марк Валкин

Городские пернатые:
белая трясогузка,
серые вороны,
воробьи, поползень

Фотографии Татьяны Мельник

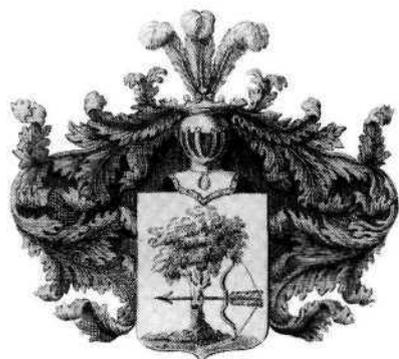
Александр Колесов

Привет тебе, король карнизов,
Пернатый рыцарь воробей!
Своей судьбе ты бросил вызов
Весёлой храбростью своей,

Не испугался ты морозов,
Гнезда не бросил своего...
В краю родном, в стране берёзок
Ты ждал со мною одного,

Ты ждал весну, не улетая,
Не покидая мест родных...
Бессмертна преданность святая
Пусть не великих крыл твоих!

Герб рода Ушаковых

Древний дворянский род Ушаковых берёт своё начало от сына касожского князя Редеди и внучки князя Владимира Красное Солнышко. Ушаковы в Жедрино имели наибольшее количество земли и крепостных. И неудивительно, что именно потомок рода – Андрей Михайлович Ушаков построил в селе Богородицкую церковь в честь иконы Казанской Божией Матери. На иконостасе в приделе Св. апостола Андрея Первозванного надпись: «Повелением Преосвященнейшего Амвросия Архиепископа Казанского и Свяяжского создан сей храм».

Любовь Милькова

В окрестностях села Жедрино Кузоватовского района

В роде своём не последние

В живописной юго-западной части Кузоватовского района раскинулось старинное село Жедрино – некогда одно из самых крупных сёл Сызранского уезда Симбирской губернии. В начале XX века здесь проживало почти полторы тысячи жителей. О былом величии села напоминает нам сегодня лишь белокаменная красавица церковь, история которой неразрывно связана с жизнью известных симбирских дворян Ушаковых, «в роде своём не последних», как писали они в купчих на земли, которые приобретали, продавали, передавали по наследству от отца к сыну из века в век. А сегодня их потомки мечтают о восстановлении в селе Богородицкого храма.

Родословная Ушаковых, как история Ветхого Завета, хранит имена тех, кто из поколения в поколение продолжал и прославлял фамилию – от Ушака, Безсона и Плакида до Афанасия, Владимира, Андрея... Первая владельческая запись на Жедрино относится к 1749 году, когда Андрей Владимирович Ушаков завещал своим сыновьям Андрею и Михаилу здешнюю землю. Через какое-то время уже бригадир (современный чин подполковник) Михаил Андреевич Ушаков передал Жедрино своему сыну Андрею Михайловичу.

В молодости Андрей Михайлович Ушаков, как и его отец, поступил на военную службу, был фурьером лейб-гвардии Измайловского полка. Дослужившись до подпоручика,

в 1774 году ушёл в отставку. Обосновавшись в Жедрино, он занялся его обустройством и одновременно вновь поступил на государственную службу, но уже по гражданскому ведомству: оказался среди высших чиновников новой губернской администрации. В 1780 году местные дворяне избрали его заседателем в Симбирский верхний земский суд. Вскоре он женился на Наталье Гавриловне Жоховой, дочери прокурора Симбирской верхней расправы, а через год сменил тестя

Казанская церковь села Жедрино. 1992 год.

Фото Алексея Сытина

на этой должности, то есть сам стал прокурором.

Хотя в Симбирске Андрей Михайлович проводил много времени, главной его заботой оставалось жедринское имение. Он обустроил усадьбу в соответствии с модой тех лет. Двухэтажный кирпичный дом имел на первом этаже низкие сводчатые потолки и несколько больших комнат с полуподвальными окнами, второй этаж, напротив, был светел, с высокими потолками и большими окнами. Комнаты Андрей Михайлович обставил дорогой мебелью, пальмами в кадках и другими всевозможными цветами, а у подъезда по бокам лестницы, установил двух каменных львов. С просторной террасы дома открывался вид на огромный парк, частично дошедший до наших дней. Сохранился и пруд с грустными «поленовскими» ивами по берегам. Сейчас по его зеркальной глади плавают домашние утки и гуси, а по зелёным лужайкам бывшего парка проходит грязная, вся в рытвинах, машинная колея.

Почти вплотную к парку подступает высокая, красивой архитектуры каменная церковь во имя иконы Казанской Божией Матери, построенная Андреем Михайловичем на собственные средства в 1796–1801 годах взамен старой деревянной. Один из церковных приделов сооружён был во имя Святого апостола Андрея Первозванного, небесного покровителя Ушакова.

Ушаковы слыли людьми своенравными. Внук Андрея Михайловича – Сергей Михайлович Ушаков – прослыл в уезде «властным самодуром» и часто попадал в скандальные истории. Например, на Пасху 1882 года во время церковной службы, не дожидаясь священника Богоявленского, самолично открыл царские врата, а на Троицу стал требовать у прихожан поставить подписи под «приговором» об увольнении одного священника.

Разногласия с духовным отцом, впрочем, начались много раньше, когда Сергей Михайлович выстроил рядом с домом священника кабак и «зорко следил за процветанием своего детища». Зато на церковный обиход, починку дома духовного пастыря и местной школы денег давал очень мало. Но после смерти в 1886 году, как и все Ушаковы (а в Жедрино во второй половине XIX века их проживало пять семей, ещё несколько в соседних селениях),

он был похоронен в церковной ограде рядом с могилой отца, чей надгробный памятник, расколотый пополам, и сейчас ещё лежит вблизи полуразрушенной церкви.

Сын Сергея Михайловича, Алексей Сергеевич Ушаков, последний владелец жедринского имения, постарался загладить поступки отца. Он регулярно выделял средства на церковные нужды: в 1892 году – на восстановление потрескавшейся колокольни, в 1901-м – на ремонт дома священника, в 1903 году – на подновление изящного иконостаса московской работы.

Алексей Сергеевич, как мог, поддерживал доставшееся ему имение деда. На военной службе он находился недолго, в чине поручика вышел в отставку, но связи с армией не терял. Устроил в Жедрино конный завод и поставил для армейской службы лошадей. В 1884 году двадцатилетний Ушаков женился на восемнадцатилетней дочери соседа Анне Александровне Толстой и зажил счастливой жизнью провинциального помещика. «Тусик», так он звал ласково жену, всеми днями расписывала цветочками и уточками фарфоровые тарелочки, а «Пусик» пропал на конюшне. Когда к ним приезжали в гости родственники и соседи – Толстые, Воейковы, Амбразанцевы-Нечаевы, Мусины-Пушкины, Мертваго, Уваровы и другие – устраивались многолюдные кавалькады (модные в те времена конные прогулки).

Любовь к лошадям передалась и детям. Два его сына впоследствии стали офицерами Галицкого полка, а дочь Татьяна, по-домашнему Татуша, с детских лет ничего, кроме лошадей, не признавала и пропала на конюшне целыми днями. Любящий отец подарил ей породистого жеребца по кличке «Удалой». Как пишет один из дальних родственников Ушаковых И.С. Ильин: «Татуша носилась на своём чистокровном «Удалом» по всем соседям-помещикам. Этот «Удалой» был замечательный конь, он за Татушей ходил, как собака, взбирался по лестнице во второй этаж и появлялся в столовой. Татуша особенно любила этот трюк, когда приезжали гости, и в столовой собиралось большое общество».

В 1918 году Татуша вышла замуж за командира Красной Армии и вместе с ним была на гражданской войне, служила в кавалерии. На своём «Удалом» не раз участвовала в боях. Какое-то

время она давала о себе знать родным, но вскоре вести о сражениях оборвались, и судьба её не известна. Нам остаётся только гадать, не её ли образ лёг в основу повести Алексея Толстого «Гадюка»? Ведь, как известно, Толстой был знаком с её отцом, а троюродный брат Татуши Всеволод Юрьевич Мусин-Пушкин был близким другом писателя.

Кстати, черты Алексея Сергеевича Ушакова и его дочери Татьяны просматриваются и в папаше Рубакине и девице Рубакиной, героях повести Алексея Толстого – «Приключения Растёгина», написанной после посещения им Симбирска летом 1913 года. Так, давая характеристику гостям, съехавшимся на именины к Ражавитинову, Толстой пишет: «Мимо окон спокойно прохаживалась девица Рубакина... В уезде её называли «ефрейтор». Папаша Рубакин, со своими почками, сидел неподалёку в кресле и с любовью и страхом глядел на дочь, ожидая от неё всякого. Она славилась как лихой наездник, стрелок и как большая умница с великими причудами. Прошлым летом были кавалерийские маневры, и «ефрейтор» участвовала в них, не слезая с седла: сама ходила с офицерами в атаки и на разведку, переплывала реку и хлопала водку, как сам эскадронный...».

Известной личностью из большой семьи жедринских Ушаковых была Вера Павловна Прушакевич, домашняя учительница семьи Ульяновых. Именно она зимой 1878/79 года готовила шестилетнего Володю Ульянова к поступлению в Симбирскую гимназию. Вера Павловна приходилась дочерью жедринскому помещику Павлу Михайловичу Ушакову. Она родилась в Жедрине в 1856 году. Окончила с золотой медалью Симбирскую Мариинскую женскую гимназию, недолго работала учительницей в Казани, а с 1875 года и до конца жизни (1902 г.) преподавала в Симбирске в 1-м женском приходском училище, была известна в Симбирской губернии как высокообразованный и деятельный педагог.

А в Казанской губернии до самой революции жили потомки другого сына Андрея Михайловича – Андрея Андреевича, их родословное древо восстанавливает ульяновский потомок фамилии Любовь Александровна Милькова.

**Татьяна Громова
Алексей Сытин**

Церковь в Жедрине построена в 1801 году в стиле классицизма по типу храма «кораблём». Над входом в храм с западной стороны находится двухъярусная колокольня.

Церковь имеет два придела: один в честь Святого Андрея Первозванного в центральной части и иконы Казанской Божией Матери в вытянутой трапезной части храма.

Центральный придел апостола Андрея Первозванного имеет в плане прямую форму и перекрыт сферическим куполом. С восточной стороны к приделу примыкает алтарная апсида. Во внутренней части сохранились остатки росписей, выполненных в реалистической манере, (вероятно, в начале XX века), а также трёхъярусный деревянный иконостас. Иконы и часть декора иконостаса не сохранились.

Придел Божией Матери «Казанская» имеет прямоугольную вытянутую форму и перекрыт двухъярусной кровлей. Внутренняя отделка не сохранилась. Перед входом в Казанский придел под колокольней сохранились изображения двух архангелов. В колокольню на ярус со звоном ведёт деревянная лестница.

Колокольня храма декорирована пилястрами и фронтонами с каждой из четырёх сторон. Завершена колокольня шпилем с крестом.

Церковь окрашена в белый колер. Над куполом – главка луковичной формы.

Кирилл Яковлев,
член Союза архитекторов (Санкт-Петербург)

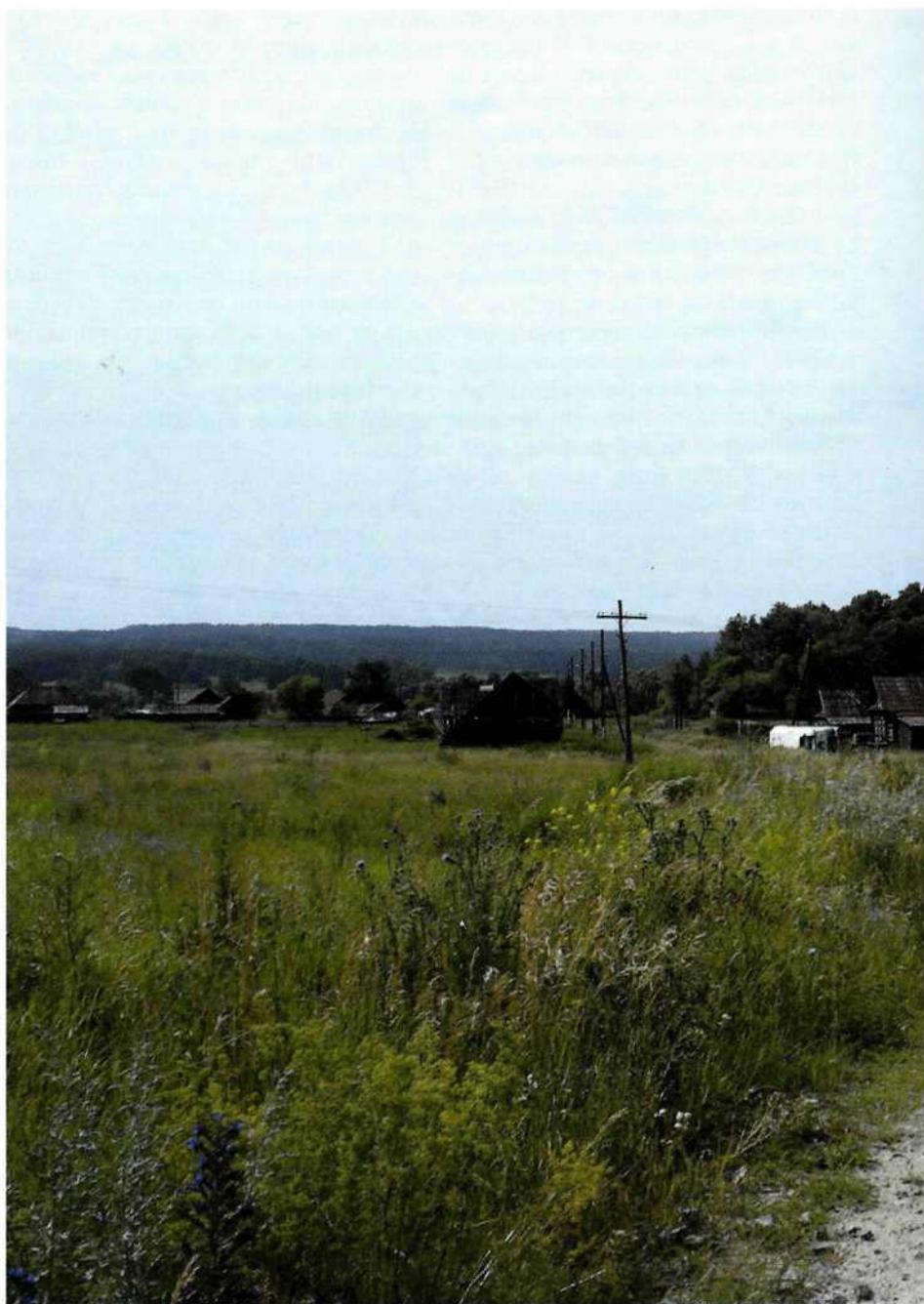
Кирилл Яковлев и Любовь Милькова,
потомки рода Ушаковых

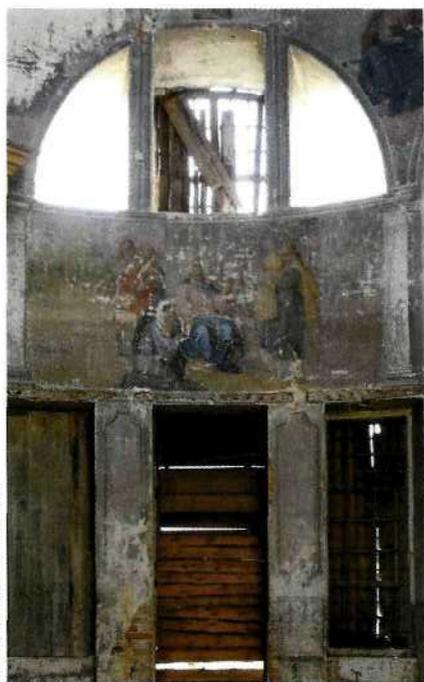
На снимках:
Дорога в Жедрино
Фрагменты интерьера Казанской
церкви села Жедрино

По рассказам жителей, после революции Алексея Сергеевича Ушакова арестовали в Сызрани и умили в Жедрине. Двухэтажный каменный дом с колоннами, заводики и мельницу уничтожили. Иконы из церкви сожгли на костре.

С грустной тоской смотрит сегодня на мир разрушающийся Богородицкий храм. Но бьющий из-под него чистый родник, названный когда-то «Барским», напоминает нам о жизни вечной и призывает к спасению.

Любовь Милькова

Фотографии из архива Любови Мильковой

«Властелинша инострannого факультета»

Первокурсники французской группы УлГПИ. 9 июня 1947 года
В первом ряду слева направо:
О. Поликарпова,
М.С. Ханжина, О.В. Расточинская,
Т.В. Полиновская.
Во втором ряду:
С. Смолькова, М.М. Пчелина,
В.М. Гриневич, З. Орехова,
Е.В. Лаврентьева (Ламзина).
В третьем ряду:
Н. Неофитова, А. Бутович,
З.А. Быстрицкая (Москалёва),
Ю.В. Сосновская (Шандырёва),
В.И. Образцова.
Фото из семейного архива
Е.В. Лаврентьевой (Ламзиной).

На книгах отдела литературы на иностранных языках Дворца книги им. В.И. Ленина часто встречается владельческая подпись «В. Grinevitch». Эта подпись заинтересовала выпускницу французского отделения иностранного факультета УлГПИ Галину Мартьянову (Сеелеву), а небольшая записная книжка, хранящаяся в отделе редких книг и рукописей, подтолкнула к исследованию другую выпускницу этого же факультета – Людмилу Ивашкину. Благодаря их творческому поиску наш журнал получил две статьи, посвящённые жизни одной сильной волевой женщины – первой заведующей кафедрой французского языка Ульяновского пединститута Варваре Мирославовне Гриневич. Оба автора в настоящее время являются сотрудниками Ульяновской областной научной библиотеки им. В.И. Ленина.

Варвара Мирославовна Гриневич родилась 24 августа 1878 года в Симбирске и происходила из древнего дворянского рода. Её отец – Мирослав Викентьевич Гриневич, коллежский ассессор, действительный статский советник, потомственный дворянин, занесённый в VI часть дворянской родословной книги Минской и Симбирской губерний, мать – Вера Николаевна Сабанина, дочь симбирского дворянина, помещика Н.А. Сабанина, советника питейного отделения Симбирской казённой палаты и общественного деятеля. Николай Александрович был членом комитета Карамзинской общественной библиотеки с момента её основания, председателем этого комитета (1854–1861), с 1862 года Почётным членом комитета.

Любовь к книге перешла к Варваре Мирославовне, несомненно, от деда. Девушка с юности была постоянной читательницей этой старейшей и богатейшей библиотеки Симбирска, активно участвовала в её жизни и формировании фондов.

Среднее образование Варвара Гриневич получила в Казанском Родионовском институте благородных девиц. В 1898–1901 годах училась в Сорбонне на факультете языка и

литературы. В это же время слушала курсы от «Alliance Française» (национальное учреждение для распространения французского языка в колониях и за границей) и получила диплом, дающий право на преподавание французского языка. В это время широкое распространение получил «натуральный» метод преподавания иностранных языков, и для его изучения Варвара Мирославовна летом 1906 года поступила в школу Берлица в Париже и изучала там английский язык. В начале XX века она неоднократно ездила во Францию, Германию и Швейцарию для повышения квалификации и для знакомства с постановкой учебного дела в средних учебных учреждениях этих государств.

В Симбирске Варвара Гриневич состояла на должности классной дамы и с 1901 года работала учителем французского и немецкого языков в Симбирской Мариинской женской гимназии, в мастерской женской гимназии Якубович, в 1-й мужской классической гимназии, вела немецкий язык в Краснознамённой военной школе.

В личном деле В.М. Гриневич в архиве УлГПУ хранится её заявление о желании продолжить службу и при

новом строе, датированное 12 июня 1918 года. К нему прилагались биография и её «педагогические взгляды», в числе которых стремление к организации дела народного образования в России на началах свободы, демократизации и децентрализации; общедоступность обучения; введение бесплатного обучения; уничтожение всех ограничений и привилегий в области образования; отмена прав и преимуществ, связанных с окончанием учебного заведения; установление свободы частной инициативы в области образования.

Всю свою жизнь она проработала в родном городе и лишь в 1932/1933 учебном году преподавала немецкий язык в 172-й средней школе г. Ленинград, затем по семейным обстоятельствам вернулась в Ульяновск.

С 1937 года Варвара Мирославовна Гриневиц – преподаватель немецкого и французского языков Ульяновского государственного пединститута им. И.Н. Ульянова. С 1943 года – зав. кафедрой иностранных языков. В 1950 году она первая возглавила кафедру французского языка нашего пединститута. Варвара Мирославовна преподавала до 76-ти лет. Умерла в 1964 году и похоронена на старом кладбище по ул. Карла Маркса.

Её трудовой стаж в качестве преподавателя иностранных языков составляет 50 лет, из них 21 год в вузах Ульяновска.

У Варвары Мирославовны не было семьи, и все свои знания, умения, любовь к профессии она передавала ученикам. В.М. Гриневиц была

необыкновенно скромной, интеллигентной, яркой, самобытной личностью, воспитавшей не одно поколение преподавателей, фанатичных и преданных своему делу. Среди них преподаватели факультета иностранных языков УлГПУ – Т.Ф. Векшина, Е.С. Голенко, Е.В. Ламзина, О.В. Расточинская, Л.В. Сергиевская, Ю.В. Сосновская, М.А. Устинова, М.С. Ханжина и многие другие.

Сохранились воспоминания современников о В.М. Гриневиц. Так, Нина Дроголюб, автор книги «Домик на Венце» (2004) рассказывает о том, что она, будучи маленькой девочкой, наведала вместе с бабушкой и дедушкой их старинных знакомых, среди которых была и Варвара Мирославовна: «Жила она в одном из старых домов на Красноармейской улице, который занимало несколько семей. Причём, к Варваре Мирославовне надо было проходить через большую комнату, принадлежавшую соседям.

Комнату её заполняли старинные красивые вещи. Она была небольшая, и мебель стояла самая необходимая, но добротная – из карельской берёзы, дуба и красного дерева. Такая мебель может жить несколько веков. Сохранились редкой красоты чайные чашки и блюдечки из тончайшего фарфора, серебряные ложечки и изящные рюмочки для коньяка, из которых в старину полагалось пить оный. Варвара Мирославовна пекла к чаю очень вкусный кекс с пряностями и мы чаёвничали, сидя за овальным столом, застеленным льняной скатертью».

Нина Алексеевна Кривошеина, дочь крупного промышленника А.П. Мещерского и жена сына А.В. Кривошеина, министра земледелия (1908–1915) и премьер-министра врангелевского правительства, жила в Ульяновске с 1948 по 1954 годы, работала в пединституте и преподавала английский и немецкий языки. В своей книге «Четыре трети нашей жизни» (1999) она вспоминает о Варваре Мирославовне, «властелинше иностранного факультета» как о женщине очень строгих правил, требующей неукоснительного выполнения своих распоряжений и придерживавшейся определённых принципов.

В.М. Гриневиц собрала прекрасную библиотеку, отражающую её разносторонние интересы. Часть её книг находится в отделе литературы на иностранных языках УОНБ.

Варвара Мирославовна прожила долгую и трудную жизнь и оставила о себе светлую память. Её ученицы З.А. Быстрицкая, Е.В. Ламзина, М.С. Ханжина вспоминают о ней как о чрезвычайно чуткой, порядочной, доброй, по-матерински внимательной женщине и особо отмечают её мелодичный завораживающий голос.

Имя Варвары Мирославовны Гриневиц должно занять достойное место в истории нашего города и края.

Галина Мартъянова

По материалам Госархива Ульяновской области и архива УлГПУ

Путешествие с Варварой Гриневиц

Небольшого размера, внешне ничем не примечательная записная книжка в чёрной обложке всё-таки чем-то привлекла моё внимание. На внутренней стороне верхней обложки – ярлык книжной и писчебумажной торговли некоего господина Дювуазен. Аккуратный мелкий почерк плотно заполнил две трети книжки. Отдельные имена, даты, обнаруженные в ней, помогли установить имя хозяйки – Варвары Мирославовны Гриневиц. Это подтверждали и безукоризненный французский, и несколько записей, напоминающих своим содержанием анализ урока.

Однако некая недосказанность, которая скрывалась за отрывочными записями и загадочными адресами без указания городов, продолжала манить к себе. Когда книжечка была перелистана и перечитана много раз, отрывочные и беспорядочные, на первый взгляд, записи начали свой рассказ...

21 мая 1906 года, в праздничное Троицыно воскресенье, 27-летняя симбирянка Варвара Гриневиц уезжала за границу. Путь был хорошо знаком – последнее такое путешествие она совершила три года назад. На станции, куда она добралась с извозчиком, было заплачено 21 руб. 70 коп. за билет 2-го класса от Симбирска до западной границы. В дальний путь Варвара Мирославовна отправлялась вдвоём с некоей В.Ф. (предположительно, Вера Фёдоровна Соловьёва, преподаватель Симбирской мужской гимназии). 23 мая попутчицы добрались до Москвы. Здесь им предстояло завизировать паспорта в австрийском консульстве и пересечь на скорый поезд до Варшавы. В Москве Варвара обзавелась путеводителем Бедекера, самым популярным в то время у любителей путешествий, и резиновой подушкой для большего комфорта в поездах.

25 мая в Варшаве симбирянки купили два «круговых» билета (туда и обратно – Л.И.), заплатив за них по 69 руб. 85 коп. Действие билета началось сразу от границы. Напомним, что Варшава до 1918 года была территорией Российской Империи.

Прибыв в столицу Австрии Вены, симбирянки остановились в двухместном (так экономнее) номере находящейся рядом с Северным вокзалом гостиницы «Nord-Bahnhof». На какие из многочисленных достопримечательностей Вены обратили внимание путешествующие дамы? Церковь капуцинов или синагога, галерея Бель-

ведер или галерея Эстергази, а может быть, дворец Габсбургов Хофбург?.. Чтобы вспоминать об австрийской столице в родном Симбирске, Варвара Гриневиц купила альбом с видами Вены. Там же обзавелась и новым чемоданом. А в Мюнхене девушка порадовала себя обновками – шляпкой, белой кофточкой, туфлями и чулками. Скоро к багажу добавились альбомы Мюнхена и Тироля. Впереди была столица Тироля – Инсбрук, последний перед Лозанной город, где им предстояла остановка в гостинице. Чтобы всё увеличивающийся в весе багаж не мешал перемещениям, его решено было отправить из Инсбрука сразу в Лозанну.

Расположившаяся на живописных холмах Женевского озера Лозанна издавна привлекала своей красотой многих путешественников, в том числе и знаменитых русских – Достоевского, Толстого, Чайковского...

С вокзала девушки отправились в пансион мадам Вагнер «Chalet Plaisance», что означает «Шале Удовольствие». Лозанна невелика, всю её можно при желании обойти пешком. Пребывание в этом городке, действительно, сплошное удовольствие – тенистые набережные, поросшие виноградниками холмы, уютные улицы со средневековыми замками и соборами.

Но Лозанна, это ещё и известный в Европе университетский центр. В центре города на рю дю Миди (улице Южной) находится основанная в 1839 году Школа Винэ. Эта высшая

школа для девочек – первое в кантоне образовательное учреждение, открывавшее путь к женскому образованию, в 1890 году получило имя своего основателя Александра Винэ. Сегодня, в начале XXI века, в Школе Винэ учатся более 250 девочек и мальчиков в возрасте от 10 до 19 лет, а её структура практически не изменилась со времени основания.

Заглянем и мы вместе с Варварой Мирославовной на урок немецкого языка в первом (самом старшем) классе Школы Винэ: *«Диктовка. Ученицы понимают плоховато, некоторые списывают у соседок. Диктовала очень медленно, не переводила, затем прочитала всё. Дисциплины мало. Повторение грамматики. (...) Одна отвечает, другие пишут, никто не слушает. Некоторые отвечают грамматику по-французски. Метод преподавания старый. Спрашивает почти всех понемногу и, по-видимому, ставит сейчас же каждой отметку у себя. Урок вялый, скучный».*

Несколько коротких записей, сделанных Варварой Гриневиц, свидетельствуют о том, что методы преподавания интересовали её не только в применении к иностранному языку. *«Присутствовали на уроке истории в VI кл. (девочки 11 лет). Повторение эпохи Ю. Цезаря и Окт. Августа. Учительница спрашивала по вопросам большинство учениц. Некоторые девочки отвечают бойко, рассказывают выразительно. Дисциплины меньше, чем в Германии, хотя учительница постоянно делает замечания».*

Посещение уроков, прогулки по городу, поездка вокруг озера, так прошли 16 дней в Лозанне.

Затем багаж отправлен в Париж, а сами путешественницы взяли курс на Женеву. Сегодня сложно сказать, как долго добирались девушки до французской столицы, но записная книжка хранит некоторые подробности этих дней. Например, остановка в Женеве обошлась Варваре Мирославовне в 25 франков и 20 сантимов. Эта сумма включала плату за проживание в пансионе, за услуги носильщика, а также за обед, состоявший из цыплёнка, пирожка и хлеба. Путь на северо-запад пролегал через города Бургундии Макон и Невер. В Макон поезд прибывал в ше-

стом часу утра, поэтому пришлось заплатить «служителю, который нас разбудил». Остановка в Невере обошлась в 2 франка и 20 сантимов «за кофей и справки».

Наконец, Париж. Здесь три года Варвара Гриневич изучала французский язык и литературу в знаменитой Сорбонне. Не случайно, парижские адреса Варвары Мирославовны – это, прежде всего, адреса в Латинском квартале, знаменитом своими узкими старинными улочками, кафе, книжными лавками.

В её записной книжке немало названий книг и фамилий их авторов. Это не только учебная литература, необходимая для работы, но и беллетристика – то, что сегодня мы называем художественной литературой – Мопассан, Золя, Франс. Судя по количеству названий и короткой заметке о языке и стиле Анатоля Франса, этот автор был особенно любим В.М. Гриневич.

Впрочем, летом 1906-го имена Золя и Франса были на устах не только у любителей чтения. Поводов тому было несколько. Во-первых, 29 июня в полдень в Париже, после 12-летней борьбы, кассационный суд вынес свой оправдательный вердикт по делу Дрейфуса, в котором Золя и Франс приняли самое деятельное участие. Во-вторых, в 1906 году Анатоля Франс, возглавлявший «Общество друзей русского народа», выступил против займа русскому правительству и заклинал французскую демократию не поддерживать больше деньгами «режим угнетений». Напомним, наши соотечественники отправились в путь в разгар первой русской революции 1905–1907 гг. Наконец, 1 июля 1906 года парижский муниципальный совет принял решение назвать одну из улиц Парижа улицей Эмиля Золя.

Одно из замечательных мест Латинского квартала – Люксембургский сад. Варвара Мирославовна со своей приятельницей не только прогулялись по его аллеям, но и зашли в Люксембургский музей, где их внимание привлекли скульптуры Шарля Дагона и Эжена Делакланш.

Любопытный факт, в Париже девушки открыли для себя шампунь. «Шамфун (порошок для волос) – 10 п.», – записала Варвара Мирославовна в свою книжку.

В автобиографии В.М. Гриневич указала, что в 1906 году она училась на курсах Берлица в Париже в течение двух месяцев. Однако записная книжка свидетельствует лишь о двух неделях, проведённых в Париже. Заплатив за комнату и пансион 76 франков, девушки взяли извозчика и отправились на Северный вокзал французской столицы.

Следующая остановка – Кёльн. Переночевав там одну ночь, путешественницы взяли курс на Майнц. Наверное, это была самая приятная часть маршрута, т.к. симбирянки пересели на пароход и спустились до Майнца по Рейну. Потом они доехали до Мюльхайма, чтобы оттуда отправиться в известный курортный городок Баденвейлер. Русская история этого курорта связана с последними днями А.П. Чехова, здесь писатель закончил свой земной путь.

После двух дней отдыха снова в дорогу. Короткая остановка во Франкфурте, а дальше целых три дня в Дрездене, знаменитом своими великолепными памятниками архитектуры и собраниями живописи.

Пять часов пути от Дрездена до Бреслау (Бреславля по-русски и Вроцлава по-польски) и опять небольшая остановка, чтобы, отклонившись от основного маршрута, съездить в Рейнерц, небольшой курорт в прусской Силезии.

От Бреслау до Катовице, от Катовице до Сосновице, от Сосновице (через Москву) до Нижнего Новгорода, совсем близко уже Симбирск ...

В родной город путешественницы возвращались пароходом. Здесь они уже могли позволить себе купить билет в каюту первого класса за 9 руб. 60 коп. И ещё много чего могли они себе позволить во время неспешной прогулки на пароходе – и пообедать как следует, и перекусить отбивной котлетой, и выпить чашечку кофе или кружку грушевого кваса...

По возвращении из Европы багаж Варвары Мирославовны Гриневич весил больше 30 кг. Были там и заграничные наряды, и подарки для любимой младшей сестры Мани, для мачехи Александры Петровны и её сестры Мани Цветковой, для племянницы Гали и для других многочисленных родственников. Не забыта была даже кухарка. Но основной груз, конечно, составляли книги.

Вот такую историю из жизни своей хозяйки рассказала старая записная книжка.

P.S. Те, кому довелось знать Варвару Мирославовну Гриневич, вспоминали о ней как о человеке достаточно закрытом и неразговорчивом. Но не следует забывать, что сдержанность всегда была неотъемлемой частью дворянского воспитания. Да и жить Варваре Мирославовне выпало в непростые времена, когда лишнее слово могло стоить человеку жизни.

Людмила Ивашкина

**Иллюстрации:
открытки с видами Германии**

«Ещё один эсминец. Сижку в этом скучном Ульяновске...»

...В конце 1920-х годов его лекции в будущем ВГИКе слушал Дмитрий Константинович Дудкин, член Союза кинематографистов СССР и член Союза писателей СССР, в начале 1970-х годов возглавлявший на автозаводе ульяновское литературное объединение «Горизонт», прошедший «школу ГУЛага» и лично знакомый с А.И. Солженицыным.

«Он нас всех перепыхал», – говорил о нём уже в 1990-е Дмитрий Константинович, имея в виду, вероятно, что читал им лектор нечто столь необычное, глубокое, культурное, что это никак не походило на общепринятые тогда якобы марксистские, «классово-пролетарские» грубые схемы и представления. Тогда, в 1920-е, молодой преподаватель весьма «несвоевременно» увлекался немецкой идеалистической диалектикой, Гегелем (исполняя философское завещание Ленина о продолжении дела его), а в области искусства – классикой, Высоким Возрождением... Дмитрий Дудкин был убеждён, что он не был тогда марксистом...

...В 1930-е годы его знаменитые лекции в не менее знаменитом ИФЛИ (Московском институте философии, литературы и истории), на которые, по воспоминаниям современников, съезжалась «вся Москва», слушал Иван Дмитриевич Хмарский, искусствовед, известный ульяновский преподаватель высшей школы, профессор, литератор, также оставивший полные уважения и удивления перед этим человеком воспоминания («Ульяновская правда», 30 июня 1990 года).

...В тридцатые же годы, по словам Нины Ивановны Никитиной, легендарного для Ульяновска библиографа и краеведа, молодёжь с интересом, вниманием и уважением читала журнал «Литературный критик», духовным лидером которого и «течения», с ним связанного, был опять же этот человек. На вечере памяти Н.И. Никитиной в 2006 году искусствовед Галина Савинова, увидев в газете рядом со статьёй о Нине Ивановне публикацию о фронтовых приключениях нашего героя, воскликнула: «О! Его книги были нашими настоль-

ными...» и, помнится, даже всплакнула о драматической судьбе поколения, прошедшего войну...

...Наконец, с 1974-го по 1983 год с ним переписывался Михаил Григорьевич Михайлов, живший в то время в нашем городе человек со сложной судьбой, фронтовик, журналист, публицист с горячим темпераментом общественника и склонностью к глубоким размышлениям. Их содержательная философская и в то же время житейская переписка со временем, скорее всего, станет достоянием общественности, а может быть, и событием в ульяновской культурной жизни и истории города...

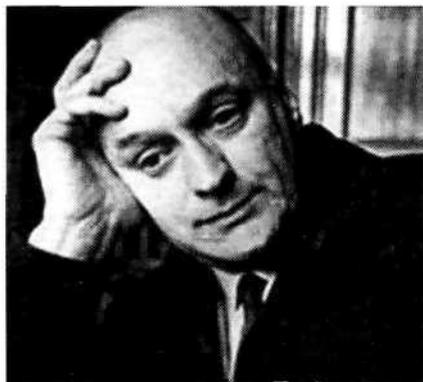
Кто же этот загадочный и удивительный человек?

...В издательстве «Российская политическая энциклопедия» в серии «Философия России второй половины XX века» вышла книга «Михаил Александрович Лифшиц». Она подготовлена научным центром «Архив М.А. Лифшица» и посвящена одному из самых загадочных, по признанию «Независимой газеты», мыслителей советской эпохи, действительному члену Академии художеств СССР Михаилу Александровичу Лифшицу (1905–1983).

«Авторы статей сборника рассматривают теоретическое наследие философа, в значительной своей части ещё не опубликованное, как новое слово в философии, как метод разрыва порочного круга времени, выхода из безвыходных обстоятельств», – говорится в аннотации. Рождение,

Почтовая карточка, отправленная М.А. Лифшицем из Ульяновска жене Л.Я. Рейнгардт. Тираж этой открытки, «Издания Худ. Фонда СССР» с рис. О. Нисского, составлял 250000 экземпляров.

Михаил Лифшиц

содержание и судьба достижений учёного освещаются и анализируются на широком историческом, общественном, идеологическом, научном фоне его эпохи. Многие статьи основаны на материалах из архива учёного и впервые знакомят с ними.

Сильное впечатление, судя по рецензии в «Литературной газете» («...читается как захватывающий роман»), производят документы, опубликованные в статье А.П. Ботвина (Ульяновск) «Анабазис: война в документах, воспоминаниях и суждениях философа», повествующие о военной эпопее 1941 года героя книги Михаила Лифшица. С первых дней войны он служил в Пинской (Днепровской) военной флотилии, осенью того же года ему пришлось выходить из Киевского окружения. Писатель чудом избежал смерти: однажды «был задержан немецкими кавалеристами и поставлен в яму для расстрела», в другой раз сам «приготовился сделать последние выстрелы из нагана». В конце концов, проследовав через Курск, Воронеж, Куйбышев, философ оказался в Ульяновске морозного января 1942 года (по некоторым сведениям, морозы доходили почти до 50 градусов!). В наш город были эвакуированы учреждения военно-морского ведомства. Здесь М.А. Лифшиц писал в органы ГПУ ВМФ «Объяснение» о своём пребывании «на территории, временно занятой противником», и «Дополнение» о встречах с немцами. Впервые эти важные и интереснейшие документы, подтверждающие пребывание философа в нашем городе, были частично опубликованы в «Ульяновской правде» к годовщине Победы четыре года назад.

Сохранилась также почтовая карточка, написанная и посланная М.А. Лифшицем в то же время из Ульяновска жене Лидии Яковлевне Рейнгардт в Чистополь, на Каму. Там находилась знаменитая теперь колония эвакуированных из Москвы писателей, и туда, как можно предположить из его «Разговора с чёртом», Лифшиц добирался из Казани самолётом той же морозной зимой 1942 года. После обращения текст карточки продолжается так: «Ещё один эсминец. Сiju в этом скучном Ульяновске. Долго ли продолжится это сидение, не знаю». На лицевой стороне открытки изображён огромный военный корабль. На карточке стоит почтовый штамп Ульяновска – 21.1.42, хотя написана она 18 января.

Вероятно, после фронтовых приключений и опасностей небольшой и тихий, хотя и забитый эвакуированными людьми и учреждениями Ульяновск не мог не быть для философа и военного скучным. Он сообщал: «На всякий случай вот мой адрес: Ульяновск, Энгельса, 19. Редакция журнала «Краснофлотец». Следует уточнить, что в газете Пинской (Днепровской) военной флотилии, носящей название «На боевой вахте», М.А. Лифшиц работал со 2 июля 1941 года «в качестве писателя (инструктора литератора)», а в окружении среди прочих своих документов ему пришлось уничтожить и членский билет Союза писателей СССР за подписью М. Горького. В дальнейшем, во время войны и военной службы до 1946 года в ГПУ ВМФ и в военных учебных заведениях в Ленинграде, а также после, он много писал для Советского информбюро и ВОКСа, в частности, о русской культуре, её писателях и художниках.

...В Москве, в университете Российской академии образования, состоялась презентация и обсуждение недавно вышедшего сборника, посвящённого философу. Статья об «Анабазисе...», среди прочего, была отмечена едва ли не как самая сильная (разумеется, благодаря документам, в ней опубликованным). На молодого розовощёкого студента, например, произвело особое впечатление то, что М.А. Лифшиц, встречавшийся со смертью, так сказать, глаза в глаза, в отличие от экзистенциалистов, не был заворожён ею. В ответ можно

было бы, наверное, только напомнить, как спокойно и мудро смотрел на смерть и мужественно встретил её Пушкин, любимейший поэт философа (по воспоминаниям дочери, при чтении его произведений Михаил Александрович всегда бывал взволнован до слёз). О «солнце русской поэзии» Лифшиц писал с особым, конгениальным пониманием и проникновением, многое впервые глубоко объяснив, сделав понятным в его жизни и искусстве. Итак, вспомним пушкинские строки:

*Во цвете лет свободы верный воин,
Перед собой кто смерти не видал,
Тот полного веселья не вкушал
И милых жён лобзаний не достоин.*

В смерти нет никакой тайны, считал философ «с улыбкой Джоконды» (и писал об этом в своём последнем письме М.Г. Михайлову в Ульяновск), люди больше боятся не смерти, а умирания: умирать, распаться на атомы – не приятно. А по мнению друга Лифшица писателя Андрея Платонова, Пушкин думал, что обыкновенной человеческой жизни должно хватить на всё, а кому не хватает – тому не хватит и вечности. Хотя, по видимому, непросто бывает найти такое дело жизни и выполнить его так, чтобы в нём, как в судьбе и искусстве Пушкина, по слову философа, «отражалась вся бесконечность», каждый нашёл себя, свою судьбу, «...и чью-то душу отпустила боль» (из стихов А. Твардовского, который был слушателем М.А. Лифшица в ИФЛИ в 1930-е, а за годы войны стал его близким другом).

...Книга, о которой идёт речь, вышла фактически к 105-летию со дня рождения М.А. Лифшица и по своему содержанию, в том числе философскому, несомненно, составит определённый этап, веху в освоении его богатого научного наследия, в изучении его жизни и творчества. Вслед за ней в Москве, в издательстве Grundrisse, только что вышла ещё одна интереснейшая книга – переписка М. Лифшица и его друга, всемирно известного венгерского философа-марксиста Д. Лукача, за сорок лет (1931–1970). Готовятся и другие публикации.

Александр Иванов

* Восхождение (греч.)

Фото Геннадия Краснощёрова

Школьники-пятиклассники писали анонимно сочинение на заданную тему: «Ты идёшь по тротуару, а там – мокрый, грязный котёнок. Как ты поступишь, увидев его?»
 Вечером, у себя дома, вчитываясь в листочки, старенькая учительница пила валерьянку. 11–12-летние откровенничали.

«Я бы пиннул его и посмотрел, как он летит футболом...»

«Я бы привязал котёнка к хвосту собаки. Однажды умирал от смеха: собака хотела схватить котёнка зубами, а хвост с котёнком убежал...»

«Если он такой грязный, я бы бросил его в лужу – пусть моется!..»

«Я бы сунул его в сумку какой-нибудь бабке...»

Детство золотое?

Заметки обеспокоенного

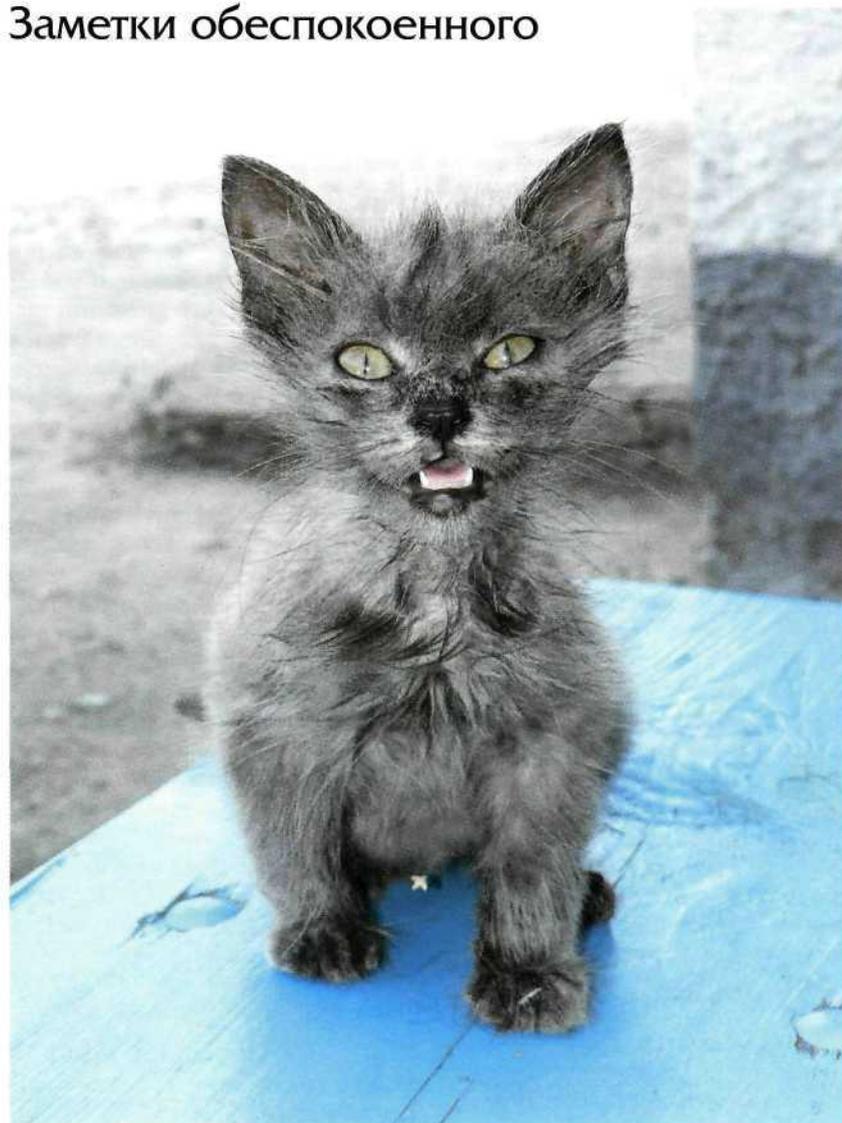

Фото Владимира Никитина

Только на девяти листочках из тридцати двух было сочувствие котёнку, и лишь на одном – желание взять несчастного с собой, домой.

«Боже! Как они жестоки! Но почему?» – жаловалась потом своим коллегам учительница...

Что сегодня самое страшное? Мне кажется, это замутнение чистых детских душ, что неизбежно ведёт к массовому появлению духовных уродов. Уже сейчас иные из подростков способны – с ангельской улыбкой на устах – покалечить и даже убить человека. А что будет завтра?

...Беседую с женщиной, которая взяла на воспитание из детского дома троих мальчиков. У неё есть и свои, уже взрослые, талантливые сын и дочь. Спрашиваю: «Довольны ли вы своими новыми детьми?». «Да, они у меня человечные. Ничего не сделают во вред людям, – на минуту умолкает и добавляет с тревогой в голосе, – но я не знаю, что дальше с ними будет. Время-то нынче какое...».

Да, время... Переоценка нравственных ценностей. И взрослый порой пасует, когда привычное для него белое вдруг объявляют чёрным. А тут – дети: с чистыми помыслами, с сердцами нараспашку, но – слабые, жизнью не закалённые. Им-то как выстоять перед лукавыми соблазнами, перед наступающим на них морем лжи?..

Ложь, более всего растлевающая душу ребёнка, чаще всего рядится в броские, цветистые одежки, как та иноземная жевательная резинка, которая ныне заменяет многим детям и лакомство, и игрушку. Кстати, о жвачке. Что это, как не натуральный обман? Вместо живого, естественно-го продукта питания, развивающего у ребёнка вкус и обоняние, суют несмышлёнышу резинку, сдобренную чем-то пахучим, вредным для его неокрепшего организма.

Так, с жевательной резинки, крохотное существо начинают приучать к суррогатам. Со временем это существо уже не будет удивляться, что ест не натуральное, качественно приготовленное мясо, а начинённую неизвестно чем колбасу; что смотрит по «телеку» не возвышающий душу и греющий сердце фильм с великолепными актёрами, показывающими миру образцы человечности, а суррогатную псевдожизнь. Оно, это существо, уже не будет переживать, что никогда не видело творений великих мастеров-живописцев – у него под рукой псевдоискусство в виде пошлых журналов в глянцево-обложках, на которых разлеглись в бесстыдной наготе «дивы» с наглыми глазами. Оно, это существо, не прочтёт ни одной книги Льва Толстого, Достоевского, Чехова, Тургенева, Лескова, Драйзера, Фолкнера, Гюго, Руссо, Монтеня, Экзюпери, Бредбери и других величайших мыслителей мира. Проживёт сто лет, но так и не узнает чуда большой человеческой любви, которую так мощно воспели Данте, Пушкин, Байрон, Лермонтов... Зачем любовь, когда есть секс, этот суррогат любви?..

Как кухня заполняется чадом от выплеснувшейся на горячую плиту суповой накипи, так нашу страну окутывает дух стяжательства и торгашества. И в этой затхлой атмосфере – дети. Многих из них сызмальства учат считать-пересчитывать потными ручонками денежные купюры, изначально настраивают на путь лёгкой наживы. А что потом? Потом... Если все нынешние дети станут, когда вырастут, торгашами, то останутся ли в нашей стране бескорыстные пахари, пекари, музыканты, художники, физики, космонавты?

Тяга к богатству у многих непомерная. Бедных третируют, издевательски вопрошая: «Если ты умный, то почему бедный?» А вот моя мама, никогда не знавшая богатства (хотя проработала в колхозе больше полвека), часто говаривала: «Бедность не порок. Бедный да честный. Лучше голодным спать, чем что-то украсть. Бедность и щедрость рядом идут, богатство и злоба вместе живут». Она любила меткие русские поговорки. И я запомнил их...

Копая на школьном дворе, где у меня цветник-дендрарий, ямы под саженцы каштана. Мимо идут знакомые ребята-девятниклассники. «Не поможет?» – спрашиваю их. «А сколько заплатите?» – интересуются они.

Так редок сегодня бесплатный труд... В пренебрежении к труду растут очень и очень многие из нынешнего молодого поколения. Мне жаль таких. Ибо в труде формируется подлинная человеческая личность. Свободный, раскрепощённый труд на благо людей возвышает человека, будит в нём инициативу, мастерство, вдохновение.

Но мне жаль и тех детей, которым, «светит» только труд ради пропитания. Вспоминаю тринадцатилетнего Диму, сына тереньгульского фермера. Как-то ему живётся? Родился и вырос в Москве. С родителями переселился в глухомань. Летом кипел в работе. Помогал отцу в поле. А что зимой? Мне и сейчас видится его погрустневшее лицо, когда он вдруг сказал: «Сейчас-то, летом, хорошо... А вот зимой... У нас даже электричества нет...».

Но, может, Диме повезёт вот в чём: долгими зимними вечерами, когда и ему, и его родителям делать будет нечего, станут они... беседовать друг с другом. В городских условиях, когда в свободное от работы время родители заняты телевизором или компьютером, такие неспешные беседы с детьми очень редки. А ребёнку так хочется общения! Бежит из школы скорее домой. Хочется ему поделиться с папой или мамой какой-то радостной для него вестью или высказать какую-то обиду, которую пережил. Но не внемлют ему уткнувшиеся в телящик родители. Вторая, третья, пятая попытка такого рода

и... ребёнок отстаёт, внутренне «уходит» от матери или отца, или сразу от обоих.

Но ведь можно, если сильно захотеть, превозмочь одолевшую тебя усталость, забыть на время всё плохое, что преподнесла тебе в этот день жизнь, сесть рядом с сыном или дочерью и поговорить, а ещё лучше – обнять, приласкать. Или не полениться в выходной день встать с постели пораньше, приготовить вкусный завтрак, разбудить ребёнка, накормить его и выйти с ним в сквер, парк или на берег реки и показать восход солнца. В такой момент поищите в памяти (и обязательно найдёте!) что-то такое из своего детства, что сейчас, по прошествии многих лет, кажется сказочным. Введите в сказку своего ребёнка, и эта страничка вашей жизни станет частичкой и его жизни...

Даже в самые грустные, отягощённые чем-то печальным дни полезно устраивать своим детям праздники. Пусть это будет праздник любимого домашнего кота, которому исполнилось два года; или обычное воскресенье, которое можно назвать «днём роскошно сервированного стола», когда кто-то из членов семьи готовит своё коронное блюдо...

Такие семьи, где часты праздники (без винопития, с душевной настроенностью друг к другу) особенно прочны. И дети в них, как правило, благополучные. Эти праздники, которыми одаряют их родители, остаются в памяти надолго, если не навсегда. Нет в жизни человека ничего нужнее и полезнее, утверждал Фёдор Михайлович Достоевский, чем вынесенное из детства светлое и тёплое воспоминание: такое воспоминание, когда человек помнит окружающий мир и людей в минуты любви и согласия, помнит себя, полного добрых и ясных сил; такое воспоминание уже неистребимо в душе; в самые тяжкие минуты, в минуты нравственных колебаний именно оно способно противостоять напору разрушительных для человеческой души сил; именно оно является залогом того, что в любой ситуации человек способен встрепенуться, осознать себя сызнова человеком, способным на доброту, самоотречение, на гордое противостояние бесчеловечному.

Давайте поворочим свою совесть: много ли такого светлого, тёплого передали мы своим детям или внукам?..

Прочёл книгу о замечательном художнике-самоучке Иване Егоровиче Селиванове. Он заботился о нравственном здоровье молодого поколения. В начале 1980-х годов он записал такие вещи слова: «Я приравниваю жизнь человечества в свой век к одному из самых неприятных явлений. Но не потому, что мне не нравятся её внешние проявления, а потому, что я вижу, как растление надвигается со всех сторон на молодёжь, гибнет нравственность, пропадает духовность. И нравственная сущность современности предстаёт передо мной в образе огромной извивающейся гадюки».

А мы? Все ли мы видим эту огромную ядовитую гадюку? А если видим, то встаём ли на её пути?..

В обстановке, когда, кажется, всё против детей, многие возлагают надежды на школу – дескать, там сделают из детей настоящих людей. Однако...

«Он жизнью наказан: заставлен был в школу ходить...» Как много правды в этих шуточных песенных словах! Множество мальчишек и девчонок считают для себя наказанием ходить в школу, заниматься там чем-то нелюбимым. Да ещё после школы, дома, опять делать уроки.

Общественность давно бьёт тревогу: школьное образование перестало быть источником духовного наслаждения и всё больше превращается в барьер, который необходимо преодолеть. Всё современное школьное образование, за редкими исключениями, направлено на то, чтобы ребёнок был удобен. В школах последовательно, шаг за шагом, стремятся усыпить, подавить, истребить всё то, что является волей и свободой ребёнка, проявлением его духа. Когда-то, около четырёх десятилетий назад, известный во всём мире болгарский педагог Г. Данилов с болью говорил, что он не знает явления более загадочного, более эмоционального, более драматического, чем то, как детство, исполненное разнообразных возможностей,

чувствительное к красоте, восприимчивое к добру, превращается в скучную, однообразную, самодовольную и расчётливую зрелость.

Уничтожение индивидуальности, устранение творческого начала, «убийство Моцарта» в каждом из нас продолжается. Сегодняшнее школьное образование однобоко. В нынешнем учебном процессе царит «индивидуальная сдельщина». Неудача товарища ребёнка «не колышет», важнее – утвердиться самому; чужой успех – твоя неудача. Современный школьник почти всегда одиночка, человек-остров. Это положение одиночки – один из главных механизмов современной, уже давно не коллективистской школы. Оно растит в десятках миллионов детей жёсткого, а зачастую и жестокого индивидуалиста, который отвечает только за себя. Сейчас, чтобы слыть хорошим учеником, совсем не надо быть хорошим человеком, – незачем помогать товарищам, родным, участвовать в общественно полезных делах...

Три главных области есть у человека: семья, работа, общественная жизнь. И три главные роли: семьянин, работник, гражданин. Но школа не растит ни гражданина, ни работника, ни семьянина. Она мало заботится о том, чтобы привить своим подопечным нравственные начала.

Что же делать? Оказывается, есть много «рецептов» гуманного, духовного, нравственного и гражданского школьного воспитания. Вот что советовали замечательные русские мыслители.

Михаил Васильевич Ломоносов (1711–1765) писал: «При обучении школьников паче всего наблюдать должно, чтобы разного рода понятиями не отягощать и не приводить их в замешательство».

Иван Иванович Бецкий (1704–1795), общественный деятель и педагог: «Приводить детей к учению подобно, как в приятное и украшенное цветами поле. Тернии, в оном находящиеся, раздражают природу, особливо сначала; а сие происходит естественно от неразумения воспитателей. Чтобы дети с веселием исполняли свою должность, надлежит стараться всемерно вперить (внушить – Г.К.) в них любовь к учению

так, что оно награждением себе почитали. Сие единое способствует к большому просвещению их разума. Неумеренное ученье вредно здоровью. Не должно тревожиться, видя умы не скоро зреющие, а желать надобно, чтобы дети имели только здоровый разум и доброе сердце, о чём паче всего прилагать должно старание с самого их младенчества, так же и о том, чтобы они были и крепкого сложения».

Он же – о физических занятиях школьников: «...надлежит молодых людей понуждать к частым телодвижениям и разным забавам на вольном воздухе. Назначенное к гулянью время полезно препровождать в беганье, долговременном и трудном на солнце и на дожде, в прыганье, в танцах, в игре с мячами, кеглями, в битве на рапирах, в верховой езде и прочем тому подобном; всё сие, однако ж, делать по степеням, а не вдруг и не чрез силу. Такие на вольном воздухе движенья, где телесная сила действует, от природы свойственны человеку, который чрез то становится проворнее и сильнее».

И таким же – всесторонним – видел воспитание детей Николай Иванович Новиков (1744–1818), просветитель, журналист, писатель: «Воспитывай детей своих счастливыми и полезными гражданами... Первое правило есть сие: не погашайте любопытство детей ваших или питомцев... Второе правило есть сие: упражняйте детей ваших или воспитанников в употреблении чувств; научайте их чувствовать справедливо... Третье: остерегайтесь подавать детям ложные или не довольно точные определённые понятия о какой-нибудь вещи, сколько бы ни была она маловажна. Гораздо лучше не знать им совсем многих вещей, нежели несправедливо оные себе представлять; гораздо лучше вам совсем отречься от ответственности им на некоторые их вопросы, нежели давать двусмысленный и недостаточный ответ... Четвёртое правило, тесную связь с предыдущим имеющееся, есть сие: не учите детей ничему такому, чего они по возрасту своему или недостатку других предполагаемых при том познаний разуместь не могут...».

Содержание целого педагогического труда в этих вот стихотворных строках поэта – ливанца Халила Гибрала:

*Твои дети – не твои дети.
Они порождены зовом,
который жизнь
обращает к самой себе.
Они приходят в мир благодаря тебе,
но не ты их приводишь.
И хотя они с тобой,
они тебе не принадлежат.
Ты можешь предложить им
свою любовь, но не свои мысли,
потому что мысли у них собственные.
Ты можешь дать приют их телам,
но не их душам,
потому что их души
обитают в доме вчерашнего дня,
который ты не можешь посетить
даже в мечтах.
Ты можешь попытаться быть,
как они,
но не пытайся сделать их такими,
как ты,
потому что жизнь
не возвращается назад
и не останавливается
на дне вчерашнем.*

А вот – высказывания известных советских педагогов.

А.С. Макаренко: «Ребёнок – рентгеновский снимок семьи... Что важнее: почерк первоклассника или его интеллект?.. Хороший учитель – это настоящее счастье для всех его учеников на фоне того общего несчастья, которое представляет собой современная школа... Плохой учитель страшнее стихийного бедствия... Единственное, что он умеет, – это сеять отвращение или безразличие там, где могли бы расти цветы... Одно из самых вредных в школе явлений – это, на мой взгляд, балльная система оценки знаний... Ставить «отлично» ребёнку, который в первом классе хорошо пишет, и «неуд» другому, который едва держит в руке карандаш, – это значит ставить оценку нервной системе детей...»

В.А. Сухомлинский: «Вслушиваясь, вдумываясь в речь детей, и у меня постепенно крепнет убеждение, что мы, учителя, не учим ребёнка мыслить... Отметки могут поощрять только зависть и комплекс неполноценности... Отмена отметок в начальной школе кажется рискованным шагом, а многие вообще не могут себе это представить. Но я уверен в одном: если этот шаг будет сделан, неприязнь детей к школе значительно уменьшится...».

Один из вариантов новой школы предложил более чем четверть века назад профессор, доктор физико-математических наук М. Постников: «Не надо изучать в школе «предметы» как таковые. Одного часа в неделю достаточно, чтобы дать детям представление о любой школьной «науке». Позволить хотя бы одним глазком взглянуть на её увлекательнейшие пейзажи, возбудить желание к дальнейшим, более детальным экскурсиям. Рассказы о науках должны быть поставлены так, чтобы ученик захотел сам узнать больше в свободное время. Открываются неограниченные возможности для факультативных курсов во второй половине дня... Итак, иметь общее представление о науках, плюс настоящая грамотность и умение общаться с компьютером, знание языка программирования – вот цели одного из четырёх, полностью равноправных циклов овладения школьниками знаний и навыков, то есть то, что называется грамотностью. И ещё три цикла: этика, эстетика, здоровье (физкультура)... Пресловутых домашних заданий быть не должно. Если каждый день посвящать один урок предмету каждого цикла, то никакой нужды в домашних занятиях не будет. Субботу следует отдать физкультуре, быть может, в сочетании с познавательными экскурсиями и туристическими походами. Несправедливо загружать детей обычной работой шесть дней в неделю... После учёбы в такой новой школе в течение 8-9 лет (больше не нужно) общество получит полноценный «продукт» – гармонично развитую личность... В последний год в рамках этического (или, лучше сказать, социального) цикла особое внимание должно быть уделено вопросам профориентации, чтобы 15-летний выпускник школы мог сознательно выбрать будущую профессию».

Таковы рекомендации уважаемого профессора. Но и сегодня школа даже на маленький шаг не продвинулась по указанному им, очень верному, на мой взгляд, пути...

Печальный, более того, трагический факт нашей сегодняшней жизни: повальное пьянство, в которое уже втянуты – массово – и дети. Как-то услышал такую фразу: «Он – слабый,

потому – жестокий». Да, физически слабый человек (а сегодняшние дети и подростки в массе своей такие) постоянно чувствует себя ущемлённым. Принятое им спиртное будит в нём «льва». У таких «львов», сбившихся в стаю, в какой-то момент возникает желание властвовать, силой подавлять других. Не жди от них милости, если ты в чём-то им поперечишь, – забьют до смерти.

...На школьном стадионе трое подростков с «охапкой» бутылок с пивом. Распив половину запаса, пробуют подтянуться на турнике. Но и один, и второй, и третий, повисев на руках секунды две, плюхаются на землю... Вечером видел их в продовольственном магазине – брали всё то же пиво. Сзади них, в очереди к кассе, два безучастных милиционера – пиво ведь не считается у нас алкогольным напитком, хотя давно бы пора бить тревогу по поводу массового пивного алкоголизма...

И снова о школьных учителях. У меня не иссякла надежда, что именно они начнут, наконец-то, всегражданский поход за счастливое, не замутнённое пошлостью детство. Такие учителя есть. Талантливый ульяновский журналист Владимир Коршунов рассказал в телесюжете о единственном в Ульяновской области учителе, который преподаёт в начальных классах (все остальные на этой должности – женщины). Воспитанники этого уникала отзываются о нём с восторгом: он и добрый, и умный, и смелый...

22 года назад я с семьёй переехал в Ульяновск, и после первого же школьного дня моя старшая дочь-пятиклассница возбуждённо рассказывала: «Папа, мама, знаете: нам учитель математики рассказывал на уроке сказки. Представляете?» Дочь потом с отличием окончила физико-математический факультет Ульяновского государственного педагогического университета. Второй дочери повезло на учителя-биолога. Поступила на экологический факультет другого университета и тоже успешно окончила его, подготовила кандидатскую диссертацию.

Вот они какие, сказочные учителя! Побольше бы таких!

Геннадий Краснощёков

Ключ к познанию жизни

15 октября в рамках проведения II «Арских» чтений 2010 года в Ульяновской областной библиотеке для детей и юношества имени С.Т. Аксакова состоялся региональный межведомственный форум «Чтение – ресурс духовности». Протоиерей Николай Архангельский, председатель отдела религиозного образования Симбирской и Мелекесской епархии, обратился к собравшимся: «Катастрофическое падение нравственности в российском обществе не может не вызывать серьёзную озабоченность. С каждым днём навязчивость и агрессия зла возрастает, и неокрепшие детские души растлеваются с самого юного возраста. Задача неравнодушных граждан нашего отечества – противодействовать этому губительному процессу».

Фотографии Сергея Ойкина

Чтение в истории развития человечества всегда играло важную роль. А чтение детей – это вообще ключ к познанию жизни. Огромное влияние оказывает чтение и на духовное становление личности.

Известный социолог культуры и чтения С.Н. Плотников обобщил данные исследователей о типичных отличиях читателей и нечитателей. Оказывается, читатели отличаются от нечитателей уровнем развития интеллекта. Читатели способны схватывать целое, быстрее находить правильные решения, имеют больший объём памяти и активное творческое воображение, лучше владеют речью. Они точнее формулируют, свободнее пишут, легче вступают в контакты и приятны в общении. Чтение формирует качества наиболее духовно зрелого, просвещённого, культурного и социально ценного человека.

Детское чтение – чрезвычайно важный феномен, который определяет уровень культуры общества.

В рамках международной программы оценки учащихся (ПИЗА) оцениваются знания, необходимые для полноценного участия в жизни общества. По результатам рейтинга Россия разместилась на 37 месте из 40 стран участников международной программы. По мнению специалистов, неграмотность является одной из главных причин безработицы, аварий, несчастных случаев и травм. В век информатизации, высоких технологий и сложной социальной жизни цена малограмотности и неумения читать слишком высока.

Эпоха развития глобальных информационных телекоммуникаций изменила характер чтения детей и мотивацию. Специалисты заговорили о возрастающем уровне дислексии (комплексное нарушение чтения

и письменной речи у детей). Снижение качественных показателей чтения требует срочных мер и больших усилий по устранению этой проблемы. Требуется консолидация сил разных специалистов, которые на региональном уровне ведут научную, учебную и практическую работу в сфере чтения.

Ульяновская областная библиотека для детей и юношества провела конференцию «Чтение как феномен: социальный, культурный, духовный аспекты» и круглый стол «Взаимодействие различных региональных информационных каналов и источников в целях развития чтения и читателя». В работе конференции приняли участие представители власти, СМИ, образования, культуры, общественных объединений. Единодушно отмечалось, что духовно-нравственное развитие детей возможно на основе в высшей степени высокохудожественной и нравственной детской литературы – отечественной и зарубежной. Для этого необходимо обратить внимание на дальнейшее улучшение комплектования библиотек детской литературой. Областным библиотекам было поручено разработать стратегию продвижения чтения в регионе. В принятой резолюции собрание обратилось к Департаменту массовых коммуникаций рассмотреть стратегию позиционирования чтения в электронных и печатных СМИ Ульяновской области. Известный Нобелевский лауреат, чилийский поэт Габриэлла Мистраль сказала: «Многое из того, что нам необходимо, может подождать, но не ребёнок. Сейчас то время, когда формируется его тело и развивается дух. Ему нельзя сказать: «Жди до завтра». Его зовут – сегодня».

Ольга Слепова

Назовём главные источники информации, которыми пользуется современный человек: интернет, телевидение, радио и книга. Научно доказано, что первые два источника, хоть и самые популярные, не способны развивать творческие наклонности человека. Куда как «полезнее» радио. Старшее поколение выросло на прекрасных радиоспектаклях и «живых» книгах, озвученных гениальными артистами. Слушатель проводного радио дорисовывал в своём воображении декорации, облик героев и, таким образом, становился сотворцом действия.

Ещё более значительное влияние на творческое воображение человека имеет книга. Она превращает читателя то в режиссёра, то в актёра, то в художника, будит собственную мысль и расширяет скрытые возможности интеллекта.

Но как, в какой таинственный момент рождается страсть человека к чтению? Как хрупкая бабочка появляется в проёме окна и исчезает, так, возможно, и этот миг улетучивается бесследно, если за него не ухватиться. Вот бы вовремя открыть ребёнку окно в этот волшебный и богатый мир!

Хорошо помню, как книга поселилась в моём сердце. Взрослые смотрели по телевизору фильм «Гадюка», поставленный по Алексею Толстому, а нас, детей, выгнали из комнаты, так как после названия фильма шли титры: «Детям до 16 лет смотреть не рекомендуется». А посмотреть очень хотелось.

На следующий день я полезла в шкаф, где стояли книги «для взрослых». Лазить туда детям до 16 лет тоже «не рекомендовалось» — у нас был свой шкаф с книгами, но Майн Рид, Жюль Верн, Станюкович и Грин меня почему-то не волновали. Раздирало любопытство, и я взяла «Гадюку», потом другой рассказ и — всё собрание сочинений Алексея Толстого. Читала тайком. Возможно, в моём случае не последнюю роль сыграл «запретный плод».

Приведу ещё один пример читательского «прозрения». Когда-то, по приезду в Ульяновск, я преподавала литературу в школе. А недавно случай свёл меня с бывшим учеником, который напомнил мне занимательную историю. Был конец четверти, у

Вкус книги

Вряд ли кто-то будет оспаривать наиважнейшую роль книги в интеллектуальном развитии личности. Даже тот, кто не любит читать, скорее, посетует, что в своё время не пристрастился к книге, чем будет утверждать, что это занятие ничего не даёт.

Алексея и его друга-одноклассника по литературе выходила «тройка» за четверть, и они стали просить меня о «четвёрке». Мы тогда проходили Салтыкова-Щедрина, и я предложила им инсценировать отрывок из сказки «Как один мужик двух генералов прокормил». Друзья начали репетировать «двух генералов». Самой трудной оказалась сцена, когда один из них «откусил у своего товарища орден и немедленно проглотил». Очень хотелось сыграть натурально! Купили шоколадную плитку, размячили и слепили «орден», но съели его нечаянно, чересчур вдохновившись. Купили вторую плитку, потом третью... Отрепетировали, начали «Московские ведомости» рисовать. Вечером пришёл с работы Лёшин папа и «Ведомости» раскритиковал, пришлось

снова трудиться, уже всей семьёй: «писать под старину».

Всего этого я не знала, но сам урок вспомнила: класс хохотал до слёз. Ребята получили «пятёрки» и были очень горды, а Лёша вскоре после этого потянулся за книгами. «Так и читаю запоем, особенно классику, — признался он через четверть века. — Наверное, поэтому и в бизнесе преуспеваю».

Я понимала, что моей заслуги в этом преображении нет, — всё произошло случайно, но вывод для себя сделала. Вот, оказывается, какое значение имеет со-творчество. Подростку, важно самому творить, и тогда он почувствует и оценит вкус настоящей книги.

Очень часто у читающих родителей растут нечитающие дети, а опытным учителям не удаётся увлечь учеников, и всё же от желания взрослых многое зависит, особенно, когда ребёнок делает первые шаги к книге.

У моего сына в первом классе по русскому языку и литературе была молоденькая учительница. Она очень серьёзно относилась к внеклассному чтению и строго спрашивала с первоклашек «читательский дневник». Работа эта была систематической, и дети не решались отлынивать, поэтому сынишка сам напоминал мне о той или иной книге, которую нужно было срочно найти и прочитать. Он с удовольствием разрисовывал этот дневник и гордился, когда там появлялась очередная «пятёрка». К сожалению, в следующем учебном году класс передали «более опытной учительнице», а «читательский дневник» с тех пор был заброшен.

Мне очень хотелось, чтобы мои дети читали, и я установила дома правило: в 21.00 начиналось чтение по кругу. Каждый читал вслух определённый отрывок из книги, которую мы вместе выбирали для семейного чтения. Это было сладкое время. Усаживались на кровати, дети прижимались ко мне, и мы по очереди читали... Сыну 10 лет, дочери — 20. Она уже бегала на свиданья, но ровно в девять вечера замок начинал скрежетать от нервных поворотов ключа, и с порога доносился звонкий девичий голосок: «Без меня не начинайте!» Вот тогда мы и поняли, что слаще книги может быть только новая книга.

Ольга Шейпак

Кирилл Разлогов

В рамках кинофестиваля имени Валентины Леонтьевой прошёл «круглый стол» с известным киноведом и телеведущим канала «Культура» Кириллом Разловым «Доброта и жестокость в современном кинематографе». Предваряя обсуждение, мэтр искусства кино сделал любопытный экскурс в теорию вопроса.

Виктор Каменев

Оправдание зла

На его взгляд, в нестабильном обществе, например, теократическом, власти боятся дестабилизации, и ограничивают свободу творчества, поэтому рамки дозволенного в искусстве очень узкие. Стабильное же общество может позволить себе в искусстве почти всё. Было приятно услышать, что таким образом Разлогов относит Россию к стабильным обществам, ведь у нас художники слова и кинокамеры давно уже позволяют себе это «почти всё», что подтверждают взрывы негодования в общественном мнении, ставшие рядовой приметой дня.

В качестве примера широкого взгляда на искусство, московский киновед привёл великую культуру Древнего Рима, но странную свою теорию к Риму не применил. А ведь Рим был стабильной империей, пока не разрешил себе погрузиться в безумные оргии и не стал любоваться кровью гладиаторов, их жестоким искусством. Не увидел связи, наверное. На этот счёт он привёл другую новейшую теорию: относительности всего в культуре. Сегодня каждый художник имеет право на свой неповторимый взгляд на всё что угодно, причём все они равны. Поэтому, отчего погиб Рим – сказать принципиально невозможно.

После такого жизнеутверждающего вступительного слова присутствовавшие подключились к обсуждению соотношения доброты и жестокости на киноэкране в их, так сказать, единстве и противоположности. Выступавших было много, и, что замечательно, все они – в соответствии с новейшей искусствоведческой теорией – были правы в предпочтении доброты или насилия на экране. А неправой ока-

залась возмущённая «вседозволенностью» в киноискусстве общественность.

Впрочем, большинство выступавших говорило всё-таки о том, что в современном кино очень мало добра и, наоборот, много насилия и просто чёрной краски. Кирилл Разлогов комментировал в том смысле, что ничего поделать с этим невозможно – этого требует «прилипший к кино- и телеэкрану зритель». Привёл и другой неотразимый аргумент – зло есть в жизни, это правда жизни. Мы хотим правды? Здесь возможен, конечно, только один ответ. К тому же художник, показывающий зло во всей его красе, хочет ведь этим что-то сказать. Хотя бы обращает на него внимание. Как, например, в сериале «Школа», который Разлову нравится. Действительно, этот телесериал обращает на себя внимание, но вся соль в том, как он это делает.

Об этом давно всё сказано, но, видимо, хорошо забыто. Забыт даже А.С. Грибоедов, который в своей бессмертной комедии пишет: «...и свет разил он наповал, чтоб свет о нём хоть что-нибудь сказал».

Вот настоящая причина появления на свет божий многих скандально известных произведений искусства: чтоб получить популярность в свете, которая затем ведь как-нибудь отольётся и в звонкой монете.

Вот причина, по которой Гай Германика сразила «наповал» весь мир школы, слегка прикрывшись поисками «правды жизни». Об этом проговаривается, по Фрейду, даже её фамилия-псевдоним. Обдала грязью погуще школу – несомненную ценность для общества. Оно, как и человек, не может на это

отреагировать – и желаемый эффект достигнут, «свет заговорил». Однако, хотя отдельных кусочков правды в «Школе» много, по форме всё как бы правильно, «правдиво», «по сути это – издевательство», – афористично сказал когда-то об этом явлении В.И. Ленин.

В школе случаются, конечно, вопиющие вещи, даже преступления, но это ведь далеко не вся правда о школе. В школе много, много больше другого, – того, что противостоит подростковому злу, но это авторам телесериала «Школа» не интересно. И здесь начинается уже «издевательство», большая ложь, то есть такое искажение правды, которое меняет до неузнаваемости реальную картину жизни. И вызывает, конечно, возмущение у тех, кто её знает, особенно у педагогов.

Вообще, сериал «Школа» – всего лишь очередная банальная провокация от искусства, которых сегодня много, родилось даже целое направление – провокативное. Кстати, В.И. Ленин называл подобные вещи ещё и «архискверными» провокациями, потому что они не лишены таланта. И мы каждый раз «покупаемся» на эти провокации, начинаем их обсуждать, искать некие «сверхзадачи». И забываем простые истины, что, например, «дурной пример заразителен», – напомнил Борис Скляр, художник и профессор УлГУ.

Мы предпочитаем искать чёрную кошку в тёмной комнате – это ведь так интересно! Видим в этом некую гражданскую позицию. Вместо того чтобы подарить авторам «тёмных комнат» известный канделябр на память, и предать наказанию молчанием. Когда вас оскорбляют, игра в благородство,

политкорректность – чрезмерная глупость, говорили в Древнем Риме. Раз мы этого стараемся «не видеть», значит, мы глубоко больны.

Есть, конечно, и другие взгляды на искусство кино, вот что говорит, например, «киномушкетёр» М. Боярский: «Плохая книга, как и плохой фильм, действуют на человека так же, как газовая камера. Зачем ты снимал этот фильм, писал эту книгу?» Вот, думается, правильная постановка вопроса о киноискусстве, вместо относительного: «Доброта и жестокость...», которым мы невольно ставим на одну доску добро и зло, и этим, по сути, уравниваем их в правах, и оправдываем зло...

Как? Говорят, например, что убийств, и много, есть и в пьесах Шекспира. И опускают, что у Шекспира они совсем не главное – это всего лишь жестокое лицо эпохи, на фоне которого гений решает вечные нравственные проблемы. Однако, если оставаться на формальной точке зрения, относительной, то можно и халтуру Германики сравнить с Шекспиром, и на «круглом столе» договорились ведь и до этого, сравнивали вполне серьёзно. А наш киновед молчал.

Да, речь идёт об ответственности свободного художника перед обществом за плоды ума его. Ибо без ответственности нет свободного художника. Вместо него родится произвол художника по отношению к искусству, что выражается в его творениях. И это было бы ещё полбеда – его личная беда, но он ведь выходит с ними к обществу. В уверенности, что имеет право оскорблять общество, потому что он художник и якобы что-то ищет.

В общем, всё по М. Задорнову: смотришь телевизор, кино – жить не хочется, выйдешь на свет божий, осмотришься – вроде жизнь продолжается. Чтобы не портить себе настроение, невзначай не отравиться – смотрите меньше телевизор и кино, советует Задорнов. Как он прав!

...Мы всё больше теряем культурный иммунитет, перестаём различать добро и зло, теряем вкус, и пьём яд как лекарство. И становимся на путь Древнего Рима. Не потому ли, что нас ведут слепые поводыри, с очками относительности на носу?

Виктор Каменев

Из истории зданий Симбирской духовной семинарии

В самом центре нашего города на улице Гончарова в доме № 30 располагается кафе с «типично симбирским названием». Ульяновцы частенько заглядывают в него, но лишь немногие из них знают, что именно на этом месте почти восемьдесят лет располагалась Симбирская духовная семинария.

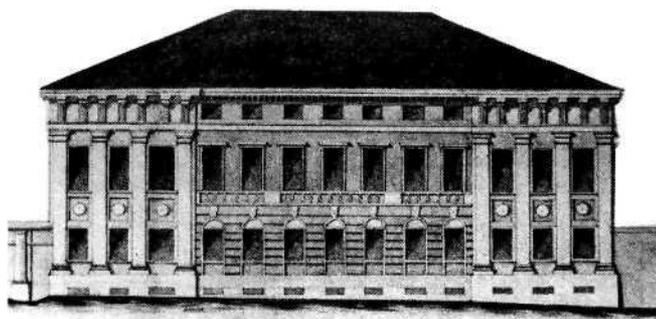
Фото А.Ф. Горбунова

Главный фасад здания Симбирской духовной семинарии. 1913 год

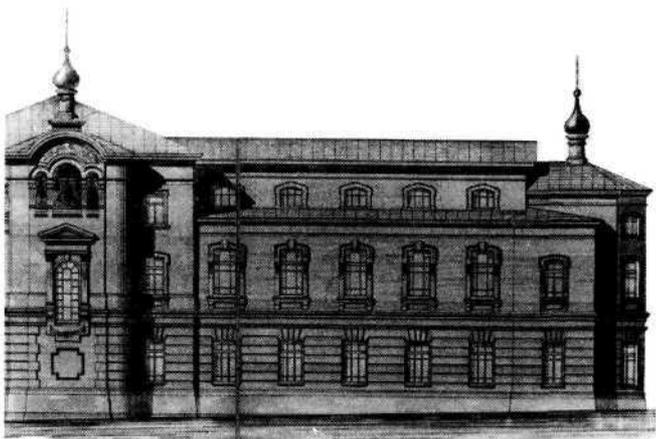
Весь период своего существования с 1840 года и до своего официального закрытия в 1918 году она размещалась в центре города, правда, тогда улица называлась Большой Саратовской. Старые здания (габариты и архитектурный облик которых неоднократно менялись при перестройках) в основе своей остались теми же. Из этих самых окон выглядывали когда-то семинаристы, отвлекающиеся на бурную городскую жизнь. В этих самых стенах преподавали архимандрит Гавриил, археограф К.И. Невоструев, учились великий архидиакон К.В. Розов, художники Д.И. Архангельский и А.А. Пластов, основатель частной картинной галереи И.Е. Цветков, писатель М.Л. Премиров, академик М.С. Малиновский и многие-многие другие выдающиеся люди и государственные деятели.

По заказу нашей редакции к 170-летию со дня открытия Симбирской духовной семинарии краевед Алексей Сытин, опираясь на труды своих уважаемых коллег М.Д. Рябушкина и Ю.Д. Ефимова провёл своё исследование истории зданий этого церковного учреждения и выяснил, что на осуществление смелых и грандиозных проектов по возведению нового помещения семинарии симбирским духовным деятелям не хватило денег.

Здание Симбирской духовной семинарии в период до пожара 1864 года. Фиксационный чертёж 1850-х годов

Сразу после образования Симбирской епархии первый её глава, архиепископ Анатолий приступил к поиску помещений, подходящих для новых церковных учреждений, в том числе и для Духовной семинарии. Удобных зданий в Симбирске ему найти не удалось – владельцы больших домов не захотели их продавать – поэтому он поручил губернскому архитектору И.Н. Лизогубу разработать проекты на постройку новых зданий. В том же году Иван Николаевич подготовил чертежи и сметы на возведение трёх каменных двухэтажных корпусов на территории Покровского монастыря, а также новой каменной ограды вокруг обители, взамен прежней, ветхой и убогой. Одновременно он предложил выкупить и снести всю частную застройку по улице Сызранской (ныне ул. 12 Сентября) до улицы Покровской (ныне ул. Л. Толстого). Реализация этого предложения в том же 1832 году привела к появлению рядом с Покровским монастырём новой городской площади, позднее получившей название Николаевской. Теперь её занимают насаждения так называемого Колочего садика. Площадь эта понадобилась архитектору Лизогубу для того, чтобы на её восточной стороне эффектно разместить спроектированное им громадное здание Духовной семинарии с квартирами для преподавателей и общежитием для семина-

Один из фасадов нового здания Симбирской семинарии. Нереализованный проект архитектора Морозова. 1904 год

ристов. Несмотря на высокую оценку этих проектов как в Симбирске, так и в Петербурге, у них был один весьма существенный недостаток – на их реализацию требовались огромные средства. Суммами, необходимыми для воплощения этих замыслов в жизнь, не располагал даже сам Синод, и дело о постройке в Симбирске новых зданий для главных епархиальных учреждений застопорилось на длительный период.

В 1838 году архиепископ Анатолий случайно узнал, что в центре Симбирска на улице Большой Саратовской продаётся усадьба купцов Косолаповых с несколькими большими каменными постройками. Доверенные Анатолия сразу вступили в переговоры с владельцами усадьбы и вскоре достигли предварительной договорённости о её продаже Духовному ведомству по предельно низкой цене. От семьи владельцев переговоры вёл купец В.В. Косолапов, за спиной которого стояла его мать, известная всему Симбирску богатая купеческая вдова Дарья Михайловна Косолапова. Она половину жизни потратила на то, чтобы пробиться в «высшее симбирское общество», для чего одну из своих дочерей выдала за разорённого помещика Краевского (хоть какой, а дворянин!), а сама сумела внедриться в аристократическое Общество христианского милосердия, членом правления которого была со времени его открытия в 1817 году. Дарье Михайловне очень нравилась известность, но в деле о продаже усадьбы на Большой Саратовской улице, опасаясь за свою репутацию, она предпочла спрятаться за спину своего взрослого сына Василия, который был не настолько тщеславен, чтобы из-за всякой ерунды отказаться от выгодной сделки. Именно со слов Василия Косолапова, подтверждённых некими «присяжными ценщиками», Анатолий известил высшие инстанции, что «...представился благоприятный случай к покупке для Симбирской семинарии каменного двухэтажного дома с таковыми же при нём флигелем и разными постройками на дворе. Дом сей совершенно прочен, благоустроен и приспособлен к училищным потребностям...». Кстати, сами Косолаповы называли свой дом четырёхэтажным, так как кроме двух основных этажей у него был цокольный этаж (глубокий подвал со сводами) и низенький антресольный полуэтаж под самой крышей. К февралю 1840 года было закончено оформление всех юридических документов, и усадьба Косолаповых стала собственностью Духовного ведомства. Сразу после этого архиепископ Анатолий направил в Синод доклад, в котором говорилось, что здания семинарии, вопреки первоначальному о них отзыву, оказались настолько ветхими, что часть их вообще не подлежит исправлению, а на ремонт главного дома потребуется немало времени и почти столько же денежных средств, сколько ушло на приобретение всей усадьбы. Местные специалисты отметили, что быстрое ветшание простоявших около 50 лет каменных косолаповских построек произошло потому, что они все изначально были выстроены «совершенно неправильно», т.е. без соблюдения строительных норм и правил, да к тому же из «худо выделанного кирпича при самой дурной кладке», вследствие чего во всех помещениях постоянно держалась сырость.

Настолько резкий поворот, при котором совершенно прочные постройки в одночасье превратились в совершенно ветхие, озадачил членов Святейшего синода.

У них сразу возникло немало резонных вопросов. Почему архиерей так безоглядно доверился продавцу и неизвестным «присяжным ценощикам»? Почему его не насторожило желание Косолаповых побыстрее избавиться от принадлежавшей им усадьбы по самой низкой цене? Почему Анатолий, игнорируя установленные законом правила, не пригласил для освидетельствования покупаемых построек настоящих специалистов, которые состоят на государственной службе, а следовательно, несут ответственность за результаты своих экспертиз? Но самым неприятным был вопрос, почему чиновники, служившие в Синоде, с таким философским спокойствием взирали в течение двух лет на глупости и беззакония, творившиеся в Симбирске? Все понимали, что скандальное происшествие не может остаться без последствий, но и официального расследования никто не хотел. Помог, как всегда, случай. К радости архиепископа Анатолия и удовольствию членов Синода дело вскоре разрешилось без их участия, причём сразу и самым благоприятным для всех образом. Если верить слухам, распространившимся тогда в Симбирске (местные дворяне передавали их друг другу как последний столичный анекдот), произошло следующее. Обер-прокурор Синода в своём очередном докладе императору был вынужден упомянуть и о симбирском «казусе». Известный своей строгостью Николай Павлович отреагировал на эту информацию в необычной для него и совершенно неожиданной для всех форме – он только улыбнулся и произнёс загадочную фразу: «Теперь за Симбирскую епархию я совершенно спокоен!»

Так или иначе, но в начале августа 1840 года из Казани в Симбирск прибыл назначенный ректором новой семинарии архимандрит Гавриил, который вместе с первыми преподавателями этого учебного заведения приступил к отбору будущих семинаристов. 2 сентября 1840 года Симбирская духовная семинария была торжественно открыта в наспех отремонтированных «косолаповских» домах. По окончании первого учебного года смогли, наконец, приступить к ремонту семинарских построек. Сначала пришлось снести ветхие каменные флигеля и часть хозяйственных строений во дворе. На их фундаментах возвели новые кирпичные здания, отделка которых из-за нехватки средств растянулась на 2–3 года. В 1843–1845 годах (по другим данным – 1845–1847), проводился сложный и дорогостоящий ремонт главного дома, называвшегося теперь главным семинарским корпусом. Интересно, что при этом остался без изменений прежний, ещё «косолаповский» декор его главного фасада – тот самый декор, который, судя по сохранившимся документам, существенно не менялся со времени постройки здания в конце XVIII века и аж до пожара 1864 года. Все ремонтно-строительные работы в этот период велись по проектам временно работавших в Симбирске военных инженеров – капитанов Гофмейстера и Розендорфа. Общее наблюдение за строительными работами осуществлял симбирский губернский архитектор А.А. Белоусов. В 1853–1854 годах один из флигелей во дворе семинарии был переделан в домовую семинарскую церковь, освящённую во имя Петра, митрополита Московского.

Во время грандиозного симбирского пожара в августе 1864 года все семинарские постройки были полностью или частично уничтожены огнём. От каменных сооруже-

ний остались только обгоревшие стены. Через два года бывшим губернским архитектором Белоусовым (тогда уже немощным стариком) был разработан первый проект восстановления семинарского комплекса. Однако в 1868 году был утверждён другой проект специалиста Департамента водных сообщений архитектора-художника К. Лазарева. Согласно ему предполагалось сооружение новых больших пристроев и возведение третьего этажа над главным корпусом и стоявшим рядом флигелем. Реализацию этого проекта в 1869 году начал известный в Симбирске строительный подрядчик, владелец местного чугуно-литейного завода, купец и потомственный гражданин В.И. Андреев. Благодаря ему во всех семинарских постройках появились прочные чугунные лестницы. Часть из них сохранилась до наших дней. Под руководством симбирского губернского инженера П.А. Колодко основные работы по восстановлению и перестройке семинарских зданий были завершены к ноябрю 1870 года. Одной из первых была восстановлена домовая семинарская церковь, освящённая 8 ноября 1870 года во имя Трёх Святителей. В дальнейшем ремонтные и строительные работы на территории семинарского усадебного комплекса проводились каждые три-четыре года. В них принимали участие известные симбирские архитекторы В. Брюхатов, М. Алякринский и другие специалисты. Наконец, в 1894–1896 годах по проекту М. Махчинского и В. Ивановского все трёхэтажные корпуса семинарии были соединены в один огромный корпус, который приобрёл вид, незначительно отличающийся от современного.

С конца XIX столетия в Симбирск для осмотра построек местной семинарии неоднократно приезжал по заданию Синода архитектор Морозов. Перед ним стояла задача выяснить, нельзя ли ещё каким-то образом увеличить площадь помещений этого учебного заведения. Однако Морозов пришёл к выводу, что никакие дополнительные пристрои не могли исправить одного из наиболее существенных недостатков семинарского комплекса – его размещение на одной из самых оживлённых торговых улиц города – Большой Саратовской. Стоило семинаристам приоткрыть любое окно или форточку, и симбирская жизнь буквально врывается в здание. Слова преподавателей философии и богословия смешивались с грохотом повозок, виртуозной руганью легковых и ломовых извозчиков, воплями обворованных или просто обрызганных грязью прохожих, спорами покупателей с продавцами, весёлым женским смехом и тому подобным. Все понимали, что выходом из этой ситуации может быть только перевод семинарии в любое другое здание, расположенное подальше от городского центра. Морозов нашёл на тихой улице Мартыновой (ныне ул. Радищева) большой свободный участок, на котором должно было появиться спроектированное им удобное во всех отношениях и интересное по архитектурному облику новое здание Симбирской духовной семинарии. Но денег на реализацию этого проекта у местного епархиального начальства сначала не хватало, а потом началась первая мировая война, и появилось столько новых проблем, что о многом из прежней жизни пришлось забыть.

Алексей Сытин

Иллюстрации из коллекции автора

Автор ярких рассказов Михаил Премиров

В областной Книге памяти жертв политических репрессий упомянуты отец и сын Премировы. Михаил Львович Премиров, уроженец Саратовской области, житель Ульяновска, и его сын Лев Михайлович, 1912 года рождения, житель Ульяновска, студент Московского художественного техникума – оба были обвинены в «помощи международной буржуазии, направленной на свержение социалистического строя» и осуждены.

Михаил Премиров родился 21 июня 1878 года по старому стилю, в селе Ахматово Ардатовского уезда Симбирской губернии. Отцом его был священник Лев Иванович Премиров, мать – дочь священника Александра Михайловна, урождённая Троицкая. Дед, псаломщик, получил фамилию Премиров в духовном училище. Фамилия прадеда – Страхов. Отец умер, когда мальчику было четыре года. Семья, в которой было ещё четыре девочки, оказалась в тяжёлой нужде. Однако жили дружно, много читали, сочиняли рассказы и устраивали литературные конкурсы. Сёстры учились в Симбирском епархиальном училище.

В 1890–1899 гг. Михаил Премиров проживал в Симбирске, учился на казённый кошт в духовном училище, затем в духовной семинарии, которую окончил по первому разряду.

После окончания семинарии начинающий писатель служил псаломщиком в церкви села Елаур Сенгилеевского уезда, затем учительствовал в двухклассной церковно-приходской школе в селе Петропавловском Самарского уезда. В августе 1901 года он прерывает учёбу из-за участия в студенческих волнениях и увлечения литературным творчеством. Поселившись в Саратове, где жила его сестра, становится корреспондентом волжских и столичных газет и журналов.

В «Приволжском крае» публикует рассказы и ведёт судебную хронику. В «Саратовском дневнике» появляются его политические фельетоны, зарисовки из жизни крестьянства, росте социальных бунтов и протестов в его среде. Симбирский библиограф Н.Н. Столов в своей справке составил список, включающий двадцать пять изданий, в которых публиковался Михаил Премиров. В 1906–1914 гг. писатель жил попеременно в Петербурге, Юрьеве, Казани и Симбирске.

В 1909 году в Петербурге вышла его первая книга «Немые дали», посвящённая жизни городских низов. В 1917-м в Москве увидела свет новая книга писателя – «Кабак», объединившая рассказы из жизни сельских священников, отличавшиеся трогательностью образов, сочным, ярким языком, пасторальностью. Есть в ней и рассказы с мрачным колоритом.

Викентий Вересаев в письме к автору отметил: «рассказы из духовного быта яркие, талантливо и искренни. Если бы все такие...» Иван Бунин оставил отзыв: «Кабак» Премирова. Несомненно талант». Положительно отзывался о творчестве Премирова Иван Шмелёв. В 1914–1925 годах наш земляк, завершивший образование в Казанском университете, жил в Орске, служил преподавателем в реальном училище и женской гимназии. В 1923-м году в журнале «Сибирские огни» писатель опубликовал драму «Всадник на вороном коне» и роман «Счастливый остров», в которых обрисовал падение нравов в России, голод, рост преступности и безбожия. Критики обвинили Премирова в «сплошной андреевщине».

В 1925–1935 годах Михаил Премиров проживал в Ульяновске, проработав год в школе второй ступени, вышел на пенсию по состоянию здоровья.

За десять лет он создал многочисленные произведения разных жанров, не принятые к публикации. В их числе драмы «Пол», «Преступление доктора Черепанова», «Церковь святого дьявола», роман «Злая крепость».

В 1928 году Премиров направил в издательство «Земля и фабрика» фантастическую повесть «Женщина с утренней звезды» и получил характерную отповедь: «...как литературное произведение – социально-

Симбирских Епархиальных Ведомости

15-го Апрелья № 8. 1899 года.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

ИЗЪ ДѢТСТВА.

Рассказъ.

Я еще далеко не старикъ, но, несмотря на это, всегда съ большимъ удовольствіемъ и искреннимъ чувствомъ остаиваюся на воспоминаніяхъ моего ранняго дѣтства. Сколько тамъ было свѣжести, теплоты и святой, чистой любви!

В 1899 году в «Симбирских епархиальных ведомостях» было впервые опубликовано литературное произведение Михаила Премирова под псевдонимом А.М. – рассказ «Из детства».

безграмотно... Как фантастика заслуживает некоторого интереса жизнь венериан, их научные достижения и т.п. Кстати, не довольно ли писать о монахах и попах. Старо...».

На протяжении нескольких десятилетий М.Л. Премиров был участником литературных проектов, собраний, акций. Например, ему было предложено стать соавтором сборника произведений писателей симбирян «Отзвуки», в котором наряду со Скитальцем, Ал. Толстым, Н. Гладковым, должны были принять участие М. Ананьев, Безродный, Изгнанник. Писатель прислал «Красный Яр» и малые рассказы.

В октябре 1934-го М. Премиров опубликовал в ульяновской газете «Пролетарский путь» едкую сагиру на развал дисциплины в местных колхозах.

Обвинить его после этого в «очернении» колхозного строя не стоило труда.

Герои небольшого рассказа – юные селькоры Алёшка, Ваня Кандауров, Сенька Паншин и Феклуша Диких – решили выпустить критический номер стенгазеты «За ударную работу». У них получилась раёшник – рифмованные прибаутки, актуальные и в наши дни:

*А, ну-ка, колхозник, кругом
Себя глянь:*

Кое-где не вывелась

в колхозе дрянь.

Есть у нас лжеударники.

Слов нагородят с горы,

А как до дела дойдут –

На работу едва ли пойдут.

Почему партсовещание хромает?

Кто за эту работу отвечает?

Наши культурники

тоже отстали.

Во время уборки

книжки читать перестали.

В стане на всякий лад слышен

Отборный мат.

Клуб на запоре, читальня тоже.

На что это похоже...

Судьба отца и сына Премировых после ареста остаётся неизвестной. Обширное наследие писателя ждёт своего исследователя и публикатора.

Сергей Петров

Из детства

Рассказ

Рисунок Льва Нейштега

Я ещё далеко не старик, но, несмотря на это, всегда с большим удовольствием и искренним чувством останавливаюсь на воспоминаниях моего раннего детства. Сколько там было свежести, теплоты и святой, чистой любви!

И когда я погружаюсь в эти отрадные воспоминания о моём детстве, всегда из далёкого прошлого выступает в моей памяти образ нашего приходского священника, ещё нестарого, с добрым, чрезвычайно симпатичным лицом и глазами, устремлёнными на меня (из-за очков) с любовью и лаской.

Уже после, когда я стал сознательно относиться к жизни, т.е. когда я вырос и развился, я понял, как я любил его, любившего меня и всех вообще детей.

Мне почему-то с особенной яркостью вспоминается одна всенощная на страстной неделе в четверг. Я любил эту службу и всегда охотно посещал её, причём мне чрезвычайно нравилось стоять с горящей свечой в руках и слушать Евангелие, а потом тушить свечу и опять зажигать.

Я стоял обыкновенно в алтаре, в уголке, и наблюдал за действиями служащего священника. Церковь у нас была маленькая, деревянная и старинная: голые, потемневшие стены, тусклый со старыми образами иконостас, представлявший мне в то далёкое время верхом роскоши и блеска.

С нетерпением дожидался я звона церковного колокола, призывавшего народ православный к любимой мною службе. Ещё задолго до её начала одевался я в новую рубашечку, спрашивал у матери пяточок на свечу и сидел где-нибудь в тёмном углу в религиозно-торжественном настроении. А там, за тонкой перегородкой, собирались богомольцы (мать моя была просвирней и обитала в церковном доме) и тихонько калякали, ожидая, как и я, звона ко всенощной.

Но вот в тишине вечера раздавался первый удар большого праздничного колокола, казавшийся мне таким мощным, густым, – раздавался удар, и я проворно крестился три раза, торопливо одевался и бежал к близко стоявшей от дома церкви. Забравшись в уголок алтаря, я стоял, и слушал, и смотрел, что делает священник.

Живо представляю я и теперь этого человека; вижу его крохотное, спокойное, обрамлённое тёмными волосами и небольшой такого же цвета бородой, лицо; вижу его неторопливые, истовые движения; слышу тихий, но ясный и приятный голос, с таким чувством и проникновенностью произносивший святые слова Евангелия.

В алтаре полумрак. Стоишь и смотришь на трепетно озаряемую восковыми свечами икону Спасителя за престолом, и кажется, будто Он так нежно, с такою любовью глядит на меня, и сердце наполняется каким-то неясным чувством благоговения и детски-сыновней любви ко Христу. Я часто сравнивал эту икону с лицом нашего батюшки и находил между ними значительное сходство: такие же волнистые тёмные волосы, такая же короткая, чуть-чуть раздвоенная бородка и та же печать чистой любви на лице. Только очки портят дело, и я постоянно негодовал на этот прибор и удивлялся, зачем батюшка носит его.

Я особенно любил слушать пение тропаря «Егда славный», и хотя певцы наши, во главе с псаломщиком-стариком, не отличались приятными голосами и большим искусством, однако эта песнь, исполняемая ими, слушалась мною с большим удовольствием и искренним чувством.

Но вот дождался я и чтения евангелий. Пора и свечу зажечь. Я подхожу к недалеко от меня висящей лампадке и зажигаю свою пятячную, из белого воска, с узкой золотой полоской, свечу. Слышно, как шевелится в церкви народ; проходит минута, и в алтарь сквозь открытые царские двери проникает яркая полоса света от сотни зажжённых свечей, — проникает и ложится на престол, на фигуру священника, склонённого над Евангелием и читающего святыя слова. Широкая полоса света не разгоняет совсем около стен и в углах царящего в алтаре сумрака, который ещё усиливается от равномерно разлитого в воздухе кадильного дыма, и в этом таинственном полусвете тихо колеблется окаймлённое радужным кругом пламя свечки в руках священника. Я смотрю на эту яркую точку, смотрю не мигая до тех пор, пока наконец вижу только её, а всё окружающее покрывается в моих глазах полнейшим мраком; мне это нравится, и, стараясь не мигать, я смотрю и слушаю Евангелие.

В храме тихо; лишь звучит мягкий голос священника, негромко, но ясно и благоговейно-любовно произносящего прощальную речь Иисуса, полную нежно-отеческой любви к ученикам: «Чадца, ещё с вами мало есмь: взыщите Мене...».

Многого не понимаю я в словах Евангелия, но внимательно слушаю чтение и своей детски-незлобливой, ещё чистой душой чую заключающуюся в этих божественных словах всю полноту святой бесконечной любви. И моё маленькое сердце размягчается, и мне так отрадно и хочется плакать...

В промежутки между чтениями Евангелия полумрак в алтаре становится гуще; его усиливают клубы кадильного дыма, и мне нравится эта мягко освещённая обстановка святого места, нравятся благоговейно-спокойные действия священника, его тихая, неслышная походка. Я смотрю на него и люблю и слушаю пение священников песней.

На клиросе набралось порядочное число певцов-любителей, но над всеми разнообразными голосами их возвышается высокий приятный тенор церковного старосты. Он очень любит духовное пение, часто становится на клирос, и его ещё молодой светлый голос согласно сливается с слабым и старым, дребезжащим голосом псаломщика. Теперь староста особенно в ударе: с чувством поёт он умилительные песни церковные, и разливается, и плачет его голос...

«Какой у него хороший голос, — думаю я: — если б у меня был такой...»

Обладание таким голосом кажется мне высшим счастьем.

«И добрый какой он, продолжаю я думать: — как угощает, когда приходишь к нему, а на Рождество и на Пасху деньги дарит. Наверное, и теперь на Пасху подарит что-нибудь. Прошлый год какое красивое яичко подарил он мне: сахарное, со стёклышком; поглядишь туда, — ангел стоит в белых прозрачных облаках. Мама говорит, что они сделаны из ваты... А на Рождество двугривенный подарил новенький, блестящий; он и теперь у меня хранится... Да! Он добрый, и батюшка добрый; он ещё добрей старосты, потому что он священник... Книжки мне даёт читать... А какая это хорошая книжка «Горячие уголья»; мне очень понравилась, и я всегда так буду делать, как в этой книжке рассказывается: «платить за зло добром; добро жжет обидчика, как горячие уголья»...

И я думаю, и забывшись, не зажигаю своей свечки, а яркая волна света врывается в алтарь и прерывает течение дум моих. Я торопливо зажигаю свечу и, прислонившись спиной к табуретке, на которой положено верхнее платье священника, стою и слушаю евангельское повествование.

«Тогда убо Пилат поят Иисуса, и би Его. И воины, сплетше венец от терния, возложиша Ему на главу, и в ризу багряну облекоша Его, и глаголаху: радуйся, царю иудейский! И бияху Его по ланитомам...» — читает священник.

Слушаю я, устремив глаза на ярко освещённый теперь лик Спасителя, и представляется мне поляна в лесу, где я часто играл в летние дни, — цветущая, благоухающая, вся заросшая кустами шиповника, озаренная мягким розовым светом скрывающегося за

деревьями солнца. И здесь, под развесистым дубом, который я так люблю, стоит Христос, страдающий, измученный, окружённый врагами, с терновым венцом на главе. И мне так жаль Его и так хочется разогнать, уничтожить эту толпу злых мучителей, окружающих Его, смеющихся над ним, злорадствующих...

Я смотрю на кротко-страдающее лицо Спасителя, и вдруг узнаю в Нём нашего батюшку. «Да, это он! Как это я не узнал его раньше?.. И как смеют они мучить его?.. Да, и одежда его — коричневая новая ряса, и венки из шиповника на голове, надетый злодеями... За что они мучают его?»...

А кругом так спокойно, так мирно догорает летний вечер; трещат кузнечики, тихо шелестят листья осины...

Грубый смех святотатственно заглушает тихие звуки засыпающей природы и раздаётся звонкий звук пощёчины.

Я дрожу от негодования и жалости; с замирающим сердцем смотрю я на оскорблённого батюшку, опустившего на грудь свою голову, украшенную колючими цветами и каплями крови, как цветами.

Снова поднимается рука мучителя на его склонённую голову...

Я не выдерживаю; вся кровь зажигается во мне; стремительно, с диким криком и плачем, бросаюсь я в толпу воинов, бью, толкаю, топчу, падаю сам, на меня наступают, топчут...

— Встань, ты спас меня; они ушли... Пойдём отсюда! — звучит надо мной чей-то ласковый голос, и нежная рука поднимает меня и куда-то ведёт.

Я прихожу в себя и вижу батюшку в той же одежде, в том же багровом венке из колючих цветов и с каплями крови на бледном лице.

— Батюшка, они ушли? — спрашиваю я.

— Ушли, милый, — говорит он, — но они опять придут и опять будут мучить меня, потому что так надо... Да ты не плачь, — утешает меня батюшка, заметив, как дрожит мой подбородок, и глаза наполняются слезами: — ты не плачь, ведь это так надо...

Нежно-любовно звучит его тихий голос, глаза успокаивающе смотрят на меня, и рука чуть слышно гладит мою голову.

Мы уже прошли цветущую поляну и вступили на узкую тропинку

в самую чашу леса. Здесь гораздо темнее; свет уже готового скрыться за горизонтом солнца не проникает сквозь плотную стену стволов, и только узкий просвет ещё яркого неба несколько освещает нам путь.

– Батюшка! Куда мы идём?.. Батюшка! Не ходи страдать, не ходи к ним, – они убьют тебя; не ходи, не страдай!.. – умоляю я его и с тоской смотрю ему в глаза.

– Нельзя, милый! Мне нужно пострадать... Ведь ты ещё не понимаешь: ты ещё дитя. Вот вырастешь, будешь большим, тогда всё поймёшь, – поймёшь, что мне необходимо пострадать за людей, пострадать за тебя, за всех, умереть одному, чтоб не умерли все.

Моё сердце сжимается от жалости, от сознания своего бессилия, и слёзы обильно, но тихо, без спазм льются на землю.

– Батюшка, – тоскливо умоляю я, – батюшка!..

А кругом тишина; чёрная ночь, безмолвная, тайная и страшная, своей загадочностью уже наполнила лес.

– Батюшка, не ходи! Не страдай!..

А нежная рука тихо водит по моим волосам, и чуть слышный страдальческий вздох раздаётся в молчаливом воздухе и замирает бесследно...

Опять тишина, и мнится, будто навеки уснула, умерла природа, возмущённая злом человека...

Мне страшно смотреть и ничего не видеть в этой мёртвой тьме леса, и я закрываю глаза и, вздрагивая всем телом, прижимаюсь к ногам батюшки.

– Батюшка, не ходи! – в отчаянье и ужасе восклицаю я. – Мне страшно; не ходи к этим злым фарисеям!

Он останавливается, обнимает меня и ласкает свободной рукой.

– Ну, чего ты боишься, мой маленький-маленький? – с невыразимой нежностью говорит он. Чего ты боишься? а? Ведь я с тобой, дитя! Я – Христос, тот Христос, что так любил детей маленьких, таких же, как ты... Я, сам Христос, с тобою!..

Мне вдруг делается так легко, спокойно и сладко-приятно: я уже не боюсь, с доверием и детски-безграничной любовью я прижимаюсь к Нему и целую ласкающую руку.

– Лёля, Лёля! Вставай! Ах как ты заспался; вставай; вставай, уж и

всенощная кончилась! – звучит надо мной ласково-укоризненный голос, и чья-то рука мягко тормозит меня, треплет.

Я вздрагиваю, полуоткрываю глаза и в кротком полусвете вижу склонённого надо мной батюшку в той же коричневой рясе, но на челе его уже нет колоczego венка из цветов.

– Проснулся; ну вот и хорошо; пойдём-ка, давно уж пора.

– Не ходи, батюшка! Они убьют, убьют тебя; не ходи к ним!.. – молю я и плачу тихо, беззвучно.

– Что ты, Лёля? Христос с тобою! Или сон какой видел? А? ну проснись! Видишь – мы в церкви: нужно идти домой; служба уж кончилась, – говорит батюшка и тихо приподнимает меня и ставит на ноги.

Я смотрю и не могу понять, что со мною. В алтаре сумрак. Одинокая свеча горит на аналое, тускло освещающая тёмные стены его.

«Где я? Как я здесь очутился? Ведь в лесу был сейчас, и со мной был Христос... Христос», – думаю я и осматриваюсь: на ковре под ногами лежит обгорелая потухшая свеча, за спиной табуретка с верхней одеждой священника.

«Да ведь я спал, – мелькнуло у меня в голове, – прислонился к табуретке и заснул; да, да! И сон видел... Так это был сон, только сон...»

– Ну что, опомнился, а? – спрашивает меня батюшка. – Вот как ты заспался! Устал, видно, и заснул; да, устал? Ах ты, мой мальчик!.. Ну, пойдём теперь домой; мама давно уж, чай, ждёт тебя. Пойдём; давно пора.

Я молча одеваюсь и выхожу вместе с батюшкой из церкви.

– Не упади, теперь скользко; дай руку, – говорит батюшка.

Мне не хочется говорить. Я ещё не совсем освободился от грёз, ещё не опомнился совершенно после странного сна. А на душе легко.

Звёздное небо тихо раскинулось над спящей землёю; в воздухе освежительно-прохладно, и святая весенняя ночь наполнена воспоминаниями великих и страшных событий.

«Не сон ли это ещё? – думается мне; – ведь так же я шёл куда-то с батюшкой, так же держал он мою руку и так же время от времени задумчиво и нежно водил по моим волосам свободной рукой».

– А долго я спал? – спрашиваю я с целью убедиться, реально ли я живу сейчас, или ещё сплю, и сон продолжается.

– Да, видно, порядочно-таки поспал. Я увидел, что ты спишь уже перед пятым чтением Евангелия. И свечечка твоя лежит на полу, а сам ты совсем сполз на пол и спал сидя. Устал, видно, ты? А? устал, Лёля?

– Нет, батюшка, я и не заметил, как заснул; всё слушал, слушал, да и заснул вдруг. А сон какой я видел, батюшка! Будто тебя били фарисеи, надели венок из шиповника, и будто ты – Христос. А мне жаль тебя стало, я заступился за тебя, а потом мы куда-то пошли с тобой лесом по дорожке, а уже ночь, темно... Страшно как мне было. Я всё просил тебя не ходить к ним страдать, а ты говорил, что это нужно.

Батюшка слушает меня и тихо ласкает и улыбается.

– Так ты и видел, будто я Христос? – спрашивает он.

– Да, да! Потом ты сам сказал, что ты Христос...

Батюшка задумчиво молчит.

Но вот я уж и дома. Мама встречает нас и осведомляется, где я так долго пропадал. Батюшка объясняет маме, в чём дело, и, поцеловав меня и благословивши, уходит домой.

Мне уже приготовлена постелька. Быстро раздевшись, я бросаюсь в неё, и мне приятно лежать близ мамы и думать про сон, и хочется снова увидеть Христа.

Теперь я уже не тот, что был в детстве. Жизнь – борьба своей грязью и тьмою заглушила во мне то светлое, чистое и святое, что только присуще детскому возрасту, и чего нет уже в нас, взрослых, больших людях. Нет уже во мне той чистоты мысли, хотя ещё и неразвитой, той бескорыстной, нежной любви неиспорченного детского сердца, которую так высоко ценил Христос, когда говорил: если не обратитесь и не будете как дети, не войдёте в царство небесное (Мф. 18, 3).

И горько становится на сердце от сознания того, что ты испорченный человек, – горько и жаль своего детства, своей непорочности и любви...

Братья! Будемте, как дети!

Михаил Премиров

Н.Н. Железная ведёт экскурсию в музее Трудовой Славы
Димитровградского управления строительства

На открытии музея
Трудовой Славы ДУСа. 1979 год

Собирать,

«От имени всех родителей выпускников 1976 года благодарим Вас за Ваш талант в преподавании своего предмета, – написано на открытке, сохранившейся в семейном архиве Железных. – Собирать, чтобы затем раздавать, – это ли не самый высокий принцип человека с большой буквы!»

Очень точные слова, передающие сущность Нины Николаевны Железной. При этом немногие знают, что глагол «собирать», в отношении к ней – учителю истории и обществоведения димитровградской школы № 1 – можно применить не только в переносном, но и в прямом значении этого слова. Чтобы создать музей Трудовой Славы Димитровградского управления строительства, она собрала огромный фотодокументальный материал по истории одного из лучших строительных подразделений Министерства среднего машиностроения.

Музей был открыт 20 апреля 1979 года в Димитровграде в здании учкомбината по проспекту Димитрова, где сейчас находится филиал УлГУ. Менее чем за полтора года Нина Николаевна сумела преодолеть все этапы создания музея – от замысла и художественного эскиза до готовой экспозиции. Как вспоминает её муж, Виталий Михайлович Железный, не все тогда верили, что ей будет это под силу. Но она справилась! Каким неподдельным счастьем сияет её лицо на фотографиях, сделанных в день открытия музея! Просматривая эти снимки из семейного архива, я поймала себя на мысли, что в трудовой биографии Железной музейный период был, пожалуй, самым творческим и счастливым. Работать приходилось с интересными, талантливыми людьми – музей оформляли ульяновские художники во главе с А. Дягилевым, автором ставшего хрестоматийным портрета командарма Тухачевского. Его же кисть и на живописных панно с видами нашего города и окружающей его природы, украшавших просторное помещение музея – особого объекта в системе профподготовки молодых строителей. Здесь чествовали ветеранов стройки и лучших строителей, встречали многочисленных гостей,

приезжавших по обмену опытом, в том числе и из городов-побратимов. Здесь же 6 августа 1981 года торжественно отметили 25-летие управления. Бессменным экскурсоводом и составителем летописи димитровградских строителей до июля 1982 года оставалась Н.Н. Железная.

В начале 1990-х, в тяжёлые для страны годы, учкомбинат был закрыт, в здании разместился филиал «Автовазбанка». Экспонаты музея Трудовой Славы ДУСа были переданы в фонды Димитровградского краеведческого музея.

Но и в краеведческом музее Нина Николаевна не была посторонним человеком: она часто приводила сюда своих учеников, а после выхода на пенсию в 1999 году некоторое время работала здесь экскурсоводом. Да и сам краеведческий музей возглавляла её бывшая ученица, которой когда-то Железная дала первые уроки музейной работы.

В канун 100-летнего юбилея Владимира Ильича Ленина, в димитровградской школе № 1 открылся музей Александра Ульянова – его имя носила школьная дружина. Кроме материалов о старшем брате Ленина, здесь было и нечто необычное: предметы быта конца XIX – начала XX века, почти такие же, какие были в городском

Петропавловск-Камчатский. Памятник героям 3-й батареи лейтенанта А.П. МаксUTOва, отстоявшим город в 1854 году

Ленинград. Нина Анучкина – студентка ЛГПИ им. А.И. Герцена

чтобы потом раздавать

музею у Н.И. Маркова, в давно сне- сённом Доме Советов. Часть из них была собрана нами вместе с Ниной Николаевной в экспедициях по старому Мелекесу, который димитровградцам сам по себе казался ожившей историей. Потом мы учились проводить экскурсии по школьному музею. Позднее из-за нехватки учебных площадей он был закрыт. А навыки, полученные в те годы, в дальнейшей жизни всё-таки пригодились!

Нина Николаевна формировала тогда наше мировоззрение. Мы знали, что она училась в Ленинграде, в городе, где всё дышит историей. Для того, чтобы стать студенткой историко-филологического факультета пединститута им. Герцена ей пришлось пересечь всю страну (и не раз!), ведь родилась и выросла Нина Николаевна в Петропавловске-Камчатском, старейшем форпосте России на Дальнем Востоке, овеянном славой победы 1854 года над англо-французской эскадрой. Памятник, установленный защитникам Петропавловска на месте батареи лейтенанта МаксUTOва через 100 лет после события, словно оживлял далёкое прошлое и будил воображение местных школьников. В их числе была и наша будущая учительница, а тогда семиклассница Нина Анучкина.

Петропавловск-Камчатский, Ленинград, Крым (она любила отдыхать там с семьёй) с его античными городами-полисами Ольвией и Херсонесом благодаря Нине Николаевне мы, её ученики, воспринимали не абстрактно, а как существующую реальность.

Не сказать о том, каким строгим, требовательным учителем была Нина Николаевна, значит, не сказать о ней ничего. С лентяями и бездельниками она не церемонилась, и «схалтурить» на её уроках истории было невозможно, поэтому все старались учиться добросовестно. В 1993 году её педагогический труд был отмечен значком «Отличник народного просвещения».

Имея на всё своё собственное мнение, Нина Николаевна оставалась человеком независимым. Трудно было заставить её изменить своё решение – в этом она была очень принципиальна. Свойственная ей прямота и открытость не всегда и не всем нравились. Но её уважали за то, что она была человеком честным и правдивым. Наш 10«А» – математический класс средней школы № 1 города Димитровград, был её первым выпуском. Практически все мы поступили в вузы в том далёком 1974 году.

На протяжении всей жизни мы не забываем всего того, чему учила нас

Нина Николаевна: жизнь не игра – промахов и слабостей не прощает.

Свою личную трагедию – гибель единственного сына, замечательного человека, она перенесла тяжело, но каждый день на протяжении десяти лет заставляла себя жить дальше.

Что сказать мне о жизни?

Что оказалась длинной.

Только с горем

я чувствую солидарность,

Но пока мне рот не забили глиной,

Из него раздаваться будет

лишь благодарность.

Нине Николаевне Железной посчастливилось быть лично знакомой с автором этих строк – молодым ленинградским поэтом Иосифом Бродским, её ровесником. Сама Нина Николаевна об этом никогда нам не рассказывала, поскольку в те годы имя будущего лауреата Нобелевской премии на его родине было под запретом. Но она, глубоко понимавшая современную поэзию, на школьных диспутах и классных часах стремилась привить любовь к ней своим ученикам, развивая хороший вкус, настраивая нас на правильное восприятие жизни.

Надежда Прохорова

Фотографии Сергея Ершова

Открытие музея народного художника СССР Аркадия Пластова

Золотой подарок ульяновцам

15 ноября 2010 года в Ульяновске открылся музей народного художника СССР Аркадия Пластова. Семья мастера предоставила для экспозиции более ста подлинников. Это и широко известные картины художника, а также работы, которые ульяновцы увидели впервые. Музей размещен на ул. Гончарова, 16, где в советское время находилась постоянная экспозиция. Здесь же начинающий живописец впервые выставлялся в 1915–1916 годах. Присутствующий на церемонии открытия председатель Счётной палаты РФ Сергей Степашин подчеркнул: «Картины Пластова вошли в Золотой фонд мирового искусства».

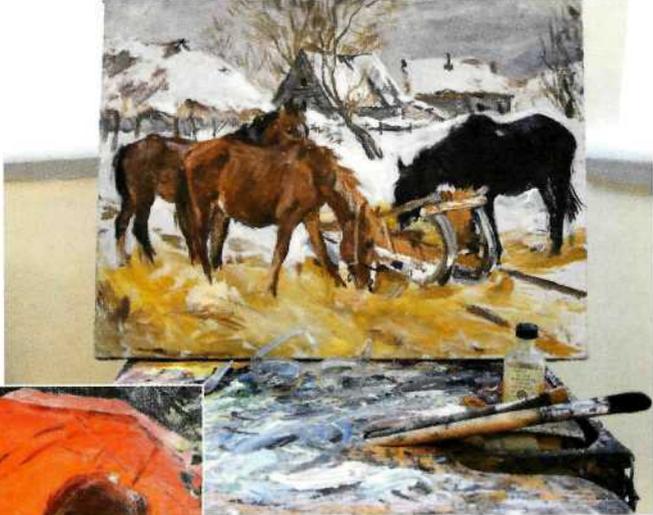
Открывшийся музей Аркадия Пластова стал поистине золотым подарком для ульяновцев – у земляков давно уже не было возможности увидеть такое количество подлинников выдающегося художника.

Церемония открытия вылилась в настоящий праздник. На нём присутствовали высокие гости: председатель Счётной палаты РФ Сергей Владимирович Степашин, его заместитель Сергей Николаевич Рябухин, Губернатор Ульяновской области Сергей Иванович Морозов, члены Правительства Ульяновской области.

– Картины Пластова экспонировались в Счётной палате, – сказал С.В. Степашин, – но я с детства помню его картину «Фашист пролетел», которая была в учебнике литературы.

Пластов – это история нашей страны. Это настоящая, неподдельная Россия. То, что сегодня открылся музей этого великого художника, – большое событие. Как я написал в книге гостей, это первый шаг от Ульяновска к Симбирску.

Невозможно переоценить подвигническую роль, которую взяли на себя внук академика Николай Николаевич Пластов и его супруга Татьяна Юрьевна. Это не только пропаганда наследия великого художника, но и воспитание и поддержка талантливой молодёжи. Выступая на церемонии открытия музея, Татьяна Пластова – Президент Фонда поддержки творческой молодёжи имени А.А. Пластова – выразила надежду, что Симбирская земля никогда не оскудеет талантами.

Инсталляция с этюдом
Аркадия Пластова

А. Пластов.
Нина Батасова. 1956–1958

А. Пластов.
Урок ботаники. Этюд. 1939

А. Пластов.
Дети на прогулке. 1950

Погодой управляют недра

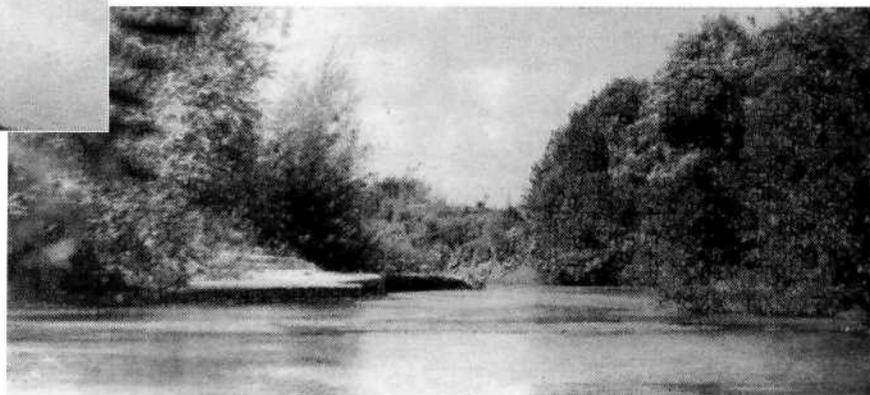

Учителя Новоспасской школы на берегу реки Сызранка. 1956 г.

Как-то осенью, проезжая по Тереньгульскому району на поезде, я невольно подметил, что снежный покров, обильно застлавший землю накануне, резко оборвался. Причём граница между глубоким снежным покровом и землёй, ещё не покрытой снегом, в пределах видимости проходила по прямой линии. В Ульяновске, изучив карты, я установил, что эта линия проходила строго над тектоническим разломом. Несколько ранее мне приходилось наблюдать такое же явление и в других районах области. И каждый раз граница между белым покрывалом и чёрной землёй обязательно проходила над глубинными тектоническими разломами земли – знаменитым Жигулёвским валом, в «обнимку» с которым над самой тектонической трещиной протекают в Новоспасском районе речка Сызранка, а в Николаевском – Канадейка.

Подметил я также, что тектонические трещины в земной коре зачастую разделяют весенний сход снега или его задержку. Оказалось, что эти бытовые наблюдения имеют под собой чисто научное объяснение. Ещё в 1933 году геологи отмечали, что форма облаков в зонах разломов резко отличаются от формы облаков в тех местах, где трещин нет. Современные геофизические приборы указывают, что в приземном слое воздуха над зонами разломов увеличивается электропроводность. По их мнению, это происходит потому, что трение в местах контактов горных пород при их взаимном перемещении в ходе тектонических процессов способствует превращению механической энергии в электрическую или иную...

Вот почему, видимо, продвижение грозных облаков и другие атмосферные явления «не обходятся» без

Река Канадейка. 1955 г.

влияния электростатического поля земли, возникающего в тектонических трещинах. Известно, что грозное облако иногда покрывает один район города и обходит стороной другой. Разрушительные грозные бури часто проходят на ограниченной территории и как раз рядом с местами, где «скрываются» тектонические нарушения в земных недрах. Как утверждают геопатогенологи, молнии в основном возникают над тектоническими трещинами в земной коре...

Как-то мои знакомые 6 августа 2010 года попали в сильную грозу во второй половине дня в Тереньгульском районе. Интересно, что они оказались под проливным дождём в том самом месте, где я наблюдал глубокой осенью 1959 года прямую разделительную линию между только что выпавшим снегом и чёрной землёй. Причём, гроза закончилась так же внезапно, как и началась...

Описанные явления происходят, видимо, только тогда, когда геоблоки, разделённые тектоническими трещинами, «отдыхают». Когда они «отдыхают», а когда «работают», пока человеку выяснить не удалось. Аномальная жара лета 2010 года, трескучие морозы прошлой зимы – загадка того же порядка...

Тектонические подвижки продолжают и в настоящее время. Как утверждает исследователь Ю.А. Мещеряков, скорость вертикальных перемещений земной коры в Поволжье очень невелика и составляет

несколько миллиметров в год. Например, за год в Ульяновской области происходит опускание поверхности земной коры от 0,8 мм в Кузатово до 4,6 мм в Ульяновске. Наивысшая точка в Пензенской области, расположенная на самом гребне Жигулёвского вала у деревни Кармановка в 15 км от Белого Озера, за последние 50 лет «подросла» почти на 40 сантиметров, а города Кузнецк и Пенза опускаются на 5,4 мм в год...

Несколько лет назад ульяновский геолог В. Ерхов высказал мысль, что Жигулёвский вал представляет собой «гигантский вечный двигатель, генератор неотектонических волн», и грядущие поколения должны «разобраться в геологических преимуществах родного края и использовать для блага населения неодолимую силу Сызранского взброса (Жигулёвского вала – Ю.О.)».

Таким образом, даже мои наблюдения, в которых я старался увязать погодные явления аномального характера с геологическими процессами в земной коре, позволяют сделать вывод, что изучение погодных явлений необходимо вести в неразрывной связи с изучением геологических процессов в земной коре. И в недалёком будущем на стыке метеорологии и геологии, скорее всего, следует ожидать появления нового направления в науке – геометеорологии или недропогодоучения...

Юрий Осипов

Железные флажки для определения силы и направления ветра впервые появились на мачтах кораблей. На сушу они перебрались сначала на дома моряков, а уже оттуда начали своё победное шествие по крышам городских зданий. Со временем флюгеры становились всё более оригинальными. Часто в их оформлении присутствовала «роза ветров». Её укрепляли в основании устройства, ориентируя по компасу или по Полярной звезде.

Постепенно из обыкновенного метеорологического прибора флюгер превратился в талисман, символ и даже вошёл в разряд произведения искусства. Различные фигурки, указывающие направление ветра на верхушках строений, уже никого не удивляли. По форме флюгера сразу можно было догадаться, что это за здание и кто его хозяин.

Флюгер на Дворце бракосочетания

На фоне неба – привычный флюгер

В музее «Метеорологическая станция Симбирска» работает выставка «Унесённые ветром». Особый раздел экспозиции занимают фотографии флюгеров Ульяновска и других городов России и Европы.

И в наше время тоже становится модным украшать свои дома флюгером. Благодаря установленным на крышах флюгерам, жилища приобретают отличительные черты и позволяют хозяевам таким образом проявить свою индивидуальность. Несмотря на простоту устройства, сделать качественный флюгер очень непросто.

Размеры флюгера зависят от высоты шпиля здания и от силы ветра, дующего в данной местности. Материалами для его изготовления часто служат нержавеющая сталь или медь. Флюгеры из нержавеющей стали получаются плоские. Медь позволяет сделать их объёмными. Затем они покрываются порошковой эмалью или специальной краской, устойчивой к ультрафиолетовым и механическим воздействиям.

Крыши ульяновских домов зачастую украшают разнообразные флюгеры, и в какой-то мере они формируют архитектурную среду города.

Один из наиболее известных флюгеров Ульяновска в виде петушка установлен на башне евангелическо-лютеранской церкви «Приход Святой Марии» на улице Ленина.

На крыше Дворца бракосочетания (улица Гимова) можно увидеть флюгер в виде Амура, посылающего свои стрелы во все стороны света.

Ещё один флюгер более 30 лет венчает часы Дома-музея Гончарова. На нём две даты: 1864 – год создания

часового механизма и 1974 – год появления этих часов на Доме-музее.

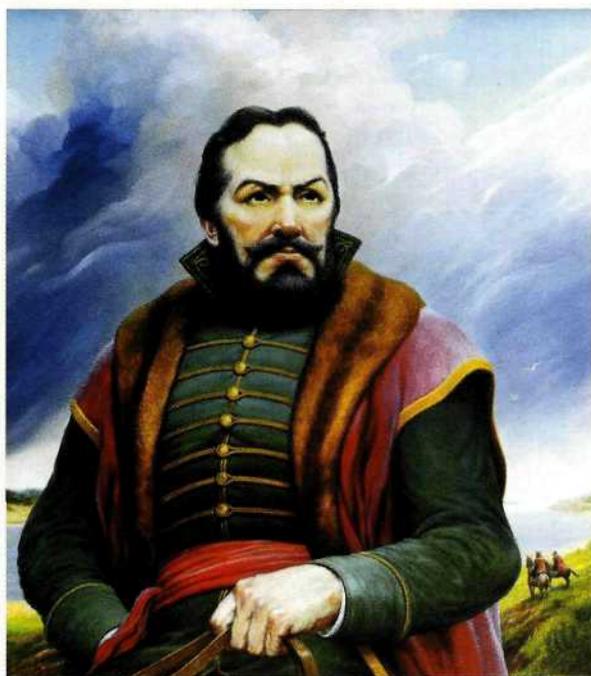
Флюгер на башенке Спасо-Вознесенского храма на улице 12 сентября напоминает горожанам о первом гербе Симбирска, пожалованном городу (тогда ещё Симбирску) в 1672 году за «двукратную храбрую оборону от разбойника Стеньки Разина». Изображение представляет собой льва, держащего меч в левой лапе, над его головой – трёхлепестковая корона. Герб символизировал храбрость симбирян. Его изображение можно увидеть на сохранившейся печати Симбирска, стоящей под выписью с переписных и отказных книг 1695 года. Считается, что эскиз симбирского герба создал «живописный мастер» Иван Чернавский, однако нельзя полностью исключить из списка предполагаемых авторов ещё одного русского мастера – Петра Гусятникова и иноземца – итальянца Франциска Санти.

В последнее время стало модно украшать флюгерами частные дома. Наибольшей популярностью у горожан пользуются разнообразные кораблики, петушки, коты, самолётики и тому подобные украшения.

Поэтому, гуляя по нашему городу, не забудьте обратить внимание на крыши зданий, и, возможно, тогда вы увидите необычный флюгер, а он расскажет вам свою неповторимую историю...

Елена Айнетдинова
Фото Владимира Панова

Флюгер на башенке Спасо-Вознесенского храма

Троицкий и Николаевский Кафедральные соборы. 1992

Основатель Симбирска Б.М. Хитрово. 1997
Портрет написан к 350-летию Симбирска-Ульяновска

Как выглядел воевода Богдан Матвеевич Хитрово, никто не знает – его изображений не сохранилось. Вера Чуенко первая взяла на себя трудную задачу создания образа исторического персонажа. На основании сведений, полученных от краеведа Бориса Аржанцева, она представила основателя нашего города на берегу Волги уверенным, властным, строгим. Именно такой человек, по мнению художника, мог возглавить строительство крепости Симбирск и довести задуманное до завершения.

Там мрака нет...

Спешишь ли ты на концерт в Мемориал, или идёшь на лекцию в педагогический университет, остановись перед старым особняком, твореньем М.Г. Алякринского. Несмотря на прозаическое название – Дом офицеров (а до революции – Арестный дом), оно притягивает красотой форм и таинственностью. Зайди в него, спустись ниже этажом и попадешь в храм искусства и истории Симбирска, во владения художницы Веры Чуенко.

Художник В.Я. Чуенко. 2008

Спасский женский монастырь. 1992

Губернатор Ульяновской области
С.И. Морозов. 2006

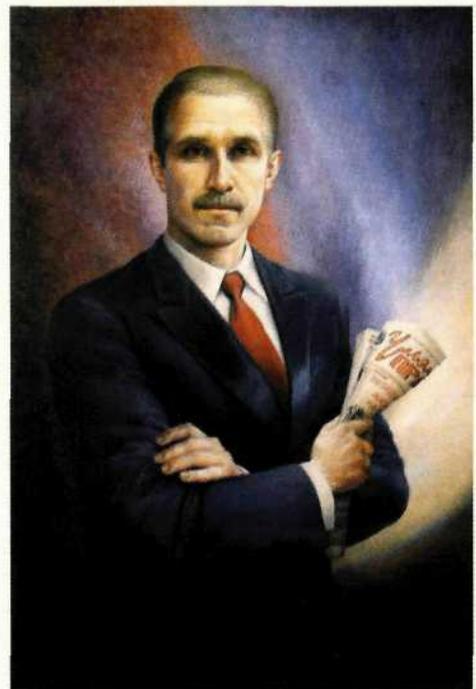
Там свет и радость исходят от холстов, там град Симбирск – нерушим, и храмы Божии, как и в прежние времена, горят луковками. Богдан Хитрово величаво на крепость будущую смотрит.

Там художница Вера Яковлевна Чуенко творит самозабвенно почти уже 30 лет, и посетителей не счесть: студенты, дети, туристы, пенсионеры – все, кого волнует красота мира и кисти мастерство.

Вера Чуенко родилась в р.п. Сурское Ульяновской области. В 1965 году с отличием окончила Чебоксарское художественное училище. Преподавала в Сурской школе рисование, работала художником книжной графики в Чебоксарском книжном издательстве, художником-оформителем в проектной организации. С 1984 года она – художник в Доме офицеров. В сотрудничестве с архитектором-краеведом Б.В. Аржанцевым к 345-летию Симбирска-Ульяновска подготовила выставку «Жемчужины архитектуры Симбирска». К 350-летию города создала большую портретную галерею «Выдающиеся соотечественники Симбирской губернии». Сюда вошли портреты основателя города Богдана Хитрово, архитектора Фёдора Ливчака, симбирского губернатора А.М. Загряжского и многих других симбирян и ульяновцев. К следующему юбилею города выставка пополнилась новыми работами.

Зайди в Дом офицеров, спустись ниже этажом. Там мрака нет, там свет и радость. Там пиршество красок, гармония цвета, история Отечества и родного края.

Александр Агафонников

10 октября 2010 года
на 72-м году жизни скончался
один из старейших журналистов
Ульяновской области,
член Союза писателей России
Геннадий Дёмин.

Коллеги и друзья ценили в нём доброту, отзывчивость и глубокую порядочность. Светлый образ Геннадия Ивановича, его прекрасные человеческие черты останутся в наших сердцах и в памяти, а читателям остаются его мудрые, добрые рассказы.

Сердце матери

Рассказ

Поняв, что перед ней благодарный слушатель, старушка разговорилась:

– Уж как я радовалась-то, когда мне сына выучить удалось. После председателя первым в колхозе стал – за всю скотину в ответе, шутка сказать... А ведь ох как нелегко было на ноги его ставить. Муж мой не выдюжил в голодный год: квёлый был, болезни его трепали... Совсем мальцом Иван без отца остался. Как удалось нам с ним выжить, – одному Богу известно. Бывало, шабры спрашивают: «Чем живёшь-то ты, Пелагея, одни мощи остались? Сама-то хоть ешь сколько?» А где уж там: ежели бы я сама ещё ела – что же ему-то осталось бы... Кашу из коры себе-то варила... Потому, поди, и вырастить-выучить мне его удалось, что после того голодного года нам с ним уже всё хорошо было, любая беда – не беда...

Нянчилась я с ним, дышала на него. Потому что всё мое сердце в нём было... Не поверишь, я даже невесту ему сама подбирала, ей-ей... Приехал это он, значит, из своо училища, заступил на должность. С мужиками хоть куда: и прикрикнет, где надо, и посмеётся с ними, баб тоже мог, где шуткой, где крепким словом работать заставить. А как к девке подойдёт – всё! – на себя не похож, слова не найдёт сказать. От любой-каждой шарахался. Что делать? Парню двадцать лет, а он, чуть стемнеет, брык в кровать, и никакая его гармошка не разбудит...

Я перепугалась: неужто побылем останетсья? А уж так надоела мне изба-то наша пустая: всю жизнь ведь мы с ним вдвоём только... Всё вдвоём да вдвоём. То ли дело,

думаю, сношка появится, а там и внучатки пойдут, как грибки. Нет, чудак-чудачок, – шарахается и шарахается от девок. «Ты, что, спрашиваю, большой разве, о женитьбе совсем не думаешь?»

«Да, ну их, – говорит, – мама... Злые они все после, как жёнами станут...» Только я вижу – не в том его боязнь-то, а просто робеет он девок со всеми их штучками – и вся недолга. Ну, думаю, плохи, мать, твои дела. Иль так до смерти пустота в доме будет, иль окрутит твоего молодца какая лядащая вдовица...

И стала тогда я сама ему невесту искать. Отобрала про себя трёх девчат, что на выданье – кровь с молоком, ладные, пригожие и скромницы. Только мне этого мало. По утрам, рано-рано, стала я по какому-нибудь случаю к их матерям забегать: попросить сольцы или яичек под клушку подбросить. А сама во все глаза смотрю, как мои невестушки ото сна встают: не неженки ли, не растрёпы ли... Словом, выбрала я, наконец, девушку себе по душе. Самой на себя смешно было, а всё-таки делала я это всё сурьёзной сурьёзной. Потихоньку-полегоньку раскачала Ивана, выведала, какая ему из сельских невест больше всего по душе-то. И надо ведь – моя Настюша и оказалась...

Тогда я к этой Настюше – клинья подбивать. А чего там: все мои невестушки со своими мамками догадались уже, зачем я стала к ним похаживать. И ни одна бы не отказала Ивану, я-то знаю. И тут не в его должности и трезвости дело. Просто он очень видным удался парнем и здоровым – не в пример своему квёлому отцу. Я сама дивилась – откуда дрожжи такие: голод перенёс в малолетстве. А он – будто назло всем голодовкам – в кряж пошёл. Вон, вишь, на фотографии. Скажешь, плох парень? Ну, вот... Настюше я только намекнула, она вся загорелась, как цвет маков... Трудно с девкой об этом говорить, но я шутя-шутя, а растолковала ей, что надо самой ей приручить Ивана.

А уж я-то, мол, подмогу... Словом, как ни дичился парень, а сношка скоро в моей избе появилась...

На улице за окном кого-то окликнули, перебив рассказ Пелагеи Семёновны. Старушка подошла к окну, посмотрела в темень и, ничего не увидев, попросила:

– Выйди, сынок, глянь: кто это звал? Может, меня...

Я вышел во двор, потом за калитку, посмотрел, на сколько хватал глаз, в тёмную улицу – разглядел силуэт целующейся парочки.

– Целуются? Да я так и подумала – не меня, а тут вот все ёкает, – показала на сердце. – Теперь уж редко мне это мерещится. А вот в первые годы после похоронной... Ой, бывало, сижу-сижу, а он, Иван, ходит круг двора-то. Я говорю: Настя, иди взгляни – кто-то ходит, снег-то хрустит. Ходит... Она выглянет, вернётся: «Что ты, мам, там и следов-то нет...» А мне нет-нет да вдруг снова покажется: ходит под окном кто-то. Он, Иван, ходит...

Шабер возвратился с фронта. «Ты что, – говорит, тётя Паша, – и не думай. Без вести пропавшие и те никогда не вернутся: или мина, или бомба в куски разорвала. А у тебя – похоронная... Чего уж тут, не трави душу зря, успокойся...» Да я ведь головой-то всё это понимаю... А вот всё думается – до сих пор ночей не сплю...

...Я про Настю хочу досказать. Ошиблась ведь я с ней, видно. Нельзя, наверно, свадьбы вот так, с бухты-барухты делать и третьему в это дело вступать. Первый раз я подумала об этом, когда Ивана на фронт провожали. Мы с

сыном всю жизнь беспечные были, никаких запасов не делали. Взяли его у меня в сорок первом, вместе с другими сосновскими на станцию увезли. Стояла я в центр, обменяла разного тряпья на полпуда муки, испекла хлеба. Поехали мы с Настюшей и другими бабами на станцию. Настя-то на сносях уже, тяжёлая была. Доехали мы до станции, поспрыгивали. Вот веришь, нет – не знай под землёй я шла, не знай по земле бежала: всё мутно, как во сне. Спрыгнула я с телеги-то, бегу, значит, с караваями-то, бегу, бегу... Обняла Ванюшу, говорю: вот, сынок, принесла тебе хлеба на дорогу. И семечек ещё купила тыквенных – уж больно он семечки любил сызмалу...

Говорю с ним – сама не знаю, о чём. А сердце ровно чуяло... Он ничего, а я реву, как на поминках, и перестать не могу. А он только: «Да ладно, тебе, мама». И Настюшка не с ним прощается, а меня тормозит: «Да перестань ты, мама!» Как на станции – я не очень помню, а вот дома она мне долго ещё выговаривала за это: от людей, вишь ли, ей стыдно было... Будто людям там только на нас смотреть: все ревмя ревели, всем беда наперёд виделась.

Плохо Настюша с Иваном простилась, хоть и дитя от него ждала. Но я подумала: может, стесняется, может, больная из-за брюхатости-то была, света вольного не видела от боли... Но и то правда, что с матерней любовью ни любовь жены, никакая другая не сравнится. Хотя, конечно, и матери разные бывают. Вот наша Настя...

Родила она, значит, Коленьку, а вскоре мы эту распроклятую бумагу получили с чёрной полосой наискось... Не Коленька, если бы – я жить не стала б. Нет, не стала. Он, Коленька, от дурной мысли спас: уж очень весь в отца – и лицом, и повадками. И стала я теперь внучка от голода спасать...

А Настю как-то на ферме увидела с безруким бригадиром – с госпиталю тока вернул: смеются, играют... Больно мне на всё это смотреть было. Поэтому я ей прямо сказала: «Дело твоё молодое, женихов теперьчи мало – выходи, если возьмёт... Ты же не в меня, всё равно для одного сына жить не сумеешь, для себя жить потянет. Так что выходи, только Коленьку мне оставь. Боялась я за Коленьку-то – отнимет, а что я без него... Нет, оставила, вроде как даже с радостью – руки развязала. Вышла за однорукого бригадира, от него вскорости сына родила... К нам с Коленькой так, раз в год заглянет на полчаса. Не все мы, бабы, одинаковые... Есть и кукушки. Это мне вот сын до сих пор видится под окном. Да, знаю, что не может быть ничего такого – не в сказке живём. А вот чудится. Не сплю частенько. Не сплю, а вижу его лучше, чем во сне. Теперьчи вот Николая нет-нет да прошу: «Выйди, внучек, вроде ветка хрустнула». Коленьке-то моему уж скоро ого-го сколько стукнет – намного старше своего отца, а для меня всё равно внучек. Холостякует всю жизнь, не знай, почему...

На улице давно уже метала громы и молнии первая весенняя гроза. Сильным порывом ветра сорвало с крючка одну из ставен, и она протяжно и громко закричала. Палагея Семёновна сразу оборвала рассказ, напряглась, насторожилась, всем телом подалась вперёд...

И вдруг показалось, что чудо очень даже возможно: распахнётся сейчас настежь дверь – и ворвётся в избу с широкой улыбкой Иван и, обняв старую мать, скажет виновато: «Прости, мама... Так уж вот оно получилось. На том свете был, да прогнали: кого любят на этой земле – не умирают...».

Геннадий Дёмин

Открытка из 1910-го

В нашем семейном архиве немало книг, писем и открыток с автографами людей, оставивших заметный след в культуре и искусстве. Среди них – открытка неизвестного лица, отправленная в ноябре 1910 года прабабушке моих дочерей Анне Ивановне Приклонской. Писатель Лев Толстой умер 7 ноября (по старому стилю) 1910 года на станции Астапово Рязано-Уральской дороги и похоронен в своём имении Ясная Поляна Тульской губернии. Автор открытки был очевидцем тех трагических событий и написал её под свежим впечатлением от увиденного. Вот её текст:

Здравствуйте, дорогая Анна Ивановна! Спасибо за услугу. В Ясную Поляну я тогда попал. На ст. встречали тело Л. Ник. и провожали в Ясн. Пол. В доме допустили нас проститься, я и от Вас поклонился «великому». После прощания мне уже не захотелось разбивать впечатление, находясь в толпе, и я пошёл в деревню чайку попить. Много тут интересного рассказывала хозяйка про покойного. Перед прощаньем я ходил на могилу, место – прямо поэтическое. При погребении я уже не был, а в это время пошагал обратно на станцию. На всю жизнь останутся в памяти у меня эти часы, провед. на родине Л. Ник. Весной думаю по пути захватить на могилу. (Подпись неразборчива).

P.S. Стоит отметить, как оперативно были тогда изданы фотооткрытки с портретом и датой смерти великого писателя.

Лев Нецветаев

«Александровский сад»

теперь есть и в Ульяновске

В первый день рождения народного артиста РФ Бориса Александрова, проходящий без него, хмурым пасмурным днём 31 октября 2010 года на сцене Дома работников образования был заложен «Александровский сад» – фестиваль памяти Мастера.

Фото Сергея Юрьева

Несмотря на глубокую осень, множество «цветов» расцвело в «саду», заложенном ещё при жизни Бориса Владимировича. На сцене показывали свои работы его воспитанники – студийцы-«драмовцы», студенты факультета культуры и искусства УлГУ.

Его организаторами стали театр-студия «Enfant-terrible» и УлГУ. «Ужасный ребёнок», а именно так переводится название студии, оказался благодарным созданием. Ещё в январе 2010-го после безвременной кончины выдающегося актёра, именно отсюда исходили инициативы по увековечиванию его имени. Сначала это было предложение назвать в честь него одну из улиц Ульяновска, позже возникла идея фестиваля.

Идею и название фестиваля оценила народная артистка России Клара Шадько, присутствовавшая на его открытии: «Совершенно замечательное начало!» – провозгласила она и даже предложила дать гран-при за фантастически-поэтическую идею назвать фестиваль «Александровским садом».

Скептикам, возможно, покажется, что название, в первую очередь, вызывает ассоциации со столичным Александровским садом. Так и нам до столичности рукой подать – собираемся же мы участвовать в программе «Ульяновск – культурная столица Европы»!

Клара Ивановна высказала надежду, что этот новый для нашего города театральный фестиваль со временем

перерастёт во что-то большее, достойное незаурядного таланта лауреата Государственной премии России, и со временем сменит региональный статус на федеральный.

Пять дней первого фестиваля включили в себя моноспектакли Ольги Новицкой, Марии Жежелы (дочери Александрова), постановку детской театральной студии «Виват!», которой руководит ученица Бориса Владимировича Ольга Королёва, спектакль «Ящерица» театра-студии «Enfant-terrible» в версии Дмитрия Аксёнова.

Пять пробных шагов уже сделаны. У организаторов фестиваля уже есть планы на будущий 2011-й год. Они включают самые разнообразные спектакли, эксперименты, творческие пробы и привлечение театров из других регионов.

31 октября 2010 года Борис Владимирович словно незримо присутствовал на своём празднике – и в работах молодых актёров, и в песнях о нём. Он как бы благодарил всех, кто пришёл на открытие фестиваля. А молодёжь, в свою очередь, благодарил АБВ (Александрова Бориса Владимировича) за то, что он открыл для них сцену, зажёл в их душах свет и зародил любовь к театру.

Книжные новинки

Громова Т.А. Историческая хроника нотариата Симбирской губернии – Ульяновской области (серия «Золотые страницы Российского нотариата»). – М.: Фонд развития правовой культуры, 2010. – 285 с., ил.

Автор книги Т.А. Громова сумела в яркой и увлекательной форме отобразить историю зарождения и становления института нотариата нашего края со времени вхождения его в пределы Российского государства до современности. Издание отличается красочным оформлением, снабжено богатым иллюстративным и справочным материалом.

Валкин М.Х. Из записок старого музейщика. – Ульяновск: Издательство «Корпорация технологий продвижения», 2010. – 92 с.

Марк Харитонович Валкин посвятил музейной работе 50 лет, из них 30 лет он проработал в Ульяновском областном краеведческом музее, в должности директора. В 1994 году музейщик-краевед выпустил книгу очерков «Из моей жизни», охватывающих период работы с 1920-х до 1980-х годов. Но и позже М.К. Валкин продолжал работать в ульяновских музеях, о чём решил рассказать землякам в своей новой книге «Из записок старого музейщика».

С пользой для Отечества

№ 4 (63) 2010

(выходит четыре раза в год)

Главный редактор

О.Г. Шейпак

Художественный редактор

Т.А. Мельникова

Ответственный редактор

Л.С. Янушевская

Менеджер по распространению

Н.Ю. Рачкова

Редакционный совет:

В.Н. Егоров (председатель)

Р.Г. Азбукин

Л.П. Баюра

О.Е. Бородина

Т.Ф. Верещагина

Т.А. Громова

С.А. Давыдов

В.В. Матвеева

Л.Н. Нецветаев

С.Б. Петров

Е.Н. Сергеева

А.С. Сытин

Учредитель:

Департамент массовых коммуникаций
Ульяновской области

Издатель: ОГУ «МедиаЦентр»

Адрес редакции:

432063, г. Ульяновск,

ул. Пушкинская, д. 11

Тел: 30-17-70

www.monomah.sis.net.ru;

e-mail: monomahh@gmail.com

Издание зарегистрировано

Управлением Федеральной службы

по надзору в сфере связи

и массовых коммуникаций

Ульяновской области

ПИ № ТУ 73-00029 от 25.09.2008 г.

Цена свободная

Подписано в печать 6.12.2010 г.

Формат 60x84 1/8; усл. печ. листов 7,44

Тираж 2000 экз. Заказ № 3205

Набор и вёрстка заказчика

Вывод фотоформ и печать

ОАО «Областная типография «Печатный двор»»

432049, г. Ульяновск, ул. Пушкарёва, д. 27

Подписной индекс 73844

На 1-й стр. обложки – фасад здания УОИБ.

Фото Сергея Ойкина

На 1 стр. – фото Сергея Ойкина

В номере:

О. Бородина. Куплю Ульяновскую-Симбирскую энциклопедию.....	2
Станет ли Ульяновск культурной столицей Европы?	4
Святейшее служение	6
Нафанаил. Германовский храм. Второе рождение.....	8
«За деньги не делается ничего великого»	
Беседа с И.П. Золотусским	10
Э. Ибрагимова. Создатель «общежительной прозы».....	12
Г. Челноков. «Он в свете был министр, а у себя поэт».....	15
М. Качалина. Славный род Закревских.....	19
Н. Дубовик. Песнь благодарения	22
М. Валкин. Сын великого орнитолога	27
А. Колесов.	
Привет тебе, король карнизов.....	29
Т. Громова, А. Сытин.	
В роде своём не последние.....	30
Г. Мартянова. Властелинша иностранного факультета.....	34
Л. Ивашкина.	
Путешествие с Варварой Гриневиц.....	35
А. Иванов. «Ещё один эсминец...».....	38
Г. Краснопёров. Детство золотое?	40
О. Слепова.	
Ключ к познанию жизни	44
О. Шейпак. Вкус книги.....	45
В. Каменев. Оправдание зла.....	46
А. Сытин. Из истории зданий Симбирской духовной семинарии	47
С. Петров. Автор ярких рассказов	
Михаил Премиров.....	50
М. Премиров. Из детства.....	51
Н. Прохорова. Собрать, чтобы потом раздавать.....	54
Золотой подарок ульяновцам	56
Ю. Осипов. Погодой управляют недра.....	58
Е. Айнетдинова. На фоне неба – привычный флюгер	59
А. Агафонников. Там мрака нет.....	60
Г. Дёмин. Сердце матери.....	62
Л. Нецветаев. Открытка из 1910-го.	63
Л. Янушевская.	
«Александровский сад»	
теперь есть и в Ульяновске	64
Книжные новинки.....	64

Наши попечители

ПРЕССА

Аркадий Пластов. Молодые. 1955–1957